

5
1963

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дно океана, морские глубины еще ждут своих исследователей.

Рис. Ю. Молоканова

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ. Испания в сердце моем	2
БОРИС ЛЯПУНОВ. Глубины планеты ждут	52
АНАТОЛИЙ ДНЕПРОВ. Тускарора	57
Л. ПЛАТОВ. Последняя стоянка «Летучего голландца»	94
Из блокнота «Искаателя»	135
УИЛЬЯМ АЙРИШ. Срок истекает на рассвете	136
О'ГЕНРИ. Коса на камень	155

№ 5 (17)

1963
ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

В СЕРДЦЕ МОЕМ

ПОВЕСТЬ

Под редакцией генерал-лейтенанта танковых войск, Героя Советского Союза, участника национально-революционной войны в Испании

С. М. КРИВОШЕИНА.

Рисунки А. ГУСЕВА

*А если не будет победы,
Не кончится и война...*

ПЕДРО ГАРФИАС,
поэт, батальонный комиссар

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они вышли на опушку рощи.

Педро никак не мог привыкнуть, что оливы не шумят, а шуршат под ветром, как бумага. И теперь, наблюдая позиции фашистов, он чувствовал: внимание его отвлекает необычный шелест листьев над головой.

Стволы олив были светлые, будто выгоревшие, и короткие.

Командир танкового батальона Хезус Педрогесо, высокий, в комбинезоне не по росту — руки вылезали из рукавов, а штанины были задраны выше лодыжек, — лег на землю и хлопнул ладонью рядом, приглашая Педро.

«Оливы... Их, оказывается, оканывают, как яблони...» — Советник устроился рядом с Хезусом.

Взрытая мотыгами почва пахла, как пахнет вся земля на свете, хорошо взрыхленная и еще не успевшая высохнуть под солнцем.

Теперь Педро увидел меж стволов пологий склон. Внизу, где он выполаживался, желтели брустверы республиканских окопов, вырытых наспех.

Дальше, за республиканскими окопами, у самого каньона, в котором текла невидимая отсюда река, виднелись другие траншеи — франкистские, сделанные тоже кое-как.

Речной каньон охватывал подножье холма, самого высокого на местности, с которого вчера внезапным ударом были выбиты республиканские части.

У дальнего склона холма можно было разглядеть мост и деревянный рядом. Там левый фланг республиканцев. Его удерживал батальон анархистов.

Издали деревня выглядела ослепительно белой. И выше всех построек поднимался шпиль церкви.

Вчера фашисты не атаковали предмостные укрепления, а просто перерезали дорогу, ведущую из Тарденты в Сариньену и дальше, на Лериду.

Рыжее плато, кое-где покрытое пятнами виноградников и блеклыми рощами олив, горы вдали, будто всплывшие в дымке, синие ущелья и почти черные лесные склоны — все это очень напоминало Педро что-то удивительно знакомое, родное. Но сейчас он был занят другим. Батальону поставили задачу действовать здесь, на танкоопасном направлении. А танки противника не появлялись. Где же они?

«Вернее всего, за холмом... — думал Педро, разглядывая

фашистские позиции перед каньоном. — Но позиции... Что случилось с немецкими или итальянскими советниками? Как они разрешили франкистам окопаться на этом берегу? Бездарно! Пустим танки на поддержку нашей пехоте, опрокинем фашистов и на их плечах форсируем реку — вырвемся на тот берег... Где же все-таки их танки?»

Педро еще и еще раз осмотрел местность. Да, они могут так тщательно укрыться только за холмом, если вообще здесь есть танки.

Советник вздохнул, повернулся к Хезусу.

Педрогесо лежал, подперев ладонью щеку, и смотрел поверх равнины, и холмов, и гор, словно там сосредоточилось самое главное для него, самое важное.

— Примavera! — сказал Хезус, заметив, что советник обернулся к нему.

«Да, весна...» — подумал Педро и кивнул.

— Хезус, как бы нам лучше уничтожить этих кабальеро де фортуна?

Педрогесо улыбнулся. Его частенько умилял испанский язык советника.

— Зададим танками, и все...

— А мне думается, пусть начинает пехота. Мы поддержим ее парой танков. Остальные оставим в резерве.

Едва он успел договорить, раздались оружейные залпы. Клубы земли и пыли поднялись у окопов республиканцев.

— Фашисты начали артподготовку, — сказал Хезус, поднимаясь. — Мы опоздали, контехеро! *

— Живы будем — не помрем! — вскочил Педро. Он всегда становился собраннее и бодрее, когда обстановка усложнялась. — Мы спустимся к пехоте. Огнем поможем ей отразить атаку. Потом пойдем сами. Пехотинцы наши нас поддержат. Все будет отлично!

— Хорошо.

Коренастый, с буйной черной шевелюрой, Педро был ростом едва по грудь комбату и стоял, рассматривая петельку на его комбинезоне, куда была продета оливковая веточка — несколько глянцевиных листочков с серебристой изнанкой.

— Черт возьми, — сказал по-русски Педро, — попали с корабля на бал.

— Что? — спросил Хезус по-испански.

— Знает ли пехота, как взаимодействовать с танками?

— Здесь, в Арагоне, почти год не было настоящих боев, — ответил Хезус, — а мы не успели поговорить с пехотным командиром. По внешнему виду — боевой.

Хезус отряхнул землю с колен и, согнувшись чуть не пополам, пошел в глубь рощи.

Педро двинулся за ним, стараясь не потерять из виду долину. Но идти под деревьями было трудно — мешали нижние ветви.

Неожиданно он натолкнулся на Хезуса. Тот остановился.

* Контехеро — военный советник (исп.).

— А вы не изменились, контехеро, — сказал комбат. — С тех пор как я учился у вас в Барселоне, вы не изменились. У вас по-прежнему всегда хорошее настроение.

— Идем, идем! Ведь это будет мой первый бой после инструкторской работы в Барселоне...

Хезус улыбнулся и, пригнувшись, побежал к стоявшим в глубине рощи танкам. Из-под ботинок командира, топтавшего взрыленную землю, поднималась легкая пыль. Стояла весна, и еще не было жары.

Подойдя к своему танку, командир батальона вызвал к себе командиров рот. С помощью Педро Хезус объяснил задачу каждому.

Потом танки вышли на исходный рубеж, к опушке.

Машины советника и Хезуса стояли рядом.

Педро снова увидел и пологий склон и брустверы республиканских окопов, вырытые там, где склон выполаживался, в полукилометре от места их стоянки. Там рвались снаряды.

— Хезус, вы видите пыль? — Педро махнул рукой в сторону высот левого берега.

— Вижу. Что это?

— Там стоят батареи фашистов.

Моторы танков работали на малых оборотах, и приходилось кричать.

Хезус кивнул и крикнул:

— Я передам сейчас командирам машин!

Артиллерийский обстрел прекратился. Ветер медленно относил от окопов пыль и дым разрывов.

И тогда из каньона выплеснулась лава марокканской конницы: всадники в белых и красных бурнусах, в чалмах, намотанных на каски. Темные приземистые андалузские кони стлались наметом.

Республиканские траншеи молчали, подпуская конницу.

— Хорошо! Хорошо... — бормотал Педро.

Уже стали слышны визги всадников.

Из окопов республиканцев раздались первые залпы. Застучали пулеметы на флангах, ведя кинжальный огонь по лаве.

Три красные ракеты взвились и повисли над долиной.

Танки двинулись вперед, на помощь пехоте. Они быстро скатились к окопам, миновали их, устремились на конницу.

Лавы смешалась и покатила обратно, устилая поле убитыми.

Педро видел в оптический прицел только маленькую группу отступающих всадников. Видел: все ближе траншеи франкистов. Видел, что пехотинцы врага, не ожидавшие танковой атаки, бросают окопы и бегут...

И вдруг он заметил: крышка люка на танке Хезуса — он шел впереди — приподнялась. На секунду показалось лицо командира батальона. Мелькнул сигнальный флажок: «Все кругом!» Сигнал повторили командиры взводов.

«Пехота! Пехота не пошла!» — понял Педро и тоже приказал поворачивать.

Через секунду он уже видел брустверы республиканских

окопов, на них стояли бойцы, размахивали винтовками и бегунками, приветствуя танкистов.

Машины остановились, не доехав метров двадцати.

Педро открыл люк и увидел Хезуса, вылезшего на брону танка.

«Что он делает?» — удивился советник. И тоже вылез.

— Аделанте! Аделанте, камарадос! — вопил комбат.

А Педро, забыв, что его никто не понимает, закричал по-русски:

— Вперед! За танками!

— Аделанте! Аделанте, камарадос! Вива ла республика Еспаньола! — кричали все танкисты.

Танки опять развернулись, и пехота потянулась за ними. Педро нырнул в башню; захлопывая за собой люк, он увидел, что Хезус сделал то же.

Машины двинулись вперед, к каньону.

Они с ходу форсировали неширокую реку вброд, гоня перед собой франкистскую пехоту, поднялись на левый берег и пошли к высоте.

Батарея была теперь по машинам прямой наводкой.

Педро выглянул из люка — пехота шла за танками.

Он открыл огонь.

Потом снова приподнял люк.

После танковой духоты, едкого и терпкого запаха пороховых газов, попадавших во внутренность машины во время перезарядки орудия и стрельбы пулемета, он ощутил свежий запах воды и прохладу каньона и в мгновение огляделся. Шедшие за ним танки были рядом.

Но два танка остались на поле. Они горели.

И не похоже было, что они горят.

День стоял яркий. Пламя таяло в солнечном свете — таким оно было жарким и сильным. Только в нескольких метрах над машинами туго завивался клубами черный дым.

Захлопнув люк, Педро припал к окуляру прицела. Он увидел, что танк Хезуса вырвался далеко вперед, нырнул в лошину.

«Куда он? Ведь там батарея! Там фашистская батарея!»

Педро приказал водителю двигаться за машиной командира.

Но едва танк продвинулся к ложине, сбоку ударил снаряд, потом другой. Водитель повел машину вперед крутыми зигзагами. Педро увидел танк Хезуса, который двигался по ложине, подкрадываясь к батарее с фланга.

— Правильно! Правильно, Хезус! — закричал Педро, лова в окуляр прицела батарею. Выстрел, другой, третий... Танк Хезуса бил по батарее. Вражеские артиллеристы бросили орудия, побежали. А из-за взгорка уже показались республиканские бойцы.

Машины двинулись вниз с холма, на дорогу, — за ней теперь скапливалась франкистская пехота.

Но ей не удалось удержаться. Республиканские бойцы следовали за танками, уже не отрываясь от них. Фашисты были выбиты на свои прежние позиции, с которых день тому назад начали наступление на дорогу.

Танки снова стояли под оливами. Только эта рощица была моложе, деревья ниже, чем в той, где они укрывались утром.

Педро вылез из танка и опять увидел рыжеватую, чуть всхолмленную равнину перед собой, узкие полоски зелени, прятавшиеся в низинах, далекие горы, дымку и синеву ущелий.

И теперь он вспомнил, где видел картину похожую — похожую до радостного восторга. Под Севастополем, на дороге от Сапун-горы до Балаклавы. Только там земля была не рыжеватой, а белесой.

К машине подошел Хезус. Вылезавший из своего комбинезона не по росту, с измазанным пороховой гарью лицом, он был радостен — танкисты выиграли бой. Рядом с ним появился щуплый Антонио, комиссар батальона, тоже еще не умытый и тоже радостно возбужденный. Подошел командир взвода Висенте, стройный, подтянутый щеголь.

— Педро! Вен аки! *

— Вива Русия! — закричал Висенте.

— Вива Педро! — подмигнул Хезус.

— Вива Испания! — И Педро поднял к виску сжатый кулак.

Танкисты ответили восторженным гулом.

«Здесь плохо, — подумал Педро, спрыгивая с танка. — С воздуха нас отлично видно».

Хезус протянул ему огромную кастрюлю вина. Он был в эту минуту торжествен, как Дон-Кихот, посвящавший Санчо Пансу в рыцари.

— Да я ж не пью!

— Это крещение, — выговорил торжественно Хезус.

Педро принял чашу под общий хохот, потому что лицо «крестника» стало таким грустным и несчастным, будто его угощали касторкой.

Висенте, высокий, как Хезус, только со свежим и полным юношеским лицом, сказал:

— Будь испанцем!

Педро выпил полную чашу.

Танкисты отправились к кухне, а крестник — за ближние деревья. Он вернулся бледный, но был весел — хмель все-таки остался...

— Ты, Педро, больше похож на мадридца, чем на русского, — сказал Хезус Педрогесо, — хоть совсем не умеешь пить.

— Я не только не умею пить. Я еще ни разу не видел боя быков! Какой же я после этого испанец?

— Ты не видел корриды дель торрос? — Висенте изумился так, будто услышал, что Педро никогда не видел солнца или травы.

— Да, Педро, — подтвердил Антонио, — конечно, ты очень похож на испанца, но ты не испанец, если не видел этого...

* Иди сюда! (исп.).

— А что нам стоит устроить корриду? — спросил Хезус. — Отправим людей в ближайшее селение, и они приведут быка.

— Это совсем не так просто, — ответил Антонио.

Антонио, комиссар танкового батальона, был астурийским горняком, но походил на веселого щуплого мальчишку с грустными глазами, который всегда оставался жизнерадостным и отзывчивым на шутку.

— Почему же не просто? — разгорячился Висенте. — Были бы быки, а корриду мы устроим!

— Быки не похожи на франкистов, которые звереют от одного слова «красный», — подмигнул Антонио. — Их придется злить до крови. Но и тогда они не станут как следует драться.

— Посмотрим, — сказал Висенте. — Я берусь их сделать настоящими боевыми быками.

Обед еще не был кончен, когда к расположению танкистов подъехал грузовик. Бойцы достали из кузова аккуратное скатанное брезент.

Никто не спрашивал, что там. Все знали — там то, что осталось от экипажей Мануэля и Хозе.

Брезент не стали разворачивать. Его подняли на плечи и понесли на опушку молодой оливковой рощи, совсем молодой, еще не давшей ни одного плода, еще не разу не цветшей.

Несли очень осторожно.

На опушке опустили ношу на землю. Стали рыть братскую могилу, но размером она была не больше, чем на одного человека. Под травой, сочной и яркой по-весеннему, открылась красноватая влажная земля, упругая, как тело.

Педро смотрел, как врезается лезвие его саперной лопатки в эту красноватую почву, и, выбрасывая вверх широкие пласты, думал о том, что здешняя земля плотнее и тяжелее той, которую ему приходилось рыть в детстве, совсем не похожа на ту, которую он и миллионы людей в России называют родной.

Потом Педро услышал, что в ветвях олив запела какая-то птица, которой он не знал, и пела долго. Люди молчали, слышалось лишь громкое дыхание тех, кто копал.

Подождал Антонио и, молча протянув руку, взял у Педро лопату. Педро вылез из ямы, стал поодаль в группе танкистов. Он все думал о родной земле. А ведь, пожалуй, раньше, перед отправкой в Испанию, эти слова — «родная земля» — могли показаться ему и громкими. Теперь они не казались такими.

...Вчера, когда они с Хезусом проходили вдоль линии окопов, Педро, споткнувшись, негромко ругнулся по-украински. Из окопа, где находились пехотинцы, его тотчас окликнули на родном языке. И оттуда поднялся такой же коренастый, как Педро, парень, спросил его, откуда он знает язык. Педро сказал, что он с Украины. Михась — так звали пехотинца — заволновался, спросил:

— Давно?

— Нет, месяца два.

— А нет ли у вас родной земли?

Педро ответил, что не взял с собой.

— Ни горстки?

Михась был поражен. Потом он рассказал, что его отец покинул «Вкраину» перед революцией, уехал в Америку. Счастья он там не нашел, а горе проехало с ним без билета, транзитом. Теперь отец проводил сына в Испанию — помочь уберечь счастье других.

Михась, рассказывая, не сводил взгляда с ботинок Педро.

— Может, у вас на подметке где-нибудь осталась... Хоть кусочек... — И он нагнулся, стал осматривать ботинок и, найдя кусочек, не похожий на здешнюю землю, завернул его в чистую тряпицу...

Вспоминая об этом, Педро слушал звучную речь комиссара танкового батальона Антонио. Комиссар тоже говорил о родной земле, о свободе, за которую погибли испанские парни, и самые высокие слова, произносимые им, и клятвенно вскинутые к вискам кулаки — все это было и простым и торжественным.

Потом грянул салют.

Танкистов хоронили на склоне холма, который наверняка был виден из траншей франкистов.

Педро ждал, что они вот-вот откроют огонь.

«При современной войне похороны сразу после боя на виду у противника возможны, наверно, только в Испании! — подумал он. — А в тридцать шестом году, по рассказам, в затишьях между боями франкисты устраивали футбольные матчи с республиканцами... Но те времена прошли. Слишком много зверств совершили фашисты, чтобы испанцы могли вести войну, как во времена рыцарства! Стоит только вспомнить Теруэль. Беженцы рассказывали, как тысячи рабочих были убиты, замучены, расстреляны в своих домах, у домов и на площадях...»

Теперь испанцы знают, что такое война с фашистами. Ведь до этого Испания не воевала почти два столетия, если не считать партизанскую борьбу с Наполеоном. И вот люди, жившие представлениями о войне времен Очакова и покоренья Крыма, столкнулись лицом к лицу с фашизмом, с фашистскими танками и бомбардировщиками.

Они устояли. Выстояли. Одерживали победы и жили верой в победу. Хотя в Европе по ним звонят погребальные колокола. Официальные колокола.

Он прибыл в Испанию в дни последних боев за Теруэль.

Полуразбитый вокзал первого испанского городка, огромные плакаты на стенах, призывающие к борьбе, бдительности, живо напомнили Петру Тарасовичу полузабытое, виденное с детства — времена гражданской войны.

Солнечная Барселона встретила его, Педро Рауля — такова была испанская фамилия, которую уже по обычаю он себе выбрал, — скорбным известием: после жестокой четырехмесячной борьбы пал Теруэль. Испания была в трауре. Но в глазах бойцов, которых Педро стал учить танковому делу, были жесткая решимость и свет надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бык, белый в коричневых пятнах, равнодушно понюхал красную ткань импровизированной мулеты, шумно вздохнул и, опустив голову, стал прилежно щипать траву.

Педро не сдержал улыбки.

Танки поставили в круг, огородив ими «арену». Посредине нее стоял Висенте — особенно стройный сейчас, с развевающейся мулетой на шпаге.

Зрители, разместившиеся на танках, как на трибунах, заворчали.

Висенте отошел на несколько шагов и снова издали подразнил быка мулетой. Бык перестал есть, настороженно, исподлобья посмотрел на трепещущую красную ткань, двинулся к ней. Но, подойдя вплотную, снова, как слепой, ткнулся носом в мулету и, фыркнув, принялся за траву.

Быка осыпали бранью. Кто-то из пехотинцев, пришед-

ших на корриду, выхватил нож и ловко бросил его в спину быка.

— Правильно!

— Браво, бандерильеро!

Алая кровь текла по спине быка.

— Зачем это? — спросил Педро.

Но сидевший рядом с ним Хезус разделял всеобщую радость.

— Браво, бандерильеро!

Потом разгоряченно стал объяснять: бой идет не совсем по правилам, настоящих бандериллий нет, а настоящая бандерилья — кольцо, украшенное лентами, — непременно нужна в бое быков, и вонзает ее в холку пеший боец — бандерильеро. Они выходят на поле, чтобы разъярить быка, перед тем как торреро, показав свою храбрость, искусно убьет животное.

— Намочи мулету в крови! Намочи мулету в крови! — кричали с танков-трибун.

Висенте подошел к быку и намочил мулету в крови, стекающей по боку. Ткань стала тяжелой и не трепетала на ветру.

Едва Висенте отошел, как еще несколько ножей вонзилось в спину быка. Он будто сжался. А когда Висенте тряхнул перед его мордой тяжелой, пахнущей кровью мулетой, бык бросился вперед.

Зрители радостно закричали.

Висенте, держа мулету на шпаге в правой руке, не шелохнулся. У Педро замерло сердце.

Выставив рога, бык проскочил совсем рядом с Висенте, который ловко провел тяжелой от крови мулетой по кончикам рогов и сделал полуоборот, пропуская мимо тело животного. Бык тотчас обернулся и бросился на Висенте снова. И опять, не сходя с места, Висенте провел мулетой по морде и рогам быка и легко, улыбаясь, сделал, не сходя с места, еще полуоборот.

Зрители ликовали. Они уже не сидели, а стоя приплясывали на броне танков, подбадривая торреро криками.

Бык опять ринулся на Висенте.

И тогда сквозь крики зрителей Педро услышал гул моторов. Он обернулся. От дороги, со стороны позиций франкистов, шли три самолета. Они были видны, как три черточки на фоне очень ясного, безоблачного неба.

— Самолеты! — крикнул Педро, вскочив. Но его не слышали, на него не обратили внимание.

Педро затряс за плечо Хезуса Педрогесо.

— Самолеты!

Тот, наконец, обернулся и тоже крикнул:

— Самолеты!

Зрители не понимали, что произошло и кто посмел оторвать их от корриды, вступившей в самую интересную фазу. Несколько мгновений они удивленно озирались, потом бросились под танки.

Рев моторов нарастал неотвратимо.

Посредине арены стоял Висенте и перед ним бык. Педро

и Хезус еще оставались на танке, когда самолеты на бреющем пронеслись над ними. Педро увидел, как фонтанчики земли брызнули недалеко от круга, зацокало жестко по броне, снова запрыгали фонтанчики, теперь уже в центре круга. Полоса их двигалась прямо к быку, пробежавшему как раз под мулетой, пересекла его и торреро.

И сразу отодвинулся, почти оборвался рев моторов: самолеты опять были вдалеке, они разворачивались, чтобы вернуться.

Педро схватил брошенный кем-то из пехотинцев ручной пулемет. Он вскинул его на крыло танка для упора. Увидев самолет, взял упреждение на два корпуса и нажал спусковой крючок.

Рядом с ним бил по самолету из винтовки Антонио. И еще кто-то стрелял.

И когда самолет пронесся над ними, стали видны первые космы черного дыма, вырвавшиеся из мотора.

Два других истребителя успели отвернуть, ушли в разные стороны.

Подбитый самолет, надсадно воя, пролетел метров триста, врезался в землю. Удар был глухой.

Пехотинцы и танкисты бросились к Педро, обнимали, хлопали по плечам и спине.

— Не я сбил самолет, — повторял Педро.

— А кто? — спросил Хезус.

— Не знаю.

— Значит, ты.

— Совсем не значит. Стреляли все...

Перебивая смех, негромко от одного к другому перебралось:

— Висенте убит...

Толпа около Педро распалась. В кругу, огороженном танками, он увидел тушу быка, придавившую Висенте, лужу крови и солнечный блик на ней. Потом разглядел на красной косынке, плотно облежавшей голову торреро, темное пятно у виска.

— Господи... — послышался детский голос.

И только тогда у гусеницы танка Педрогесо все увидели двух мальчишек лет по восьми, коротко стриженных. Один был в обтрепанных брюках, другой — в коротких штанишках. Темные глаза ребят казались огромными на худых лицах. Тот, который был в коротких штанах, крестился.

— Откуда вы? — спросил их Хезус.

Они ответили, что из деревни, пришли вместе с Висенте, хотели посмотреть корриду.

— Ваше счастье, ребята, что все обошлось. Вам нельзя сюда, — сказал Педро.

— Будто не видели, гады, что мы не воюем! — сквозь зубы проговорил Хезус.

— Наоборот. Видели... Мы предоставили им удобный случай.

Педро подошел к ребятам. Мальчики выжидательно смотрели на него снизу вверх.

— Русо? — спросил тот, что был в брюках.

— Русо.

— Мы видели, как вы сбили самолет.

— Его сбил не я.

Мальчишка потупил взгляд, словно хотел сказать, что знает, почему русский отказывается от заслуженной славы.

— Русо, разрешите нам посмотреть танк внутри?

Педро взял мальчика под мышки и, подняв, поставил на броню, а потом помог второму. Ребята степенно, словно они каждый день осматривали такие машины, спустились в люк.

Познакомились в танке. Того, который в брюках, звали Пепе, а второго, молчаливого, — Мигель.

Пепе быстро освоился и спрашивал, спрашивал обо всем... А Мигель только слушал. Потом неожиданно попросил:

— Подарите нам что-нибудь.

Педро растерянно огляделся. У него ничего не было. На стреляные гильзы ребята не смотрели, у них этого добра было достаточно. Наконец он вспомнил, что в кармане у него есть две пуговицы от советской военной формы, пуговицы со звездочками. Он достал их.

Ребята, очень довольные, без конца рассматривали и сравнивали обе пуговицы, хотя те были совсем одинаковые.

В танк спустился Антонио, сказал, что бойцы решили похоронить Висенте с большими почестями на сельском кладбище и сейчас все пойдут в деревню.

Мальчишки похвастались подарками.

— Только вы никому не говорите, кто вам их подарил, — предупредил Антонио.

Потом Педро и Антонио стояли на броне у башни, смотрели ребятам вслед.

Солнце висело низко над далекими горами, похожими отсюда на гряду облаков, и слепило глаза. Комиссар из-под ладони взгляделся во что-то на дороге вдаль, тронул Педро за плечо.

— Вон автобусы на дороге, видишь? Наши соседи слева. Развлекаться уехали. Воскресенье завтра!..

Их соседями слева был батальон анархистов, тот самый, что, прикрывая фланг, удерживал деревню.

Приложив руку к глазам, Педро тоже посмотрел на желтую среди зелени полей дорогу и сквозь злотистую дымку, пронизанную низким солнцем, увидел: шесть автобусов, отчаянно пыля, двигались в сторону Тардьенте.

— Весело, — сказал он по-русски.

— Что? — переспросил Антонио.

— Очень грустно, — сказал по-испански Педро.

Антонио прыгнул наземь.

Заработал мотор одного танка, потом другого: водители разбирали «трибуны», отводя машины под прикрытие оливковой роши.

«Ночью надо сменить позицию, — про себя решил Педро. — А то с утра их тяжелые орудия, не глядя ни на какие там воскресенья, раздолбают нас в пух и прах».

Вскоре моторы стихли. Тогда стал слышен звон колокола деревенской церкви. Он был приглушен, но чист и печален своей монотонной размеренностью.

В детстве Педро куда чаще слышал перезвон корабельных склянок, но странно — сейчас медлительные звуки колокола напомнили ему именно детство. И так живо, остро напомнили, что почти осязаемый встал перед ним белый город над глубокими бухтами, домики на Корабельной стороне, темное, четкое на закатном свете полукружие Константиновского равелина, а за ним — море, теплые краски его, а еще дальше — дымка, смазывающая эти краски...

Влажный легкий ветер с моря крепко пах водорослями и был свеж удивительно.

Город в эти часы отдыхал от зноя.

Петро́ сам удивился, как отчетливо это воспоминание, и пожалел — в который раз, — что отца своего так хорошо не помнит. Лишь иногда смутно виделось: кто-то огромный, с лихо закрученными усами входит во двор домика, и движения его — медлительные и точные движения старого водолаза — придают ему еще большую громоздкость.

И еще Петро́ помнил, как однажды вечером, уложив на земляном полу хаты четырнадцать сыновей, отец ласково глядел на них.

А вернее всего, не помнил он этого, просто представлял себе не раз по рассказам матери, уже после того, как пришло известие о гибели матроса с «Трех святителей». Этот

матрос, его отец, после того как опустил на дно Новороссийской бухты свой корабль, сложил голову при героическом переходе железного потока. И Педро не знал, как он погиб. То ли сразила отца казацкая пуля, то ли он был порубан шашками или, привыкший к морю, задохся от безвдья в пыли степей.

Звон тек и тек, замирая и возрождаясь.

— Не грусти, Педро, — сказал Антонио. Они теперь шли рядом, замыкая длинную похоронную процессию.

Уже спустились с холма и двигались по долине перед подъемом к деревне. Бойцы шли вразброд, только условно соблюдая шеренги. От толпы тянулась длинная тень, длинная и густая.

— Не грусти, — повторил Антонио.

— Я не грущу. Я думаю, что ночью тайки надо обязательно отвести из рощи. Только вот куда? Хорошего прикрытия нет. Можно, правда, поставить в ямы у подножья холма — будут как доты.

— Согласен, контехеро. Только ты все-таки грустил. И я тоже. И еще я знаю, о чем ты думаешь.

— Да?

— Ты думаешь — странная война. И что за люди испанские коммунисты, так? Наша партия, Педро, не ставила перед собой задачи взять власть в свои руки. Да и не могла...

— Помню, на Украине... Правда, я мальчишкой был и ничего не понимал... Нет, кое-что понимал, конечно. Село, где мы тогда жили, находилось на перекрестке шляхов, самых бойких на Украине. Это неподалеку от Запорожья, называется Большой Токмак. В гражданскую войну оно несколько раз переходило из рук в руки. И немцы там были, и махновцы, и петлюровцы. Кого только не довелось повидать! Всякая сволочь изгилялась над нами. А победили мы!

— Ты отличный товарищ, Педро! Как называется это село?

— Большой Токмак.

— Да... Но ты отлично знаешь, что у нас в Испании не было двадцать пятого октября.

Педро это знал. В Испании не было 25 октября, не было взятия Зимнего, буржуазная революция не переросла в революцию социалистическую.

Оба шли молча, задумавшись. Педро заметил вдруг, что колокол уже не звонит.

Похоронная процессия вошла на сельское кладбище, обнесенное высокой, в рост человека, стеной из белого камня. Стена была очень толстая. В ней рядами располагались ячейки, куда вдвигали гробы. Ячейки прикрывались дверцами и запирались на ключ.

Остановившись у одной из таких ячеек, солдаты поставили гроб с телом Висенте на землю. К нему подошел Хезус. Он был выше всех на голову, и бойцы хорошо видели его сухое, со впалыми щеками лицо, видели, как сошлись и все не могли разойтись его брови у переносья, как жестко блестели глаза и двигался рот комбата. Он говорил о Ви-

сенте, рабочем заводе «Испано-Сюиза» в Барселоне, о Висенте, верном сыне республики, о храбром танкисте Висенте. И закончил словами:

— Смерть обреченным! Смерть фашистам! Да здравствует республика!

И Педро видел, как дружно вскинулись к вискам кулаки.

Потом бойцы вдвинули гроб в ячейку в стене, служитель запер дверь на ключ, висящий на черной траурной ленте, и передал его Хезусу.

Прогремел прощальный салют.

Когда вышли с кладбища, солнце уже скатывалось за отроги Пиренеев. Белые дома, расположенные на южном склоне, находились в тени, и стены их казались синими. Закат, мягкий, неяркий, предвещал хороший день.

Педро несколько раз оглянулся. Кладбище находилось на восточной окраине села, оттуда вернее всего было бы отразить возможную атаку фашистов со стороны дороги.

— Надо послать на кладбище взвод пехоты и пару танков, — сказал он.

— Зачем такой почетный караул? — удивился Хезус.

— Не караул. Мы обезопасим свой фланг. Кладбище — отличный опорный пункт. Здесь взвод, подкрепленный танками, сможет сдерживать натиск хоть батальона.

— Маньяна пор ля маньяна, — ответил Хезус.

— Завтра утром... — усмехнулся Педро. — Завтра утром может быть поздно.

— Но сейчас ночь!

— Вот и хорошо, что ночь.

— Ах, контекхеро! Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь, кроме войны? Подожди хоть два часа. Дай людям отдохнуть. Сегодня они имеют на это право. И ты на два часа забудь о войне. Пойдем в деревню, сейчас же.

Южные сумерки быстро сгустились в ночь. Подходили к деревне они уже в темноте.

С полей тянуло влажной прохладой, но между домами, когда они вошли в село, еще держалась дневная духота. Пахло пылью и козым пометом. А на освещенной сельской площади звучала музыка, слышался веселый говор.

— Не откажешься посмотреть, как танцуют хоту? Так, как здесь, в Арагоне, ее нигде не танцуют.

— Надо найти командира пехотного батальона.

— Ты, русо, упрямее любого каталонца!

На площади горел костер. Люди, стоя поодаль, образовали широкий круг, который не замыкался только у входа в кабачок. На приступочках его террасы сидели три брата-танкиста: Пабло, Фернандо и Маноло. Они были очень похожи друг на друга, и различить их проще всего было по росту. Самый высокий — Маноло. Он пел и играл, и двое его братьев тоже играли на гитарах.

Маноло пел, закрыв глаза и подняв голову. У него был высокий и чистый голос. Гитары, точно прослеживая путь этого голоса, то следовали за ним в дремотном полусне, то резкими, тревожными аккордами предупреждали, то мягко и радостно подбадривали певца.

— Что он поет? — тихо спросил Педро.

— Фламенко, — так же тихо ответил Хезус, — народная песня.

«Странно, — подумал Педро, — народная песня... о танках? Когда ее успели сочинить?»

— Маноло сочиняет по ходу песни, — сказал комбат. — Как это называется...

— Импровизирует?

— Так.

Неожиданно, без всякого видимого для Педро перехода, песня оборвалась.

— О-ле! — воскликнул Фернандо.

Средний брат, пожалуй, самый красивый, стройный юноша, сухо пощелкивая пальцами, как кастаньетами, быстро вышел в освещенный костром круг и резко остановился — так, что легкое облачко пыли окутало его ноги. Затем, часто перебирая ногами, поплыл вдоль зрителей, восторженно отбивающих такт в ладони. В трепещущем свете огня поблескивала его кожаная куртка. Снова пробежка. Теперь фигура танцора четким силуэтом рисовалась на фоне пламени.

— Пойдем, — сказал Хезус.

— Минуточку, — попросил Педро, но, заметив, как дрогнули в улыбке уголки губ Хезуса, поинтересовался: — Куда?

— Здесь Руис, командир пехотного батальона.

— Ну и что? — косясь на танцующего Фернандо, спросил Педро.

— Скажем ему, что надо выделить взвод, — уже откровенно улыбаясь, сказал Хезус.

— Идем.

Руис сидел за столиком на террасе кабачка и пил вино, которое казалось черным. Только когда он поднял стакан, приветствуя их, свет фонаря, висевшего на террасе, пробился сквозь стекло, и стало видно, что вино темно-красное.

— Подсаживайтесь, — сказал Руис.

Хезус и Педро поднялись на террасу, сели за столик Руиса, за которым сидел и молодой парень в моно*, с газетой в руках. Педро прочитал название — «Социалист».

Руис налил всем по стакану вина и принялся ругаться:

— Сыны скверной матери эти анархисты!

Педро подумал, что по-русски это ругательство короче и звучит хлестче. А Руис продолжал проклинать анархистов: оказывается, их местное начальство ввело в селении свои деньги и ни на какие другие ни вина, ни продуктов не отпускают.

— Так мы принесли свое! — закончил он.

— Контехеро говорит, надо выделить взвод, чтобы прикрыть фланг. Фашисты могут неожиданным ударом занять деревню.

Руис посмотрел на Педро и предложил выпить.

* М о н о — комбинезон (исп.).

Педро пригубил. Вино было терпким и холодным. Поставил стакан на стол.

Руис снова налил себе и предложил выпить.

— Я не пью, — сказал Педро.

— А чего еще не делают коммунисты?

— То, что я коммунист, это в данном случае ничего не значит, — сказал Педро.

Руис посмотрел на Педро. Помолчал. Он злился, но пьян не был.

— Надо обезопасить себя! — сказал Педро.

— Зачем шуметь? — пожал плечами Руис. — Франкисты еще не заняли деревню.

— Тогда будет поздно шуметь.

— Послушай, русо! — Сунув в угол рта сигарету, Руис откинулся на спинку стула так, что она хрустнула. — Меня выбрали командиром батальона. Понимаешь, меня! — Считая, что разговор окончен, он сказал парню с газетой: — Читай!

— «Молчание! — начал читать парень. — Прежде всего молчание! Пусть раз и навсегда замолчат все крикуны. Причина падения Теруэля в том, что партии и профсоюзы не выполнили полностью своего долга, заключающегося в повиновении и молчании...»

Руис поднял руку, приостановив чтение.

— Молчание! И повиновение! Так говорит военный министр.

«Трясца его матери!» — подумал Педро и нахмурился: он всегда терял душевное равновесие при упоминании имени военного министра Прието. Понимал все, но не мог смириться с тем, что на этом ответственном посту находится человек, заранее настроенный на поражение. Прието не скрывал этого — прямо говорил иностранным корреспондентам о бесплезности сопротивления.

— Дальше здесь пишут, что коммунистам надо уйти из правительства, — продолжал парень.

— Конечно! — фыркнул Педро. — Тогда никто не станет мешать капитулянтам продать республику фашистам.

— Ты коммунист? — спросил Руис у командира танкистов.

— Республиканец.

Руис кивнул, словно ему было приятно слышать это.

— Хуан, а что пишет «Аделанте»? Читай!

Парень порылся в ворохе газет, лежавших у него в командирской сумке, достал газету.

— «В тылу слишком много шума! Ни анархистское, ни коммунистическое кредо не воодушевляет руководителей правительств, симпатии которых нам необходимы».

Выватив из рук парня газету, Руис протянул ее Хезусу.

— Видишь?

Хезус глядел в стол.

— «В Мадриде и Валенсии началась очистка стен от коммунистических плакатов. Необходимо впредь запретить, чтобы стены загрязнялись вновь. Крики со стен — это демагогия», — опять читал парень.

— Мучас грациес, — поблагодарил Педро. — Какие газеты у вас еще есть?

— Хватит этих, — сказал парень. — Нас тоже не устраивает коммунистическое кредо!

— Слышите? Это говорит наш комиссар! — Руис откинулся на спинку стула.

— Комиссар? — удивился Хезус.

А Педро удивился, глядя на своего командира батальона. Он не ожидал, что Хезуса так взволнует это сообщение. Комбат никогда не придавал значения партийной принадлежности, считая, что это излишняя роскошь для военного.

— Он читает, как из пулемета сыплет. У нас в батальоне никто так не может. Он был студентом. Понимаете?

— Давно он у вас? — спросил Педро.

— Нет. Прежний комиссар у нас был коммунист. Нам он нравился. Но его отозвали. Обвинили в пр... Эй, комиссар, как это называется?

— Прозелитизм!*

— В этом самом. А теперь вот этот все хочет перевести бойцов в другую веру. Только у него все непонятно. А у нашего комиссара все было ясно: земля — крестьянам, фабрики — рабочим.

— Если ты понимал комиссара-коммуниста, — начал Педро, — то почему же не хочешь понять — надо выделить взвод? Ведь это нужно для общего дела!

— Послушай, русо! Не наступай мне на ногу, которую раздавили. Я социалист. Я пришел к анархистам, чтобы договориться о действиях вместе. Они мне сказали, чтобы я жрал дерьмо старого мула! А они едут отдыхать! Они устали!

— Забудь личные обиды. Дело идет об Испании. — Педро показалось, что он нашел верный ход.

— Они тоже испанцы. — Руис выпил стакан вина.

«Он накачивается с такой скоростью, что скоро с ним станет совсем невозможно говорить», — подумал советник.

— Хватит демагогии! — сказал парень.

— Ты кретин, — не сдержался Хезус.

Руис выпил стакан вина, достал из кобуры пистолет и положил на стол перед собой.

— Молчание и повинование, комиссар! Это танкисты. Они рр-а... раздавят тебя. Они железные хрр... храбрецы! Испанцы все прощают за храбрость!

Руис был уже слишком пьян.

— Русские продали всемирную революцию! — закричал парень. — Они не хотят освободить мировой пролетариат от ига капитала! Они продались буржуазии!

Педро поднялся.

— В Испании будет тот строй, которого захотят испанцы. Так пишет газета, которую вы не читаете солдатам. — И про себя договорил: «Троцкист проклятый! Мразь! Что-

* Прозелитизм — желание руководителей какого-либо движения приобрести как можно больше сторонников.

то я не видел тебя среди наступавших бойцов. Неужели слушают этого проходимца? А ведь кто-то слушает!»

— Коммунисты не хотят делать революцию в Испании! — вскипел парень.

— А что за газета, капитан русо, про которую вы говорите? — послышался голос с дальнего конца террасы.

Педро заметил, что за столиками стало тихо.

— «Мундо обреро».

— Нам ее давно не читали.

Руис будто протрезвел на мгновение и потянулся к графину с вином.

Хезус остановил его руку.

— Послушайте, Руис! Пришлите взвод к мосту. Русский капитан прав.

— К черту всех! Я не стану помогать анархистам. Пусть они жрут дерьмо старого мула!

Зрители на площади вдруг захлопали в ладоши и закричали.

Фернандо стоял у костра. Он только что закончил танец, которого так и не увидел Педро.

Руис обернулся к площади и стал кричать и хлопать вместе со всеми.

Советник и командир спустились с террасы. Педро заметил, что стены поднимавшихся по склону домов стали белыми, будто днем. А тени между ними черно зияли. Советник поднял глаза и увидел очень маленькую луну, удивительно яркую.

— Пошлем танки к кладбищу, — сказал Хезус.

— Это бессмысленно. Ночью они слепы, как новорожденные котята. Лучше отроем эскарпы и поставим в них машины. У нас не хватает артиллерии. Они будут вместо батареи. А потом пустим их в ход.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Под ним дрогнула земля. Педро приподнялся, чувствуя, как гудит голова. Они легли только на рассвете: ставили танки в эскарпы.

У опушки оливковой рощи возникла клубящаяся темная крона. Она росла, поднималась, становилась светлой и зарозовела в лучах восхода.

Снова дрогнула земля. Яркий, пронизанный внутренним огнем кустик мгновенно вырос около рощи. Резкий хлопок заложил уши.

«Воскресенье! У франкистов тоже советники, знающие толк в военном деле, — подумал Педро. — Только они, очевидно, забыли предупредить артиллеристов, что утром воздух плотный и следует брать прицел чуть выше, иначе недолет. Но это легко поправить. Сами артиллеристы догадаются. Точно...»

От следующего взрыва вверх взлетело молодое дерево.

Оно медленно перевернулось в воздухе и упало в разросшийся дым.

— Вот тебе, Хезус, и воскресенье, — сказал Педро ставшему рядом с ним комбату.

— Дураки, — процедил Хезус.

Они стояли у машин в эскарпах. Отсюда было отлично видно, как бесновался в роще огненный смерч.

— Это они о нас так думают, — ответил Педро. — Решили, что мы глупее их. Вот и налет. Есть тактическое правило: считай, что противник сделает то же, что ты, а может быть, и лучше.

— Хорошее правило. А кто его выдумал?

— Наполеон.

— Сто тридцать лет назад здесь, в Испании, он не показал себя таким умным.

— То была скорее политическая, а не военная ошибка, — улыбнулся Педро. — Наполеон недооценил значение народа в войне.

— Да, — протянул Хезус грустно. — Если бы у нас была возможность поучиться военному делу по-настоящему... Странно все-таки, почему франкисты воюют в воскресенье. На нашем фронте этого еще не бывало.

— У них стали активнее немецкие советники.

Артиллерийский налет неожиданно прекратился.

Вершина холма курилась.

Педро понял: наконец-то разглядели, что бьют по пустому месту. И вздохнул. Если бы им удалось вчера разбить врага у предместных укреплений! Если бы им помогли анархисты! Тогда они сегодня смогли наступать дальше. А так... Франкисты на мосту как заноза...

Хезус положил руку на плечо Педро:

— Послушай, контехеро, я пойду к Руису, договорюсь о времени атаки. Мы отбросим фашистов от моста.

— Давай повоюем по карте.

Педрогесо открыл висевший у него через плечо планшет. Они присели на траву и положили карту между собой.

— Я договариваюсь с Руисом, — начал командир танкового батальона. — Танки идут к дороге, переходят ее, и при поддержке пехоты мы опрокидываем...

— Подожди. Прежде чем танки с пехотой перейдут дорогу, противник откроет огонь и может отсечь пехоту.

— Почему?

— У нас нет столько артиллерии, чтобы подавить пушки врага.

Хезус подумал и сказал:

— Тогда я направлю танки на уничтожение пушек.

— Уже лучше. С этого можно начать. Танки, которые мы поставили в эскарпы, поведут артиллерийскую дуэль с батареей противника у моста. Ее надо уничтожить в первую очередь. Ты вспомни, вчера бой развивался так, что орудия противника ему мало помогли. Мы висели на плечах франкистов. Если бы еще наша пехота сразу пошла за нами, было совсем хорошо. А сегодня как мы поступим?

Хезус посмотрел на Педро взглядом ученика, убежденного, что в задачниках существуют неразрешимые примеры.

— Наша главная цель — удержаться у дороги, — сказал Педро. — Лучшая оборона — наступление. А чтобы наступать, надо знать, что есть у противника.

— Ты думаешь...

— Пошлем разведку — узнаем. Если ночью фашисты захватили деревню, они с еще большим нажимом будут пытаться выбить нас с дороги.

— Откуда фашисты могли знать, что анархисты ушли?

— У них тоже существует разведка.

— Хорошо. А без анархистов мы с ними не справимся?

— Справимся. Взвод разведки, если село не занято фашистами, останется у моста и будет оборонять его. Ты же не Руис и не скажешь, что не станешь помогать анархистам.

Хезус посмотрел на советника с улыбкой.

— Взвод танков охраняет мост и деревню.

— Если ее не захватили.

— А если... — Хезус уже не улыбался.

— Тогда нам придется брать и предмостные укрепления, и мост, и деревню. Одними танками этого не сделаешь. Нужна пехота. Может быть, Руис проспался?

— Сволочи! Знай я, что так обернется дело с этими проклятыми анархистами... Я бы танками заставил их вернуться в деревню и под пулеметами держал их на позициях!

— Согласен с тобой, Хезус. Мне и в голову не приходило, что можно бросить позицию, не оставив даже заслона. Если бы Руис согласился сегодня послать взвод к мосту...

— Попробую еще раз его уговорить.

Педрогесо поднялся с травы, поправил портупею, стягивавшую его кожаную куртку.

— Должен же он понять!

— Не знаю, — задумчиво проговорил Педро.

— Он почти не умеет читать.

— Как он стал командиром?

— Его выбрали. Он провел две удачные операции. В боях показал себя героем. И его выбрали в командиры, как выбирают в алькальды деревни. Я пошел к нему.

— Может быть, и мне пойти? — спросил Педро.

— Не стоит. Он еще подумает, что ты пришел учить или посягать на его власть командира.

— Ладно, иди, — нахмурился Педро.

Не поднимаясь с травы, он долго смотрел вслед Педрогесо. Кожаная куртка была Хезусу коротковата, и поэтому ноги казались чрезвычайно длинными.

Может быть, от злости у Педро разболелась голова. Посидев немного, он поднялся и пошел к костру, на котором готовили завтрак. Вокруг костра сидели танкисты, пили кофе из жестяных кружек и ели хлеб с пахучим козьим сыром.

Педро взял освободившуюся кружку. Кофе отдавал жестью или во рту был какой-то неприятный привкус — он не разобрал.

Рядом сидели трое братьев. Педро сказал старшему, который был командиром танка:

— Надо съездить на разведку в деревню.

— Командир приказал нам? — спросил Пабло.

— Да.

— Сейчас подам команду взводу приготовиться.

Они вчетвером прошли к взводу.

Спустившись в башню, Педро увидел, что внутри, на месте, где должен находиться боекомплект, не было и половины снарядов. Там разместились завернутые в одеяла гитары. А когда глаза привыкли к сумраку, он разглядел на стенках машины приклеенные открытки и вырезанные из журналов картинки — чуть-чуть одетые и просто голые женщины.

Стиснув зубы, Педро проговорил:

— Вернемся из разведки, чтоб стенки были чистые! Чтоб боекомплект был полон!

— Камрадо русо, — спокойно ответил Пабло, — наш командир это видел и ничего не приказал.

— Хорошо, — сказал Педро и стал слушать, как Пабло объяснял задачу командирам машин.

Потом Фернандо, сидевший на месте водителя, мягко тронул машину. Мотор заурчал бархатисто. Быстро набрав скорость, танк выскочил из-за холма.

Педро наполовину высунулся из люка. Фернандо отлично вел машину, это было приятно, злость прошла.

Солнце, поднявшееся над Каталонскими горами, стояло за его плечами. Оно неярко освещало широкий луг впереди, по которому ломаной линией вились окопы батальона Руиса, дальше было гудронированное шоссе, темное, еще влажное от росы, а за ним — окопы фашистов.

На левом фланге открыто, нагло, совсем не маскируясь, скапливалась пехота франкистов. Поодаль за ней виднелась марокканская конница.

Педро вцепился пальцами в борта башни.

«Воскресенье! — опять подумал он. — Эти фашисты не такие плохие политики, если твердо знают, что командир пехотного батальона, социалист, как он себя называет, не станет затыкать дырку, которую сделали анархисты, в воскресенье. Черт бы побрал эти партийные разногласия, которые губят общее дело!»

— К кладбищу! — крикнул Педро в башню.

Танк повернул. Педро по-прежнему стоял, высунувшись наполовину из башни. Он видел, что дальше, за деревней, нет никаких окопов, там просто не существовало никакого фронта, как не было единого фронта на всем протяжении линии обороны. Не было. Бои шли вдоль дорог, у крупных населенных пунктов, на перекрестках шоссе и железнодорожных коммуникаций.

У республики не хватало оружия. Еще в Барселоне Педро убедился, какое это страшное дело. Редкие транспорты, прорываясь сквозь пиратскую блокаду фашистов, доставляли танки и самолеты из Советского Союза. Жалкие лодочки приходили в порт с ящиками винтовок, купленными

по сумасшедшим спекулятивным ценам во Франции; суденьшки под немьслимыми национальными флагами доставляли оружие, купленное через пятые и шестые руки в Италии и даже в Германии.

Это было каплей по сравнению с тем, что поступало в порты, контролируемые и занятые фашистами.

Проскочив брод, машина вышла на поле вчерашнего боя и, следуя вдоль излучины реки, пошла к деревне.

Наконец взошло солнце. Долгие тени пролегли от взгорков и выступов, а земля казалась красной. Но с каждой минутой освещение менялось, становилось ярче.

Жара еще не наступила, и свежий ветер, дух остывшей за ночь земли, веял в лицо советнику.

Слева на дальних виноградниках и оливковых рощах он увидел крестьян. Они работали. Будто не было никакой войны.

Из деревни выехала тележка, запряженная осликом.

Педро радовался: франкисты не захватили деревню...

Танк находился уже метрах в пятистах от кладбища, когда из-за изгороди ударил пулемет.

Пули пропели над головой.

Педро юркнул в башню.

— Ясно, — пробормотал он.

Вслед за пулеметной очередью с кладбища ударила противотанковая пушка. Снаряд взорвался далеко в стороне.

Уничтожение противотанковой батареи не входило в расчеты разведки, и Педро подал следовавшим за ним машинам сигнал отходить. Кладбище находилось в зоне обстрела танков, поставленных в эскарпы у дороги. Достаточно было и того, что противник обнаружил себя.

Машины вернулись в расположение танкового батальона.

Педро спрыгнул на землю и увидел Хезуса Педрогесо. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел в ту сторону, откуда только что пришли танки. Он словно не замечал подъехавших машин и направлявшегося к нему Педро. Смуглое лицо Хезуса было землистого цвета.

Посмотрев в сторону деревни, Педро увидел, как эскадрон марокканской конницы въезжает в улицу. Кони шли рысью. Издали казалось, что кавалеристы пританцовывают в седлах.

— Фашисты в деревне, — сообщил советник. — Руис не упрямец, а предатель.

— Я ему сказал это.

Только теперь Педро заметил, что поодаль стоит легковая машина. Сквозь боковое стекло было видно лицо Руиса.

Хезус почти выкрикнул:

— Что нужно сделать, чтобы выкинуть эту сволочь из деревни?

— Оставаться спокойным. И подумать.

— Это испанская деревня, понимаешь, русо?

— Понимаю, но...

— Она не первая! Мы отдаем их сотни! Ты это хотел сказать?

— Это первая, которую мы потеряли так бездарно.

— Ты понимаешь, Педро... — Хезус замолчал, задохнулся. Пересилил себя. — Я связался со штабом бригады и попросил бригадного комиссара приехать сюда. Пусть разберется с Руисом.

— И он ждет?

— Я сказал, что раздавлю его танком, если он тронется с места, — сквозь зубы выговорил Хезус и вскинул к глазам бинокль.

Хлопнула дверца машины. Подошел Руис и остановился рядом.

— Я согласен поднять батальон и повести в атаку. Мы выбьем фашистов из деревни.

— На, посмотри, — Хезус скинул с шеи бинокль.

— У меня есть свой, — сказал Руис.

— Смотри на площадь!

Педро тоже поднес бинокль к глазам. Сначала он никак не мог разобраться, что там происходит. У приступок террасы, на которой они вчера сидели с Руисом, топтались, нелепо подпрыгивая, десятка два фашистов. Потом он разглядел, понял: фашисты словно пляшут на людях, забивают их насмерть ногами и прикладами.

Видеть это в бинокль было невыносимо.

Советник отвел глаза, покосился на Руиса. Его смуглое лицо пошло багровыми пятнами, а шея, короткая и жилистая, ушла в плечи. Но он еще смотрел в бинокль на то, что видеть было невыносимо. Потом зарычал, хватил оземь бинокль.

— Мой батальон пойдет в атаку! — и большими скачками кинулся вниз по склону к траншеям.

— Все танки пошлем им на помощь! Так, Педро?

— Роту.

Хезус повернулся к советнику. Глаза Педрогесо были огромны, уголки сжатых губ вздрагивали.

«Глупо, — подумал Педро, — глупо начинать атаку. Но никого нельзя удержать. И меня тоже. Невозможно удержать! Конечно, будут напрасные потери».

Вслух советник сказал:

— Вторую роту пошлем к деревне, в обход моста.

— Хорошо.

— Третью оставим в резерве.

— Ты — с третьей ротой. Останься, контехеро...

Хезус прыжком вскочил на крыло своего командирского танка и одну за другой пустил в небо три красные ракеты — сигнал атаки.

Машины взвода Ромеро вышли из эскарпов и двинулись к мосту, ведя огонь из пушек и пулеметов.

Вместе с ними на склон, ведущий к мосту, выскочили из окопов бойцы батальона Руиса и пошли на штурм.

Внезапно забили пулеметы на флангах фашистов. Они были хорошо замаскированы и до сих пор не обнаруживали себя.

Хезус, уже спустившийся на танке почти к самым окопам,

откуда началась атака, подал еще три ракеты. Машины взвода Игнасио ринулись на фланги, на пулеметы фашистов.

— Отлично! Молодец, Игнасио!

Сразу за танками, впереди цепей республиканской пехоты, Педро видел фигуру коренастого Руиса. Он шел, не пригибаясь и не останавливаясь, но его пули щадили. А рядом с ним и поодаль падали бойцы.

Среди убитых Педро заметил и того паренька с сумкой через плечо. Прежде чем упасть, он долго прыгал по полю, как заяц.

А пехота республиканцев все шла, шла, теряя бойца за бойцом.

— Черти упрямые! — проговорил Педро и сам не понял: то ли отругал, то ли похвалил наступавших. — Если бы это все вчера, потерь могло и не быть...

Раздавленные танками, замолчали пулеметы фашистов.

В это время на дороге к деревне с юго-востока показались легковая машина. Педро вскинул к глазам бинокль. За машиной двигалась колонна автомобилей. Из них высыпали бойцы и, разворачиваясь цепью, побежали к селению.

— Анархисты! Вернулись... — прошептал Педро и поправил сам себя: — Вернули.

* * *

Бой на улицах деревни затих.

Педро это понял еще и по тому, что наши танки, оставленные на окраине, двинулись за селение и скрылись. Тогда советник перевел третью роту к мосту, за которым стояли две сгоревшие машины. Они были подожены в середине боя.

Потом он поехал на штабном грузовике в деревню и по пути захватил с собой Хезуса.

Когда машина въехала в узкую улочку, ведущую к площади, Педро увидел бойца, который бил кулаками в калитку. Попросил остановиться.

— Что ты делаешь?

— Мне нужен кузнец. Здесь он живет?

Педро посмотрел на Хезуса.

— Не знаю, — ответил Педрогесо. — А зачем тебе кузнец?

— Мальчишки в подвале прикованы. В школе.

— Мальчишки? — переспросил Педро.

— Да. Двое. Они подвешены на цепях. Когда началась бомбежка, я нырнул в подвал спрятаться и увидел... Может, вы поможете? Всем не до этого.

— Идем!

— Это их кто-то из местных фашистов, — говорил боец. — Один мальчик без сознания, а второй сказал, что их вчера вечером поймали... А за что — не говорит.

Они гуськом спустились в подвал. Там было сыро и резко пахло плесенью. Свет едва проникал сквозь зарешеченное окно.

Против окна, распластанные по стене — запястья на це-

пях, вделанных потолком, — висели двое мальчишен. Педро узнал Пепе и Мигеля, приходивших вчера посмотреть на корриду.

Педро подошел к Пепе и приподнял безвольно повисшее тельце. Хезус то же сделал с Мигелем и приказал бойцу раздобыть лом или какую-нибудь железку,

— Цепи старые, пожалуй, и без кузнеца справимся.

— Пепе! Пепе! Кто вас? — Педро заметил, что мальчик открыл глаза, и от волнения заговорил с ним по-русски. Взгляд паренька постепенно стал осмысленным. — Пепе! Пепе! Ты узнаешь меня? Я — Педро!

— Русо...

— Кто вас распял, Пепе?

— Камарадос...

— Кто распял вас, Пепе?

— Падре... Падре Салестино...

— Поп? — Педро посмотрел на Хезуса. — Поп?

— Ты же слышишь. Он знает, что говорит. — Хезус чуть выше поднял все еще безжизненное тельце Мигеля. Голова мальчика легла ему на плечо.

По ступенькам в подвал застучали ботинки. Командиры обернулись, ожидая увидеть бойца, но вбежала женщина. Она кинулась к Пепе, обхватила его ноги.

— Мальчик, мальчик мой!

— Мама, — проговорил мальчик, и Педро увидел у него на глазах слезы. Но Пепе сдержался, как и подобает настоящему испанцу.

— Отойди, женщина, — проговорил он. — Я еще не все сказал.

Женщина отошла, прикрыла платком рот.

— Падре Салестино спрашивал, кто мне дал звездочку. Он очень сердился, пообещал, что убьет меня, когда придет настоящая власть. Так он говорил про франкистов. Но я ничего не сказал.

— Ты молодец, — сказал Хезус. — Ты настоящий мужчина, хотя и маленький.

— Неважно, сколько тебе лет, но ты настоящий мужчина, — сказал Педро и, дотянувшись до закованного запястья мальчика, потряс ему руку.

— И Мигель тоже ничего не сказал. Он скоро очнется. Он тоже настоящий мужчина.

— Вы оба отличные мужчины, — сказал Хезус. — Настоящие мужчины и надежда Испании. Я гордился бы вами, если бы вы были моими сыновьями. Но я и сейчас не меньше горжусь, что у других испанцев есть такие сыновья.

В подвал вошли боец и еще один — с молотком и зубилом.

— Я привел кузнеца, — сказал боец. — А вас разыскивают танкисты. Я сказал им, что вы здесь.

Кузнец молча принял за дело. Педро загородил рукой лицо мальчика, чтобы осколки камня и ржавая пыль не попали ему в глаза.

— Надо было сначала расковать Мигеля, — сказал Пепе. — Я бы мог потерпеть.

— Ничего, — ответил Педро. — Сейчас разобьют и его цепи.

И поставил мальчишку на пол. На запястьях Пепе еще болтались обрывки ржавой цепи. Потом был освобожден Мигель. Но он все еще не пришел в себя, и боец взял его на руки.

— Я отнесу. Женщина мне покажет его дом. Вас ждут.

Пепе подошел к Хезусу и, подняв голову, чтобы видеть лицо командира, спросил:

— Вы идете в наступление?

— Да, — ответил Хезус. — Мы погоним фашистов дальше.

— Я не боюсь падре Салестино, — сказал мальчик. — Мне очень хочется, чтобы наши победили фашистов. Всех фашистов.

— Мы все хотим этого, — сказал Хезус. — И я знаю, что ты ничего не боишься.

— Вы идете в наступление?

— Да.

Они вышли из подвала. Впереди шел боец с Мигелем на руках, за ним Пепе с матерью, потом танкисты и кузнец, который по-прежнему молчал.

Прищурившись от яркого солнца, Пепе поднял к виску кулак с обрывком цепи на запястье.

— Салюд!

Танкисты тоже подняли кулаки и ответили:

— Салюд!

Они сели в машину и поехали к площади.

Она была полна. Тут собрались и жители, радостные, возбужденные избавлением, и бойцы батальона Руиса, и анархисты.

На террасе кабачка Педро увидел знакомое лицо. Это был Савельев, советник бригады, с которым они вместе прибыли в Испанию. Педро на ходу спрыгнул с машины, подбежал к Савельеву, забыв про всякую «конспирацию»:

— Степан Евдокимович!

— Петр Тарасович!

Обнялись.

Потом еще, держась за плечи друг друга, посмотрели один на другого.

— Не очень ловко получилось, — проговорил Савельев. — Ну да ладно...

За гомоном, стоящим на площади, никто толком не слышал их да и не обратил внимания.

— Что уж теперь! — сказал Петр Тарасович. — Откуда?

— С комиссаром бригады приехал. Вместе с анархистами, — усмехнулся Степан Евдокимович. — Привезли.

— Откуда же они узнали, что франкисты заняли деревню?

— Педрогесо позвонил в бригаду.

— Это я знаю.

— Ну, комиссар и я отыскали их. Устроили митинг, как у них водится. Комиссар объяснил им, как называется то,

что они сделали, оставив участок фронта. Их заправили из комитета — так вроде называется их руководящий орган — орал на митинге: «Провокация коммунистов!» Но бойцы-то поверили. Митинг. Вот и явились.

— Да... — Педро покрутил головой.

— Я-то насмотрелся на них еще в нашу гражданскую. Тоже подводили не раз.

— А где комиссар?

— Вон, около пленных. Маленький такой, сухой, видишь? Народ успокаивает. Иначе разорвали бы всех. Восемь часов были фашисты в деревне, а столько напакостили...

Савельев и Петр Тарасович смотрели на толпу жителей, плотным кольцом окруживших пленников.

— Он!

— Вот! Вот этот! Чего глаза прячешь?

— И этот! Он командовал!

— И он! И он!

Руки просовывались сквозь цепь бойцов, охранявших пленников, и тыкали пальцами в грудь, в лица фашистов.

Комиссар по указаниям жителей отбирал среди пленников тех, кого обвиняли в убийстве. Потом поднял руку. Шум стих. Тогда стало слышно, как один фашист кричит:

— Мы пленные! Мы выполняли приказ!

— Вы не просто пленные солдаты. Вы фашисты! Солдаты воюют с врагом, а не топчут насмерть безоружных. Вы не просто выполняли приказ. Мы взяли в плен лошадей. Они тоже служили фашистам. Но они животные. Они не понимают, что служили зверям. А вы сами звери! Может быть, не все из вас звери. Про этих мы не знаем, — комиссар кивнул на группу пленников человек в двадцать. — И верим, что они не делали такое... А вы звери!

— И они! Они тоже делали! Они тоже убивали! — закричал пленный и кинулся в большую группу, надеясь спрятаться. Но его вытолкнули.

— Я выполнял приказ! — ползая в пыли, кричал пленный.

— Тебе напомнить, как ты выполнял этот приказ?

Пленный замолчал.

— Идите! — приказал комиссар пятерым.

— Куда? — Это спросил офицер.

Комиссар махнул рукой.

Против террасы, на другой стороне площади, была глухая стена двухэтажного дома. Солнце стояло сбоку от него, и на площадь падала косая тень здания.

Туда и повели.

Они шли через всю площадь, а жители кричали:

— Смерть! Смерть!

Пять темных фигур остановились у синей стены. В тени нельзя было разглядеть их лиц.

Против них выстроились шеренгой бойцы.

Впервые с того момента, как он приехал на площадь, Педро почувствовал запах прокаленной солнцем пыли, смешанной с пометом животных, запахом пролитого и высохшего

вина, которым была наполнена терраса, и дух винного погребца, прохладный и острый.

Залп прозвучал нестройно и негромко.

Комиссар поднялся на террасу, но остался стоять у края.

На площади послышались разговоры.

— Тихо! — попросил комиссар.

Толпа недоуменно замолчала.

— Среди нас, — сказал комиссар, — есть человек, который виноват в том, что фашисты захватили деревню. Человек, который отказался защищать ее, когда анархисты ушли. Анархисты пусть поступают так, как этого потребует их совесть. Но этот человек мог защитить деревню и после ухода анархистов.

— Кто он? — послышались голоса. — Кто он?

— Руис Гонсалес, командир пехотного батальона.

Руис стоял в группе бойцов у террасы.

Все отступили от него. И он остался один.

Руис глядел прямо перед собой, но словно ничего не видел. Он стоял и смотрел сквозь людей и сквозь дома, будто действительно был один на площади, и молчал.

Советнику припомнился Большой Токмак и такой же солнечный день девятнадцатого года. Он вместе с ватагой мальчишек сидел на крыше сарая и смотрел на площадь, запруженную народом. Утром в село пришли красные. Народ судил предателя. Он смотрел так же, как Руис: мимо людей и мимо домов, был один во всем мире.

«Предатели всегда одиноки, — подумал Петр Тарасович, — даже если их много...»

И так же, как тогда, в другом году и в другой стране, люди на площади молчали.

— Руис Гонсалес, ты признаешь, что это так? — негромко спросил комиссар. Но его голос слышали все.

— Да.

Шепот прошел по площади. И по тому, как пронесся этот шепот, Петр Тарасович догадался, что люди признают вину Руиса, но не откажут ему в последнем — уважении.

— Тебя вчера просили дать солдат, чтобы защитить деревню, а ты не дал, — сказал комиссар. — Правильно это?

— Да.

— Сегодня утром деревню взяли, потеряв два танка. Убито сорок семь бойцов батальона. И вдвое больше раненых. В этом тоже виновен ты.

Руис поднял руку к горлу и расстегнул пуговицу рубашки. На лбу у него были видны крупные капли пота, словно солнце пекло только его.

— Я...

— Ты заслуживаешь смерти.

Руис молчал.

Один боец, стоявший поодаль, качнулся, переступив с ноги на ногу, вышел на шаг.

— Сегодня утром Руис был впереди всех в атаке.

— Да.

— Да!

— Да...

Голоса прозвучали, но их будто никто не слышал.

— Разве мы обвиняем его в трусости? Я не говорил, что он трус. Но вы простите его? Простите ему, что шестеро сгорело в танках, а сорок семь мертвы, потому что он храбр и упрям?.. Шесть сгорели заживо! И сорок семь мертвы!

Перед глазами Педро вновь встала картина боя за деревню. Два танка взвода Ромеро прорвались через мост. И там их забросали бутылками с горючей смесью. Машины запылали. В безветренный день смоляные клубы дыма поднимались прямо в небо. Но экипажи продолжали стрелять.

Потом взорвался боекомплект в командирской машине. Взрывом сорвало башню, и она отлетела метров на двадцать. И наступил черед второго танка.

Сдержанный и суровый гул прошел среди бойцов.

— Но!

Комиссар спустился с террасы и подошел к Руису.

— Ты слышал?

— Да.

Руис расстегнул ремень, на котором висела кобура пистолета, и отдал его комиссару. Потом тыльной стороной ладони вытер лоб.

— Жарко...

— Именем республики ты приговорен к смерти!

Руис зачем-то кивнул и оглядел площадь и людей, стоящих на ней.

Они смотрели на него строго и прямо.

— Жарко... — повторил Руис, — разрешите мне выпить. Жарко... Горло пересохло.

Позади Педро кто-то быстро прошел. Советник оглянулся и увидел владелицу кабачка, мужа которой растерзали утром фашисты. Она зашла за стойку и тут же вернулась, неся в руках глиняный кувшин с длинным носиком — поррон.

Она сделала это очень быстро, спустилась на площадь и стала рядом с комиссаром.

— Ладно, — сказал комиссар.

Руис взял поррон у женщины и поднял его на вытянутой руке. Струя красного вина потекла прямо ему в рот, и видно было, как ходит его кадык, когда он глотает. Потом он резко оборвал струю, подал поррон женщине.

— Спасибо.

И пошел прямо на толпу. Она расступилась.

— Ты куда? — спросил его комиссар и кивнул в сторону здания, под стеной которого были расстреляны фашисты.

— Я не пойду туда! Я не хочу умирать рядом с ними!

Педро не расслышал, что ответил комиссар и что снова сказал Руис: к столику подошла тучная хозяйка и поставила поррон, из которого пил Руис. Она просто поставила поррон на стол, не задумываясь над тем, что делает. Педро ничего не сказал ей, только отодвинул поррон в сторону и почувствовал: глина кувшина холодная, чуть влажная и приятная на ощупь в этот жаркий день.

— За смерть товарищей — смерть тебе! — прокричали на площади.

Тогда советник увидел снова площадь и ослепительно яркую стену дома с высокими окнами справа от террасы. У стены стоял Руис в расстегнутом до пояса моно, с непокрытой головой, и прядь темных вьющихся волос свисала ему на лоб. Руис не смотрел на трех бойцов с винтовками, а глядел на солнце. Глаза его неестественно блестели.

Педро опять перевел взгляд на кувшин, из которого пил Руис. Стенки отпотели, росинки влаги усеяли их, каждая бусинка поблескивала.

Хлестко ударили выстрелы.

Несколько бусинок влаги на порроне слиплись и потекли, извилисто дергаясь, по обожженной глине, как по старческой щеке.

— Выкидыш счастливее человека, которого звали Руисом...

Это сказал Хезус.

К столу подошел комиссар и тяжело сел на стул.

— Ненавижу это...

Хезус сказал:

— Он предал, но предателем он не был. Это и плохо.

— Да, — комиссар протянул руку к поррону.

Педро заметил: у него дрожали пальцы.

Комиссар только потянулся к поррону, но не взял его — рука опустилась на стол. По лицу комиссара было видно: ему плохо, просто очень плохо. Комиссар поднялся.

— Пойду в батальон. Поговорю с бойцами. Не может же батальон оставаться без командира. Они отличные бойцы! Я уверен, что среди них есть отличные командиры рот. Вы их знаете?

— Нет, — сказал Хезус. — Мы только вчера прибыли. Нас направили на танкоопасное направление. Но фашистских танков здесь нет.

— Пока нет, — сказал комиссар.

Потом он ушел.

За столом остались Хезус, Педро и Савельев.

— Как дела? — спросил Савельев по-испански. — Мы так и не поговорили.

— Хорошо, — ответил Педро тоже по-испански.

Бойцы унесли с площади тело Руиса. А на другом конце толпились анархисты. Они о чем-то горячо разговаривали.

Хезус сказал:

— Говорите по-русски. Не обращайтесь на меня внимания. Я посижу здесь, если не помешаю.

— Хорошо, — сказал Савельев. — Не помешаете.

И они стали говорить по-русски.

— Где Енютин? — спросил Педро.

— Родригес-то? Погиб под Теруэлем. Это случилось в последние дни перед сдачей города. Фашисты осатанели. И мела метель. Совсем как в России бывает. Страшная метельюга! Сугробы чуть не в человеческий рост. Родригес поднял роту в контратаку. Бойцы ворвались в траншеи фашистов, схватились в рукопашной. Тут его и убили. Прикладом, сзади. Метельюга — едва человека в двух шагах увидишь. А Лагутин под Мадридом погиб.

— Летчик? Рыжий такой. И веснушчатый.

— Вст-вот. Сбил его немец, ас. Фамилии не помню. Но очень знаменитый. Впрочем, как сбил? Они оба сбили друг друга. Шестерка «хейнкелей» удирала от наших. Вот тогда и появился ас. Лагутин долго с ним дрался. Тот тоже упрямый попался. Лагутин уже горел, когда всадил в него очередь. Васильев здесь, — неожиданно закончил Савельев.

— Васька!

— Хуан Марсо, — поправил Савельев с улыбкой.

— Мы с ним одного выпуска.

— Он сказал, — Савельев пододвинулся ближе, — Ту-хачевского расстреляли. Враг народа.

— Как? Но...

— А остальные, кто с нами ехал, живы, — заговорил о другом Савельев, — дерутся. Не всегда только ладят со своими командирами испанцами. Ты-то как?

— Лажу!

— Сам вижу, что ладишь.

— Это не трудно, если не командуешь заодно с батальоном и командиром.

— Скромность — ценная вещь.

— Проще — уважение.

— Тем более, — сказал Савельев. — Не менее ценная штука.

К террасе подъехала открытая легковая машина. В ней сидел маленький сухой комиссар.

— Вы освободились, камарада Алагон?

— Да, — ответил Савельев. Он поднялся, пожал руку Педро и Хезусу, который поднялся и был великолепен в своей любезности.

— До скорого! — крикнул Савельев уже из машины.

Машина резко тронулась с места.

Анархисты на той стороне площади продолжали громко спорить. Педро слышал отдельные выкрики, угрозы.

«Вот беспокойной матери дети...» — подумал Педро и спросил у Хезуса:

— О чем это они спорят?

Хезус не успел ответить — послышался дикий вопль.

Педро хотел кинуться к толпе анархистов, но Хезус схватил его за руку.

— Не надо, Педро. Сядь.

Советник замер у столика и увидел, как над толпой анархистов медленно вырастает поднятый на штыках человек. Он уже обмяк, как тряпичная кукла.

— Что там такое? Хезус!

— Самосуд.

— Над кем?

— Над командиром батальона.

— Над своим?

— Конечно.

Педро сел.

— Не ожидал...

— А я ждал. Должны же они были понять, кто больше

всех виноват в том, что произошло! Только поступают они всегда так, как им взбредет в голову.

— Так ведь они все уехали!

— Да, — кивнул Хезус. — А подбил их на это он. Он убедил бойцов, что ничего не случится. Они всегда болтают, что им взбредет в голову. Я не в состоянии их понять. Да и сами они... Всегда понимают они сами себя?

Толпа анархистов понесла поднятую на штыках тряпичную куклу и скинула ее на трупы фашистов, валявшиеся в тени у стены дома на противоположной стороне площади.

Потом из толпы вышел человек в белой рубашке с открытым воротником и направился к террасе, где сидели Педро и Хезус. Он был смугл, статен и красив. На поясе болтались пистолеты, гранаты и ножи — целый арсенал.

Он подошел к столику.

— Альфонсо Торрега. Командир батальона анархистов.

Хезус и Педро поднялись и пожали ему руку. Потом сели. Педро смотрел на медальный профиль Альфонсо. Он был чертовски красив. И характер у него, видимо, был хороший — простой и полный достоинства, хорошего достоинства, без зазнайства.

— Меня просили узнать, когда мы пойдем в наступление. Мы хотим наступать. Мы должны наступать — и смыть со знамени анархизма пятно ухода с позиций.

На площадь ворвался треск мотора, усиленный рупором узкой улочки. Мотоцикл остановился у террасы.

— Товарищ командир батальона, пакет, — сказал связной.

Хезус спустился с террасы и взял пакет. Разорвал его, вынул бумагу, стал читать. Педро видел, как потемнело его лицо.

— Контехеро! — позвал Хезус.

Педро подошел к нему, взял у него бумагу: это был приказ об отступлении.

Хезус сказал Альфонсо:

— Извините. У нас срочные дела.

— Желаю удачи. Договоримся позже.

Хезус словно не слышал его слов.

Педро и командир танкового батальона направились к штабной машине.

— Послушай, Хезус, — сказал Педро. — Надо срочно связаться со штабом бригады.

— Приказы не обсуждаются. Сам, контехеро, знаешь. И учил этому.

— Я позвоню сам.

— Хорошо. Поезжай. Я останусь. У меня большое дело. Я не хочу, чтобы дети считали нас лжецами!

Он соскочил с крыла и пошел к другой машине, шедшей сзади, высокий, ссутулившийся, с руками, вылезавшими из рукавов комбинезона.

— Поехали! — сказал Педро, но еще долго, обернувшись, смотрел на комбата.

На командном пункте Антонио молча подал советнику приказ за подписями и печатями — приказ об отходе.

— Ты пробовал связаться со штабом бригады?
— Связи нет. А вот приказ мотоциклист привез.

Педро выругался.

Они стояли у штабной машины.

— Похоже, что мы попадаем в окружение, — сказал Антонио.

— Ничего не понимаю!

Хезус отдал приказ об отходе. Он вернулся мрачнее тучи.

Танки шли на восток весь день. К вечеру остановились.

Контехеро связался со штабом. То, что он услышал, заставляло его побледнеть от злости. Выяснилось, что не только они, но и другие подразделения получили подложные приказы об отходе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Очень вкусная пешка, — сказал красавец Альфонсо и принялся жевать цветок миндаля, который заменял фигуру.

На обороте ненужной теперь двухверстки Педро начертил шахматную доску. Фигурами служили цветы. Похожие на вишневые, цветы миндаля были пешками: у белых они лежали венчиками вверх, а у черных — вниз. Прошлогодние, забытые на деревьях оливки, высохшие, сморщенные, обозначали ладьи, а продолговатые листья оливок, блестящие с одной стороны и матовые с другой, превратились в офицеров, сушенная фига стала королевой.

Играть в такие шахматы было не просто.

На Арагонском фронте стояла тишина, которую Педро в душе считал глупой, если не преступной. Но командование армий Арагона, видимо, держалось другого мнения. Оно словно не понимало, что наступление франкистов на Арагон задержано не потому, что они выдохлись, а потому, что несколько фашистских частей было переброшено под Теруэль. Это положение напоминало смешную ситуацию, когда трое дерутся против десятерых, а четвертый благодушно дожидается, пока они расправятся с тремя и примутся за него.

Конечно, командование следило за всей обстановкой, оценивало все возможности. Но как бы оно их ни оценивало, здравый смысл подсказывал, что часть войск во время этого затишья могла бы сражаться, а не смотреть на войну со стороны. Не хотелось думать о том, что анархисты нарочно не хотели отпустить свои войска — именно свои, так и говорилось — на другие фронты. Словно Арагон не часть Испании, а их, анархистов, вотчина.

— Очень вкусная пешка, — повторил Альфонсо, с улыбкой посмотрев на Педро. После этого хода белым, которыми играл Педро, грозила потеря коня. Так считал Альфонсо.

Но Педро был спокоен, его конь, взяв пешку черных, объявил шах королю, а ладья Альфонсо оказалась в безвыходном положении.

Альфонсо сказал:

— Вы, коммунисты, всегда так — пользуетесь слабыми местами противника. Чуть зазевался — лежишь и только лапками дрыгаешь.

— Что поделаешь... — сказал Педро и, поддерживая шуточный разговор, добавил: — Если знаешь свои слабые места, надо их ликвидировать. Зачем они? Для коллекции? А в шахматах, как и на войне, да и в политике тоже, надо прежде всего следить за действиями противника.

Педро взял ладью.

— Что толку, если ты упрямо ведешь свой план наступления? Твои фигуры — в твоём распоряжении. А вот мыслей противника ты не знаешь. Предугадай! Хотя бы на один-два хода... Хорошие игроки, говорят, предвидят на пять и больше. Понимаете? Люди совершают глупости своими собственными руками. Вот вы... Разве, например, не за вами шло крестьянство в Арагоне в тридцать шестом году?

— За нами, — согласился Альфонсо, — за анархистами.

— А вы поступили согласно своей анархистской сущности: отобрали имущество, обобществили его, проводили насильственную коллективизацию. Причем имущество поступало не в распоряжение всего народа, а в распоряжение комитетов, которых крестьяне теперь боятся больше, чем мятежников. Вот как обернулся, Альфонсо, ваш знаменитый «либертаризм» в деревне.

— Просто крестьяне не доросли до понимания великих задач анархизма, — со строгой гордостью сказал Альфонсо.

Педро, весело поглядывая на него уголком глаза, жевал высохшую маслянистую оливу-туру. Теперь он явно выигрывал партию.

— Вы не обижайтесь, Альфонсо, но крестьянину, как и любому другому человеку, трудно понять не величие задач анархизма, о которых вы говорите, а самоуправство и разнужданность анархистов. Личность, которая считает, что ей все дозволено, что она может все, — вроде человека, ставшего перед мчащимся на всем ходу поездом. Ведь коли личности все позволено, то она фактически начинает диктовать свои законы всем. Как говорят на Украине, те же штаны, да назад гашником. Малкобуржуазная стихия...

— Агитируете?

— Нет. Вас интересовало мое мнение — я его высказал. Шах и мат.

Альфонсо вздохнул и положил за щеку оставшуюся на доске туру.

— Свобода личности — основа счастья человека.

— Свобода от чего, Альфонсо? От чести, от совести, от законов, от долга перед родиной?

— От клетки вашей железной дисциплины. Хотя бы.

У вас, коммунистов, устав строже монастырского. Обобщественные тоже, говорят...

— Ну-ну...

— Вы можете не говорить мне всей правды, а другие говорят, что...

— Кто говорит? Это тоже важно, Альфонсо. А железная дисциплина нужна. Это не угнетение, а признание прав других. Представьте себе, что планете Земля захотелось бы переселиться в какую-нибудь другую систему без ведома и согласия всех остальных планет. Взяла бы она и улетела. А равновесие было бы нарушено во всей солнечной системе. Да вы вот так и поступили, уехав на отдых в Лериду.

— Мне шах и мат. — Альфонсо поднялся с травы и сладко потянулся. — А ведь весна, Педро! Настоящая, цветущая...

— Да. Теперь легче маскироваться. А для танков еще плоховато. Кое-где настоящие болота появились. Залетишь в такое...

— Ведь полагается же вам увольнительная, Педро! Поехали бы в Лериду, погуляли, а? Девчонки есть хорошенькие. Нельзя?

Педро молчал.

Ехидно усмехнувшись, Альфонсо потрепал его по плечу.

— Вот видите... А они бы с вами и задаром повеселились. Русский.

— Эх, Альфонсо, хороший вы парень. Обижать не хочется.

— Говорите. На правду я не обижусь, Педро.

— Я себя не на помойке нашел, чтобы валяться с каждой.

Тень промелькнула по красивому лицу Альфонсо, но он сдержался.

— Крепко сказано, русо.

— Я сказал то, что думал.

— Но ведь вы многое теряете, Педро. — Альфонсо постарался улыбнуться. Он встал боком к советнику.

— Я не стану богаче оттого, что приобрету...

Альфонсо резко повернулся к Педро, и тот увидел его застывшее лицо и подрагивающие ноздри.

— Русо!

Педро заметил:

— А какое отношение к вам имеет то, что я сказал?

Альфонсо зачем-то поправил болтавшийся у пояса арсенал.

— Мне показалось, что вы презрительно посмотрели на меня, русо.

— Это не так.

— Вы горды как гранд, русо... — И, окончательно оправившись от неловкости, Альфонсо сказал: — Действительно, ссориться из-за... двум мужчинам — смешно.

— Конечно.

Педро увидел, что к ним спешит комиссар танкового батальона. У Антонио, видимо, были какие-то важные но-

восте: так быстро он поднимался по склону холма. Обычно неприметная суховатая фигурка Антонио двигалась неторопливо: во время октябрьских событий тридцать четвертого года в тюрьме ему отбили легкие.

— К нам переброшена дивизия Листера! — задыхаясь, выпалил Антонио.

Новость была так неожиданна и так долгожданна, что Педро не выдержал:

— Это правда?

— Он в Каспе.

— Ну, теперь-то мы, наконец, начнем драться!

Альфонсо, уперев руки в бока, неожиданно расхохотался.

— Шах, коммунисты объявили шах Аскасо!

— Черт бы побрал твоего Аскасо! — взорвался Антонио. — Он достаточно изнывал от безделья, пока дивизия Листера месяц стояла под бомбежкой в Брунете.

— У нас нет танков и самолетов, — возразил Альфонсо.

— Я не знаю, против кого сражались бы танки, будь они у Аскасо!

— Это очередные коммунистические штучки!

— Я не сомневаюсь в тебе, Альфонсо, — немного спокойнее сказал Антонио. — Но черт бы побрал твоего Аскасо!

— А я уверен, что Аскасо еще покажет себя как полководец. Он не задаром сохранил наши силы.

— Заплатив за это кровью других!

— Арагонская анархистская милиция не может защитить всю Испанию, — ответил Альфонсо. — Вы не посмеете обвинить нас в трусости.

Антонио и Альфонсо стояли друг против друга. Педро протиснулся между ними.

— Послушайте, — негромко и спокойно сказал он. — Не всякая квочка, садясь в гнездо, снесется. Поживем — увидим. Никто из нас тронх не сомневается в личной храбрости друг друга, а что касается всего остального, то...

Не дослушав, Альфонсо резко повернулся и ушел. Идти вниз было неудобно, он подпрыгивал, и арсенал у его пояса смешно брякал.

— Как тебе не надоест часами разговаривать с этим индюком? — спросил Антонио. — Может быть, он отличный шахматист?

— Он просто неудачно покрашен, — ответил Педро.

— А настоящий его цвет? — покосился Антонио.

— Наш.

Командный пункт танкового батальона разместился на северном склоне холма, за виноградником. Подрезанные лозы выпустили уже по два-три листочка, и нежно-зеленые усики упруго колебались на ветру. Паровала земля. Дальние ряды корявых виноградных стволов виделись сквозь дрожащий воздух. А близкие отроги гор, казалось, таяли в солнечном мареве.

И столько света и простора было вокруг, что резало глаза.

Они вошли в штабную палатку. Длинная фигура Хезуса склонилась над картой. Когда глаза пообвыкли, Педро заметил, что ткань парусины пронизана солнцем и местами отливает радугой.

— Поздравляю! — сказал Педро.

— Спасибо...

— Что случилось, Хезус?

— Звонили из штаба бригады, — Хезус разогнулся, выпрямился. Взгляд его больших глаз был грустен. Пожалуй, так же грустен, как тогда, ранней весной, когда они оставили деревню, только что отбитую у франкистов, и потом целый день ехали молча, и все что-то не ладилось, и всем было не по себе. — Тебя просили прибыть в штаб. Всех советников, что приехали с полгода назад. И тебя.

Педро хлопнул ладонью по столу.

— Никуда я не поеду! Нашли время, когда отзывать меня в штаб! Надо же, а? Хезус, что ты сказал? Антонио, ты только подумай! Уехать теперь, когда явно готовится наступление?

— Я не думал, Педро, что ты в душе анархист, — грустно улыбнулся Хезус. — Ты же сам учил: приказы не обсуждаются, а выполняются.

Педро уехал, уговорив Хезуса и Антонио не прощаться с ним. Он даже не дождался обеда, который решили дать в его честь. Педро почувствовал, что Хезус и Антонио обиделись на него за это.

* * *

Через две недели ночью он отыскал расположение батальона, забрался в палатку командира и растолкал спящего Хезуса. Тот с таким азартом хлопнул советника ладонью по спине, что у Педро дух захватило.

— Да, Педро, — выпив кружку вина, сказал Хезус. — Твой путь обратно был почти на сто километров короче. Нас крепко прижали. Началось генеральное наступление франкистов.

— Анархисты сделали свое дело, — заметил Антонио. — Они так берегли себя, что дали фашистам разбить нас под Теруэлем, потом здесь, в Арагоне, под Бельчите, и в конце концов Аскасо, захватив награбленное испанское добро, бежал во Францию. Отличный финал!

— Я был в Барселоне, когда там состоялась манифестация, — заговорил Педро. — Площадь Каталония была запружена рабочими. Они требовали одного — сражаться! У дворца Педральвес толпа подняла такой шум, что министры почувствовали себя вроде того, как министры Временного, когда взяли Зимний. Они испугались народа. Они увидели, что народ и не собирается сдаваться и идет за коммунистами. Манифестанты выбрали комиссию, в которую вошли представители организаций, намеренных не прекращать борьбу против установления фашизма в Испании. От коммунистической партии в комиссию вошла Долорес

Ибаррури. Премьер заверил народ, что он будет продолжать борьбу до последней возможности. В общем капитулянты провалились. А потом...

— Мы слышали... — нахмурился Хезус.

— Манифестанты не успели разойтись по домам, как налетели фашистские самолеты. Их кто-то предупредил. Предупредил быстро, что капитуляции не будет. И они зверствовали вовсю...

Педро отхлебнул вина из кружки, помолчал и опять сказал:

— Я еще не видел такого массированного налета. Такие массы авиации... А ведь сюда, в Испанию, направлены только отдельные части фашистских армий. Выходит, что...

Педро замолчал. Выходило, что Тухачевский был прав, когда говорил о необходимости создания очень мобильной армии, прекрасно вооруженной технически. В конце концов его идеи стали претворяться в жизнь, а он... Враг? Не верится... И там, во дворце Педральвес, кто-то, может быть, такой же красивый и подтянутый, как богатырь Тухачевский, сидел на заседании Совета министров, говорил о свободе Испании, а потом, может, спокойно отстучал радиogramму в штаб Франко. И на улицах Барселоны потекла кровь, плакали дети, кричали женщины... Во дворце Педральвес — может быть... Но Тухачевский? Не верится...

— Да ты меня не слушаешь, Педро! — Хезус с удивлением смотрел на советника.

Педро сказал:

— Из всего следует — противник начал генеральное наступление, — и потер ладонями свое лицо.

— И я тебе говорю. Теперь уже определилось направление их главного удара. Они хотят по долине Эбро пройти до моря. Но им опасно оставлять у себя на фланге такой город, как Лерида. Этот перекресток шоссеиных и железных дорог франкистам просто необходимо захватить. И, кроме того, у них тогда в руках дорога на Барселону.

— Все верно, Хезус...

— Вчера на дорогах к Лериде было замечено большое оживление.

— Наверное, подтягивали артиллерию, — сказал советник. — Самое время. Не смогли взять Лериду с ходу, начнут кормить нас огнем. Кстати, Хезус, ты не возражаешь, если утречком я отправлюсь в разведку? — Педро склонился над картой, лежащей на столе, показал обозначенные условным знаком пушки. — Они здесь для того, чтобы простреливать дорогу и мост.

— Я хотел поехать сам.

— Но ради моего возвращения ты не откажешь мне в просьбе? Я поеду на танке братьев.

Антонио потрепал Педро по плечу.

— Советник, вы нарушаете указания командования. Вас не велено пускать в разведку.

— Антонио!

— Одно дело — бой, другое — разведка.

— Послушай, комиссар. — Педро выпрямился. — Ты это серьезно?

— Понимаешь, мне не хочется жалеть о том, что я сделал, — сказал Антонио.

— А ты не делай того, о чем пожалеешь, или делай, но не жалей, — не поднимая головы от карты, проворчал Хезус. — На крайний случай тебе совсем не обязательно слышать наш разговор. Мне не хочется отказывать Педро.

Откинулся полог, и в палатку ворвался утренний свет.

— Завтракать, — сказал вестовой.

Хезус, прищурившись, погасил лампу на столе.

— Мы и утра не заметили...

— Ладно, — сказал Антонио. — Пусть едет. Только постарайся не зарываться, Педро. Понимаешь, поосторожнее.

Повеселевший советник подмигнул Хезусу.

— И это мне говорит испанец!

Антонио опустил глаза.

— Что поделаешь! Два года назад наша пехота не оккупывалась. Считали, что прятаться от противника в землю — унижаться перед ним. А на танках мы верхом ездили. Ну, а теперь... А теперь я напоминаю тебе, что надо пользоваться и своими советами.

— Хорошо, — сказал Педро, — я обещаю вам не зарываться.

Они вышли из палатки. Над Каталонскими горами восходило солнце, очень яркое. Горы казались черными и напоминали древнюю крепостную стену. Оттуда же, с востока, тянулись легкие янтарные облака. Воздух был прохладным и влажным. Побеждая въедливый запах бензина, держался над землей устойчивый аромат трав, освеженных росой.

Бойцы еще спали. Вчера у них был трудный день, а половину ночи они готовили танки к сегодняшнему бою. Машины были скрыты в дубовой роще. Деревья стояли, не шелхнувшись, и была видна каждая, даже самая тонкая ветка.

У опушки горел костер. Еще издали почувствовался резковатый запах кофе.

«И он научился маскироваться», — подумал Педро о поваре.

За завтраком советник задумался и, когда поднес ко рту кружку с кофе, чертыхнулся — обжегся.

Антонио рассмеялся.

— Не уезжай раньше того, как поедешь. Ты, наверно, уже вон там? — И он кивнул в сторону позиций франкистов.

Утренний туман затянул их пологом, сквозь который только угадывались извилистые линии окопов среди виноградников.

— Ну, нет, — сказал Педро, — я уехал намного дальше... Куда? — Советник словно очнулся. — Скажем, в окрестности Кадиса.

— Но ты же там не был!

— Если бы полтора года назад испанцы умели маскироваться, окапываться и не ездили на танках, как на лошадях, если бы тогда у республики была настоящая армия, мы сейчас выбрасывали бы остатки мятежников с берегов Испании.

Антонио внимательно посмотрел на Педро, потом на Хезуса.

— Возможно. И еще если бы республиканцы и социалисты не боялись коммунистов или хотя бы прислушивались к тому, что они говорят... Тогда республика имела бы армию...

— А мы, республиканцы, кто? — недовольно проворчал Хезус.

— Камни в потоке. А не скала, какой стала Советская Россия, через три месяца после своего основания создавшая армию, — заметил Антонио.

Педро поставил на стол пустую кружку. Дожевывал пахучий козий сыр, к которому он все еще не мог привыкнуть, ел, стараясь не дышать носом.

Потом он тщательно поправил пилотку-испанку, которая никак не хотела плотно сидеть на буйной шевелюре, и, махнув на прощанье рукой, направился в дубовую рощу, к танку трех братьев.

Педро быстро нашел их машину. Ведь это только непосвященным может показаться, будто все танки на одно лицо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Машина ворвалась в расположение батареи с тыла франкистских позиций, и мятежники сначала приняли их за своих. Сквозь рев мотора, стук пулемета — сквозь всю оглушающую толщу звуков, плотно забивших внутренность танка, Педро не услышал — почувствовал, как танк словно влез на крутую горку, потом провалился. Это под его тяжестью сломалось орудие. Фернандо круто повернул машину. Снова танк вздыбился и провалился, подмяв под себя еще орудие.

Маноло длинными очередями косил метавшихся фашистов.

Неожиданно Педро резко бросило к ногам Маноло. Неистово взвыл мотор.

И стало тихо.

— Что случилось? — крикнул Педро, словно все еще стоял грохот.

Фернандо выругался.

Педро не услышал его голоса, потому что уши еще были словно заткнуты.

— Гусеница свалилась.

Педро понял сказанное Фернандо по губам.

Пабло и Маноло молчали. Все знали, что это значило.

Покосившись на стенки танка, Педро оглядел гнезда, где должен был помещаться боезапас. Снарядов к орудию уже не было. Последний пулеметный диск был расстрелян наполовину. Там, где надлежало быть второй половине боекомплекта, лежали аккуратно завернутые гитары.

Два танка из взвода, который пошел в разведку, тоже не могли видеть, что случилось с их товарищами: один раскатывал окопы пехотинцев, а второй ушел уничтожать минометную батарею. Машины потеряли друг друга из поля зрения.

Отпадал и самый простой и самый верный вариант — обороняться, пока наблюдатели не заметят их безвыходного положения и Хезус Педрогесо не пошлет им на помощь другие танки. Они находились всего в восьмистах метрах от позиций республиканцев. Не больше чем в восьмистах метрах. Подмога подоспела бы за полчаса, если не быстрее. Но эти-то полчаса надо продержаться. Иначе через полчаса подмога подойдет не к танку, а к факелу. Фашисты не станут ждать полчаса. Они подожгут машину раньше. Если подожгут...

В ушах раздался легкий щелчок и возник тонкий удаляющийся звон. Педро понял, что теперь будет слышать.

Лихо развернув башню, Маноло выпустил длинную очередь.

Потом еще. Патроны кончились.

Маноло бросил пустой диск на пол.

— Теперь все...

— Только начинается, — в тон ему закончил фразу Педро.

— Это от нас уже не зависит. Что будет, то будет.

— Маньяна пор ля маньяна, — сказал Педро. Излюбленная приговорка испанцев, которую можно понимать и как «завтра», и как «подождем», и как «поживем — увидим».

Командир танка старший брат Пабло посмотрел на советника с удивлением.

— Русо, вы хотели сказать — мы доживем до завтра?

— Не знаю. Посмотрим. Позвольте мне сесть на ваше место, — попросил Педро. Пабло слез с кресла и уступил место советнику. В окуляр прицела Педро увидел полянку между двумя виноградниками, три покалеченных орудия, бруствер небольшого окопа, в котором скрылась орудийная прислуга. По броне хлестко ударили пули.

Стреляли из окопа. Педро еще повернул башню, посмотрел в оптический прицел и окончательно убедился, что их

дело плохо. Батарея стояла за пригорком. Позиции республиканцев скрывались за ним. Значит, наблюдатели не видят их танк. И не увидят, что с ним случится.

Еще несколько пуль простучали по броне.

Послышался крик:

— Эй, красная сволочь, сдавайся!

Педро посмотрел на Пабло, на Маноло, на Фернандо и не увидел в их глазах ни боязни, ни отчаяния. Но то, что он увидел, было хуже: на лица братьев легла печать обреченности.

Они не боялись, это было бы недостойным арагонцев, чьи предки первыми поднялись на борьбу с мавританским владычеством и всех королей вплоть до Филиппа II заставляли произносить клятву народу, напоминая: «Мы, которые равны с вами по достоинству и могущественнее вас, мы избираем вас нашим королем и господином, с тем чтобы вы охраняли наши права и преимущества. В противном случае вы нам не король!»

Да, арагонцы вели себя достойно арагонцев. Они вели игру со смертью — и проиграли. Проигравший платит. Ставкой была жизнь. Значит, ее надо отдать. Просто, буднично, даже чуть небрежно, как игрок бросает на стол последнюю монету. И это уже никого не касается. Они проиграли.

Маноло, сидевший в кресле у пулемета, рядом с Фернандо, который все еще сжимал рукоятки фрикционных, Маноло, самый младший из братьев, стянул с головы шлем и расстегнул верхнюю пуговицу на курточке. Он словно показывал старшим братьям, что не станет жаловаться. Потом повернул голову вправо и щелкнул пальцем по фотографии молодой женщины.

— Так я ее и не нашел. А ведь здесь написано, что фотография сделана в Барселоне.

Пабло сел на пол танка и тоже стянул с головы шлем.

— В такие минуты надо думать о матери...

Около танка послышались голоса. Чем-то постучали в броню.

— Сдавайтесь! Мы не тронем ваши вонючие шкуры!

Маноло повернулся к старшему брату и сказал:

— Я не смогу думать о маме... Это очень трудно.

— Ладно. Думай о чем хочешь. Хоть об этой...

— Сдавайтесь! Наше командование гарантирует вам жизнь. Даем три минуты на размышление.

Это, видимо, говорил офицер. Тотчас снова послышался его голос, приказавший принести ворох виноградных лоз.

Пабло поднял голову и посмотрел в лицо советнику.

— Ты ведешь себя, как настоящий испанец. Жаль, что никто не сможет передать нашей матери, что у нее было не трое, а четверо сыновей. Наше братство скреплено смертью. Наша мать будет очень страдать. Но это будет гордое страдание. Не каждой матери, Педро, выпадает на долю такое страдание и такая гордость. Жаль, что она не

узнает, что у нее было не трое, а четверо сыновей. А сколько сыновей у твоей матери, Педро?

— Четырнадцать.

— Четырнадцать сыновей?

— Да.

— И все живы?

— Нет. Отец и шестеро моих братьев убиты в гражданскую войну. И еще четверо умерло от болезней, от голода.

— Жаль, — сказал Пабло, — что твоя мать не узнает, что у нее было не четырнадцать, а семнадцать сыновей.

Они говорили негромко, вполголоса — сердцем чувствовали, что нельзя говорить громко, что это нарушило бы их уединение, их отчужденность, сделало бы тех, кто находится там, за стальным щитом брони, свидетелями их последних разговоров, последних слов. И если бы они говорили громко и те, за броней, слышали их, это было бы омерзительно.

И все же Педро не мог понять и принять того состояния спокойствия, обреченности, которое овладело его товарищами. Его сердце не могло примириться с тем, что они находятся в положении баранов, ждущих, когда к их горлу поднесут нож. Он не мог отказаться от мысли о борьбе, хотя и не видел никакой возможности бороться. И поэтому он, слушая Пабло, прислушивался и к тому, что происходит там, за броней.

— Сыновья скверной матери! — слышался голос снаружи. Он был с хрипотцой от постоянной простуды, которой страдают пастухи высокогорья. — Сыны скверной матери! Из-за их вонючих шкур надо портить такую машину. Машина — она, как ломовой конь, может служить любому хозяину.

— Твоя она, что ли? А этим еретикам надо очиститься от скверны.

— Их можно спалить и вытащив оттуда, — сказал хриплый.

Второй голос был высок и произносил слова с каким-то внутренним ликованием.

— Чего же ждать? Когда они вылезут из этой стальной берлоги? Нам грехи счистятся за святое дело.

— А вдруг там есть русский? За его голову пять тысяч песет дадут. Что же ты, деньги сожжешь? Вот так, своими руками?

Высокий голос поскуучел:

— Денег, конечно, жаль. Но откуда узнаешь, что там русский?

— По чему-нибудь всегда узнаешь. Пороемся в карманах и найдем.

— Тебе две с половиной тысячи песет и мне две с половиной. Скажем, что слышали, будто там говорили по-русски!

— Это почему же поровну? — обиделся хриплый. — Мне больше. Я сказал про русского.

— Он сказал про русского! Я же придумал сказать офи-

церу, что слышали русскую речь! — взвился высокий голос.

— Э, — сказал хриплый, — пусть горит. Все равно надо будет и офицеру денег дать. Пусть лучше горит. Сделаем святое дело.

— Дурень ты, деревенщина! А тысяча песет не деньги?

— Это почему же тысяча?

— А ты думаешь, что мы с офицером дадим тебе больше? — ликовал высокий голос.

— Грабители! Уж пусть лучше сгорят эти сыны скверной матери! Хоть грехов у меня будет меньше.

— Ты паршивая собака на гнилом сене! Тебе бы все деньги себе забрать! — И почти без перехода высокий голос звонко отчеканил: — Господин майор, в танке русский! Я слышал русскую речь.

— Русский?

— Клянусь святой мадонной!

— Врет он, — вступил хриплый. — Еретиков надо сжечь!

— Замолчать!

Потом послышался стук по броне и голос офицера:

— Прошло две минуты. Сдавайтесь. Иначе вы будете сожжены. Слышите?

Педро посмотрел на Пабло, сидящего на полу, но тот даже не поднял глаз, погруженный в свои мысли. Лица Фернандо не было видно. Опершись на подлокотники, он сложил перед лицом руки и что-то шептал быстро-быстро. Педро прислушался, с трудом разбирая слова. Многие походили на испанские. Заканчивалась скороговорка словом «амен». Педро догадался, что Фернандо молится.

Маноло разместился в кресле вполоборота и рассматривал или делал вид, что рассматривает обнаженную женщину.

«Я не смогу думать о маме...» — Педро вздрогнул — так ясно в полутьме башни увидел лицо матери: веки прикрыты на мгновение по-старчески светлые глаза, то ли прощаясь, то ли благословляя.

— Слышите? — снова постучали по броне.

И, не дождавшись ответа, офицер приказал:

— Обкладывайте танк сухой лозой!

Кто-то из солдат заговорил быстро и невнятно.

— Молчать! Ждите меня!

«Куда он мог пойти, этот офицер? Он приказал ждать. Значит, он с кем-то хочет посоветоваться. Он узнал, что в танке есть русские! Он-то не подозревает, что солдаты невзначай сказали правду. Он пошел доложить начальству и посоветоваться: жечь танк с русским, а может быть, обождать до приезда кого-то? Несмотря на то, есть в танке русский или нет, танк следует сохранить как трофей. У него ведь только порвана гусеница».

Педро потянулся к кобуре, вытаскил пистолет.

Пабло увидел, поднялся с пола и положил руку на оружие.

— Нет, Педро, ты не сделаешь этого. Настоящие испан-

цы не кончают жизнь самоубийством. Ты вел себя как настоящий испанец.

— Это великий грех, — сказал Фернандо.

— Куда спешишь, русо? — усмехнулся Маноло. — Она придет сама и сделает все как надо. Не надо спешить, русо.

— Рассматривай задницу шлюхи и молчи! — зашипел на брата Пабло. — Никто не должен знать, что с нами он!

— Какое это имеет сейчас значение? — удивился Маноло. — Вы слышите?

Снаружи по броне скребли сухие виноградные лозины. Маноло убедился, что все слышали, и сказал:

— Я прошу тебя, брат, не называй так эту женщину! Считай, что это моя жена. Я дал обет: останусь жив, найду ее и женюсь на ней!

— Вонючий ты козел! — шикнул на брата Пабло.

У Маноло задрожали плечи. Он стал смеяться, все громче и громче.

— Тихо, — попросил Педро, — тихо...

Маноло уже закатывался от нервного хохота, голова его запрокидывалась, он весь дрожал. Пабло протянул руку к воротнику его куртки, крутанул так, что треснула материя.

Маноло притих.

— Мы слушаем тебя, брат, — обратился Пабло к советнику.

— Я выстрелю три раза. Пусть фашисты думают, что мы покончили с собой.

— Но мы все равно в плену, — сказал Фернандо. — Как мы выберемся?

— Не знаю, — сказал Педро.

— Вот видишь, — вздохнул Фернандо. — Зачем тогда это делать?

— Мы, может быть, выиграем время.

Маноло успокоился и спросил Педро:

— Зачем нам выигрывать это время? Через полчаса будет еще труднее умирать. Пусть они скорее поджигают танк.

Все смотрели на Пабло.

— Ты, брат Педро, говоришь, что мы можем выиграть полчаса. Может быть, полчаса, может быть, меньше. Здесь, на земле, это вечность по сравнению с загробной жизнью. Стреляй!

— Сядь поудобнее, — попросил Педро.

Маноло вскинул брови.

— Зачем?

— Потом нельзя будет даже шевельнуться.

Каждый постарался устроиться, как ему хотелось. Педро скинул кожаную куртку и бросил на пол, в угол, чтобы пули рикошетом не ранили танкистов, и выстрелил с небольшими промежутками три раза. Пороховой дым защекотал в носу. Неудержимо захотелось чихнуть. Сорвав с головы шлем, Педро закрыл лицо и кое-как справился. Когда отнял шлем от лица, по щекам текли слезы. Улыбающийся Пабло потрепал советника по колену.

Снаружи танка тоже стало тихо. Видимо, солдаты превали свою работу.

— Что там случилось? — спросил хриплый.

— Вроде застрелились. Не захотели гореть.

— Я же говорил, что там русский! — сказал хрипый. — Испанцы бы этого не сделали. Сыны скверной матери! Пропала теперь и та тысяча песет, на которую я мог рассчитывать.

— Сеньср майор! — Это говорил солдат, у которого был высокий голос. — Они застрелились. Мы слышали три выстрела. Сначала они ругались. Слышно было, как спорили, только слов не разобрать. Потом один смеялся. С ума, что ли, походили от страху. А потом три выстрела.

— Разрешите сказать, сеньср майор. Я думаю, что испанцев убил русский. Там был русский. Он их убил. Они, наверное, испугались и решили сдаться, а русский их и убил.

— Сволочь! — сказал офицер. — Явно коммунист! Кто же еще способен на такое зверство!

— Прикажете поджигать танк? — спросил хрипый.

— Нет. Сдадим как трофей. Какой смысл теперь его жечь?

— Может, попробовать открыть? У русского, наверно, с собой был мешок денег, чтобы подкупать испанцев. — Это сказал солдат, у которого высокий голос.

— Что же он, мешок с деньгами возил с собой? Да и открыть нечем. Скоро придет тягач, потащит танк в тыл. Отправишься с ним. Если окажется, что в танке был русский, то возмешь деньги за его голову и привезешь мне.

— А... нам?

— Я вас не оставлю без награды.

— Господин майор...

— Молчать!

Офицер и солдаты ушли. В танке по-прежнему никто не шевелился, только посматривали друг на друга. Кажется, они попали из огня да в полымя. Вместе с тягачом придут слесари, откроют башню танка. Пабло постарался объяснить это знаками. Педро согласился с ним, но знаками объяснил, что раз они начали игру, то надо довести ее до конца.

Вскоре солдаты вернулись, взобрались на танк и уселись на башню, очевидно желая показать, что это их добыча, с которой они не расстанутся.

Тягач пришел минут через двадцать. Как и предполагал Пабло, вместе с водителем приехал слесарь. Он осмотрел танк, попутно расспрашивая солдат, как он попал на их батарею. Хрипый и высокоголосый снова повторили свой рассказ о русском, о мешке денег и о выстрелах, после которых в танке не слышалось ни звука.

— Откройте его, — предложил высокоголосый. — Нам надо взять деньги и русского. Мы узнаем его даже мертвого.

— Попробуем, — ответил слесарь.

По броне застучали сапоги.

Педро очень осторожно сполз с кресла командира и, держа наготове пистолет, встал так, чтобы, как только откроется люк, выстрелить в слесаря.

У люка послышался скрежет металла о металл. Слесарь прилаживал зубило. Потом удары. Но вполсилы. Очевидно, после рассказа о днягах решил не особенно стараться и открыть люк в мастерской. От каждого удара молотка задвижка люка вздрагивала.

У Педро пересохло во рту, дыхание стало хриплым, и он боялся, что слесарь услышит его.

Удары смолкли.

— Не открывается, — объявил слесарь. — Зубило маловато.

— Давай я попробую, — попросил хриплый.

— Еще чего? Инструмент испортишь. Ты штык сломаешь — отвечать будешь. Я — тоже.

— А как же нам достать русского?

— Откуда вы знаете, что там русский? Врете вы все. Вот починим гусеницу у танка, стащим его на дорогу — и в мастерскую. Там разберемся.

— Ты нас хочешь обмануть, скотина!

Слесарь принялся ругаться с солдатами, и водитель тягача тоже. Кричали они долго. В конце концов решили, что солдаты поедут с ними.

Наконец принялись за ремонт. Танк стоял кормой к позициям франкистов, и в ту же сторону была повернута башня.

И Педро подумал, что, если бы молитвы имели хоть какую-нибудь силу, и он, пожалуй, помолился бы за то, чтобы все зубья на ведущем колесе оказались в порядке.

Они все еще боялись поверить, что случится так, как говорил слесарь.

Педро видел тягач — гусеничный трактор. Он видел теперь и слесаря, и солдат, которые ему помогали, и водителя.

Они расстилали на земле гусеницу их танка, чтобы нацепить на ведущее.

«Слава богу! — подумал Педро. — Слава богу, что рычаг коробки передач стоит в танке на нейтральной! Ведь я раньше забыл это проверить. Совсем из головы вон!»

Танк дрогнул, но не двинулся. Через броню отчетливо доносились голоса и стук по металлу.

Снова рывок. Пятнадцатитонная махина чуть подалась усилиям тягача. Еще рывок, еще...

Минут десять дергал трактор машину, чтобы натащить катки на расстеленную гусеницу.

Пока слесарь с солдатами соединяли траки, водитель тягача ушел. А вскоре на помощь трактору пришли еще два тягача.

Педро слышал: водители совещались, как лучше вытянуть трофей.

Решили дотащить до дороги.

Потом все долго, очень долго возились у буксирного крюка, привязывая танк цепями к тягачам.

— Аделанте! — послышался, наконец, приказ. Заревели моторы тракторов. Танк качнулся и медленно тронулся.

Фернандо взял в руки рукоятки бортовых фрикционов.

— Убери руки! — прошипел советник.

— Почему, Педро? — не понял Пабло. — Ведь надо удирать! У нас гусеница в порядке. Надо удирать!

— Рано.

— Рано?

— Надо, чтобы нас дотащили до дороги.

— Зачем? Надо сейчас! Поздно будет! — покраснев от напряжения, шептал Пабло.

— Рано! Можем опрокинуть трактор и будем у них, как на якоре. На дороге будет легче... Фернандо! Положи руки на колени! Жди приказа!

Фернандо не оборачивался и не отпускал рукоятки.

Пабло пробрался к нему, отодрал его пальцы от рукояток и остался рядом с ним.

Тягачи тащили медленно. В прицел Педро видел, как они переваливаются на неровностях почвы, как цепляются за борта солдаты и офицер, который, видимо, подошел в последний момент: решил, что и ему нельзя упускать добычи.

Тракторы провалились куда-то. У Педро перехватило дыхание. Перевернулись? Этого еще не хватало! Быть не может! Тут кювет. Потом он увидел, что два трактора перевалили канаву.

Танк накренился. Теперь был его черед преодолевать препятствие.

Завыли моторы тракторов.

Что-то дернуло машину. Потом танк покатился назад.

— Цепи порвались! Фер-нан-до! — крикнул Педро. — Аделанте!

Мотор взвыл на предельных оборотах. Танк рванулся вперед, развернулся на шоссе и на максимальной скорости погнал к позициям республиканцев.

(Окончание следует)

Человека манит неизведанное: космос и океанские глубины, далекие звезды и недра родной планеты. Проложив первые космические трассы, он внимательнее обращается и к Земле, где его ждут еще многие открытия.

Все это вопросы, которые волнуют меня в моей литературной работе. И как-то естественно получилось, что на страницах книг нужно было пройти этот путь целиком. Так вслед за книгами «Рассказы об атмосфере», «Открытие мира» и «Вперед — океан!» родился замысел новой — «Неоткрытая планета». В ней я пытаюсь показать, какие результаты в новом открытии планеты, именуемой Землей, уже достигнуты, как много предстоит еще узнать. Хочу ввести читателя в атмосферу споров, рассказать, как богаты недра Земли и что даст нам геология будущего.

В отрывке, который публикуется в «Искателе», рисуется общая картина покорения земных недр.

Бляйнов

ГЛУБИНЫ ПЛАНЕТЫ ЖДУТ

БОРИС ЛЯПУНОВ

В поисках руды, угля, нефти человек переворачивает горы земли. Он делает это издавна. Из породы, которую пришлось в таких поисках перевернуть, наверное, получилась бы довольно приличная небольшая планетка...

Нам нужны уголь, нефть и горючие сланцы. Нужны металлы — черные, цветные, редкие. Нужно сырье для химических заводов, минералы для производства удобрений и цемента. И поэтому уже сейчас приходится перерабатывать полтора миллиарда тонн породы в год.

Полтора миллиарда в год... Но запасы подземных кладовых — не волшебный кошелек, в котором на месте вынутой монетки немедленно появляется новая. Руды не образуются быстро, уголь не рождается на наших глазах, нефть не возникает за десятки лет или даже за века. А мы не только берем их — думаем еще и о том, чтобы брать все больше и больше.

Население земного шара непрерывно растет. Трудно, конечно, предсказать совершенно точно, сколько людей будет жить на Земле через десять, пятьдесят, сто лет. Но, пользуясь статистикой, можно все-таки прикинуть... Цифры получаются ошеломляющие: 2 000 год — 5 миллиардов человек, 2040-й — уже 10 миллиардов!

Человечество растет, а минеральные ресурсы, запасы сырья, залежи топлива, расположенные у поверхности, неизбежно истощаются. Мы потребляем нефти так много, что известные сейчас запасы будут исчерпаны уже через сорок лет.

Но... нам не грозит катастрофа. Недра Земли богаты, а пользуемся мы, по существу, лишь ничтожно малой долей того, что таит в себе наша планета. До ценнейших, причем самых разно-

образных, месторождений этих не разведанных еще кладовых, можно будет добраться с помощью сверхглубокого бурения.

Трудно гадать сейчас, что встретится разведчикам недр на пути к границам мантии. Вероятно, в изобилии — железо. Будут найдены редкие, рассеянные элементы, которые сейчас добываются с большим трудом. Очень возможно, что будущие месторождения окажутся богаче всех известных нам сегодня.

Буровые проникнут все дальше и дальше за границу Мохо, отделяющую земную кору от мантии. В разных местах Земли получат разрезы ее толщи. Недра планеты со временем станут областью настолько изученной, что ученые смогут давать геологические прогнозы — предсказывать, где, в каких подземельях находятся те или иные «клады».

Подземелье планеты таит и такое богатство, как глубинное тепло. Оно, это тепло, все время подогревает скрытые в недрах реки, озера, даже моря.

Сверхглубокие скважины откроют им выход в специальные электростанции. Даровое отопление получат города. Возможно, мы сумеем с помощью подземных горячих вод отеплять реки, впадающие в Северный Ледовитый океан. Тогда незамерзающие порты появятся на трассе Северного морского пути.

В глубинах планеты нам встретится и магма, этот жидкий огонь, kloкочущий в утробах вулканов. Как заставят его работать инженеры будущего, сказать пока трудно. Конечно, они постараются извлечь из этого готового расплава все полезное, что только в нем есть. И очень может быть, что магма станет, например, послушно приготавливать пар для турбин новых электростанций.

Подземелье планеты послужит нам не только кладовой. Там, в глубинах, высокие температуры, давления и самое различное сырье, там, образно говоря, фабрики минералов, почти «готовые». Их надо дооборудовать и запустить в работу.

Мы сможем управлять деятельностью микробов, направлять по нашему желанию потоки подземных вод и тепла, проводить прямо в недрах планеты плавку именно так, как нам нужно.

Сможем превращать бедные месторождения в богатые и, может быть, научимся получать ценные породы искусственным путем, как получаем сейчас в лабораториях алмазы, но в больших масштабах, в глубинах нашей планеты.

Богатейшие клады ждут человека и под таинственным дном океана.

Там колоссальные нефтеносные площади. Разведку на нефть геологи ведут пока на небольших глубинах, но, основываясь на разведанном, уже известном, можно с уверенностью сказать: морская глубинная нефть существует.

Дно таит и другие богатства. Некоторые своеобразные произведения природы, скрытые там, представляют и большой научный и чисто практический интерес. Еще в конце прошлого века со дна океана был поднят обычный на первый взгляд камень — черный, неправильной формы. Он оказался целой кладовой: и марганец, и железо, и кобальт, и никель, и медь, и редкие элементы — чего только в нем не было!

Такие камни называли конкрециями, что в переводе означает сгущения. В последнее время целые россыпи конкреций ста-

ли обнаруживать во многих местах. Глубоководные фотоаппараты снимали дно, и на снимках оно выходило похожим на развороченную булыжную мостовую. Неисчерпаемые запасы конкреций нашли и в Атлантике, и в Индийском, и в Тихом океанах. Подсчитали: в одном только Тихом океане лежит примерно 90 миллиардов тонн великолепной железо-марганцевой руды! А во всем Мировом океане ее накопилось около 350 миллиардов тонн.

Откуда она взялась?

— Вероятно, железо, марганец, никель сумели как-то осадиться из морской воды на протяжении множества веков, — говорят одни ученые.

— Вероятнее предположить, — возражают другие, — что конкреции образовались из вулканических растворов под действием высоких давлений.

— Быть может, их сделали бактерии, которые извлекали различные элементы из воды, — так отвечают на вопрос третьи.

Инженеров больше волнует другое: как добывать скрытые водной толщей богатства? Отсасывать их насосами, подобно тому как забирают рыбу вместе с водой? Или пустить ползать по дну самоходные установки, чтобы механические руки роботов поднимали железо-марганцевые куски?

Как бы то ни было, экономисты уже подсчитали, что рудник на дне океана себя оправдывает. Теперь слово за конструкторами, которые должны придумать самый удобный и дешевый способ добычи руд из-под воды.

В будущем, вероятно, люди найдут способ промышленного использования и красной глины, покрывающей огромные участки океанского дна. В ней так много меди и алюминия, что вскрыть эти запасы в цифрах нелегко: сотни тысяч миллиардов тонн! И это по очень скромным подсчетам, лишь по самой приближенной оценке...

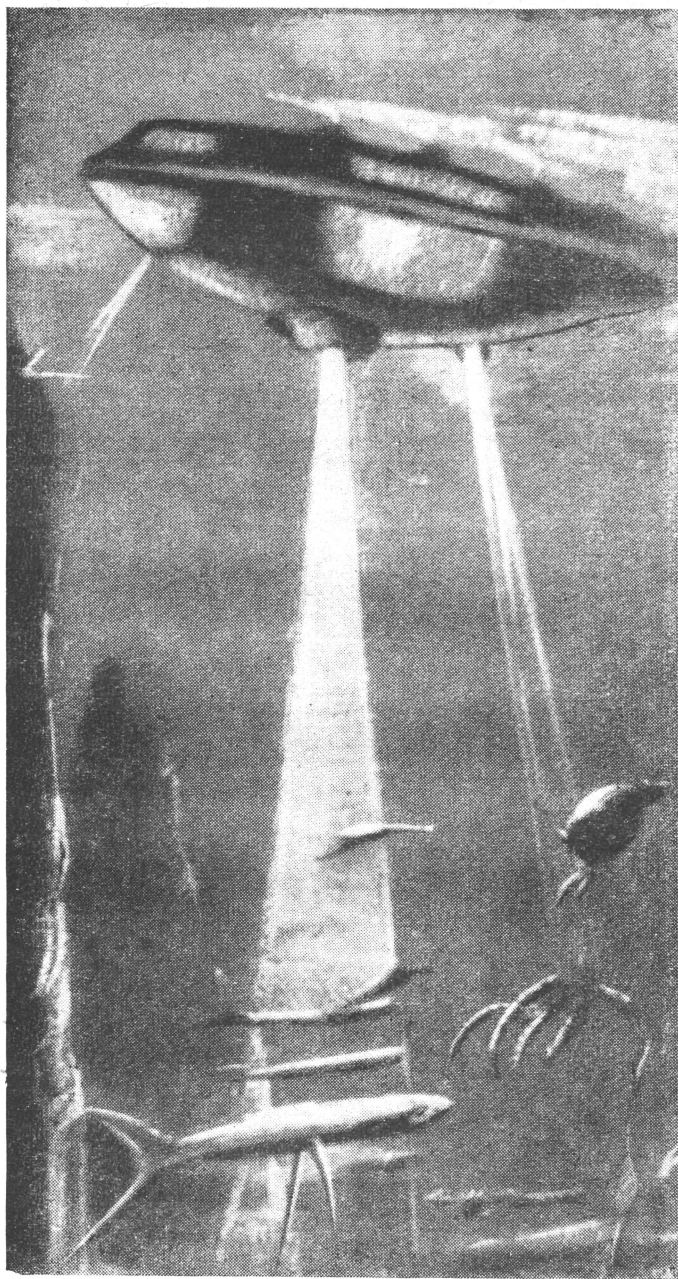
Морские геологи опустятся на дно. В глубоководных скафандрах они выйдут исследовать неведомую страну под водой, пользуясь и данными, полученными в космосе, — ведь это с помощью искусственных спутников Земли удалось обнаружить магнитные аномалии под труднодоступным океанским дном. Магнитомеры и гравитомеры точно нащупают рудные тела, скрытые под водой и землей, скопления нефти, горючих газов. Геологи выберут места для буровых, разведают трассы новых рудников.

А добывать найденные богатства будут автоматы.

Но за автоматами должен наблюдать человек. Поэтому возникнут поселки на дне — дома из прочных материалов, снабженные всем необходимым для жизни. В них обоснуются океанологи, ихтиологи и, конечно, геологи.

Со временем мы найдем пути вмешательства в сложную жизнь планетных недр. Только тогда можно будет сказать: Земля полностью покорилась людям!

ТУСКАРОРА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Дождь

Вы бывали в Южно-Сахалинске? Нет? Напрасно. Обязательно побывайте, не пожалеете. Особенно если, осмотрев город, не поленитесь подняться на сопку Российскую, к турбазе «Горный воздух». Говорят, там лучше всего зимой, в декабре или в январе, когда сыплет теплый пушистый снег и лыжи будто сами катятся под гору. А если бы в Южно-Сахалинске вам довелось встретить девушку по имени Майя, она уверила бы вас, что их сахалинский снег сам по себе покатит вас и вверх, вопреки всем законам природы.

— Если бы вы знали, как у нас хорошо зимой!

В Майином голосе чувствовалась виноватая нотка. Мы стояли на балконе здания турбазы и смотрели на дождь. Дождь и туман, из-за которого на полкилометра вокруг ничего не было видно. А забрались мы сюда для того, чтобы с высоты посмотреть на южно-сахалинские «Черемушки».

— Они вон там, немножко правее, — сказала Майя, указывая в негроглядную серую пустоту.

— Хемингуэвский дождь... — прошептал я мечтательно.

— Нет. Это наш дождь.

Майя обиделась.

Я посмотрел на часы. Девушка встрепенулась и схватила меня за руку.

— Подождите. У нас бывает так. Дождь, туман, дождь — и вдруг солнце. Правда.

Уж очень ей хотелось показать мне «Черемушки» сверху.

— А если самолет не захочет меня ждать, тогда как?

— Они в такую погоду не летают...

— Ну да, дождь, туман, дождь — и вдруг солнышко. И мой самолет фюить — и вспорхнул.

Майя кашлянула и, смешно поежившись, мальчишеским басом сказала:

— Ну ладно, идемте, раз вы так торопитесь...

Она провожала меня до самого аэровокзала и ждала, пока я сдавал багаж и регистрировал билет.

— Прилетайте зимой.

— Обязательно прилечу, если вы к тому времени возьмете в библиотеке книгу Хемингуэя «Прощай, оружие» и прочитаете ее, — пошутил я.

Она смущенно стала рассматривать наши руки, сжимавшиеся в прощальном рукопожатии. Затем выдернула руку и побежала к выходу.

— Прилетайте! — крикнула она и скрылась.

А дождь все шел.

Я уселся на скамейку и стал рассматривать пассажиров.

Все рейсы задержались, поэтому скопилось очень много народу. Некоторые, видимо просидев на аэродроме с раннего утра, дремали. Другие собирались группами и оживленно болтали. На скамейке ребята громко стреляли костяшками домино. «Козел» должен был во всю глотку кричать: «Ку-ка-ре-ку!» При этом те, кто дремал, недовольно морщились. «Козел» — и вдруг «ку-ка-ре-ку»?

— Ты, Витка, кричишь как-то молча! Уговор — во все горло!

— У меня голос такой, — робко оправдывался парнишка. — Я лучше буду кричать, как умею, но зато три раза...

— Ребята, сделаем ему скидку? — спросил высокий парень.

— Ладно, пусть кричит три. Это как раз будет соответствовать требуемой звуковой мощности. Рыба! Ну-ка, посчитаем!

— Ага, теперь твоя очередь кричать, Бикфорд!

Дологвязый блондин с пестрым платком на шее прочистил горло и заорал так, что в окнах задребезжали стекла. Со всех сторон на ребят зашикали. Я увидел, как в зал вошел коренастый мужчина в зеленом дождевике и, пробираясь среди пассажиров, направился к парням. Увидев его, они встрепенулись, перемешали костяшки и встали.

— Пошли, — сказал мужчина коротко. — Я вам сейчас покажу, где зимуют петухи.

— В сарае, Лаврентий Петрович, — попробовал было отшутиться Бикфорд.

— В сарае? Нет, батенька, такие петухи, как вы, зимуют на острове Итуруп.

«Итуруп, Итуруп... Это, кажется, самый большой остров в Курильской гряде», — пронеслось у меня в голове.

— Забирайте вещи, — приказал мужчина.

Голос у него был суровый и властный. Такому не возразишь. Я обратил внимание на его багрово-коричневое лицо, как у рыбака, сошедшего с сейнера.

«Ну и начальник!» — подумал я не столько потому, что оправдывал манеру мальчишек играть в домино, сколько из-за их несколько растерянного вида.

Не знаю почему, но я поплелся за ними, вышел из аэровокзала и стал наблюдать, как мужчина отчитывал доминошную команду.

— Даже плащи умудрились сдать в багаж! Вот теперь и стойте, как мокрые куры!

— Разрешите пойти взять вещи?

— Идите.

Когда мужчина закурил, я подошел к нему и попросил спичку. Хотелось рассмотреть его поближе. Лицо у него было все в мелких острых морщинках. На щеках пробивалась жесткая

седеющая щетина. Должно быть, когда-то он брился. Он осмотрел меня сощуренными голубыми глазами.

— Ничего ребята, — сказал я примирительным тоном. — Молоды.

— В нашей работе самое главное — дисциплина. Иногда от этого зависит жизнь, — сказал он спокойным, мягким голосом. — Вот и приходится.

Он чиркнул спичкой и поднес ее к моей сигарете.

— У вас потухла. Кстати, какие у вас? С фильтром? Вы давно из Москвы?

— Десять дней как приехал.

— Да ну! — оживился мой собеседник. — Как там?

— Порядок. По Мичуринскому проспекту пустили троллейбус.

— Мичуринский? Простите, это где?

Меня всегда раздражает, когда кто-нибудь не знает проспекта, на котором я живу.

— Это там, где улица Столетова.

— Простите...

Я удивленно поднял на него глаза.

— Вы москвич?

— Да, но только давно не был в Москве.

— А эти ребята?

— Аспиранты из Института геологии. Прилетели в марте. Готовят здесь диссертационные работы. Значит, в Москве много перемен.

Я стал объяснять ему, где улица Столетова и где Мичуринский проспект. Подошли аспиранты, нагруженные вещевыми мешками.

— Мы готовы, Лаврентий Петрович.

Он окинул их изучающим взглядом и кивнул. Затем вдруг обернулся ко мне и спросил:

— А вам что, негде переночевать? Ведь сегодня все рейсы отменены.

— Не может быть...

— Конечно. Нечего вам здесь торчать. Поехали в город, меня ждет «ликап», так что все уместится.

По дороге мы познакомились. «Лаврентий Петрович Широкий, доктор геологических наук». — «Очень приятно. Виталий Александрович Сушков, кандидат физико-математических наук. По приглашению Южно-Сахалинского института читал цикл лекций по электронной измерительной технике». — «Вот как, интересно! А что вы сейчас делаете в Москве? Не хотели бы вы...»

Кончилось тем, что я поехал не в гостиницу, а прямо на квартиру Широкого.

— Я вас никуда не отпущу, — сказал он тем же властным голосом, каким обращался к своим аспирантам.

— У меня командировка кончается.

— Мы ее продлим настолько, насколько нужно.

— Да, но...

— Женаты, дети есть?

— Нет.

— Тогда вопрос решен.

Я никогда не жалел, что вопрос решился именно так...

Черемных и его идея

Дождь все еще шелестел в листьях деревьев за окном. На улице стояла желтая полутьма. Мы разговаривали очень долго, наверное часа три, и мне ни с того ни с сего стало казаться, что внезапно наступившая перемена в моей жизни только снится.

— Я вижу, вам хочется спать.

— Нет, что вы...

— Да не врете же, я вижу по вашим глазам. Я сейчас постелю.

Широкий зашел за дверь, снял с вешалки меховой тулуп и бросил на пол. Затем пошарил в шкафу и достал простыню.

— Вы моложе меня и поэтому будете спать на полу.

Глаза у меня слипались, и я начал покорно раздеваться.

— Кстати, Лаврентий Петрович, я как-то постеснялся спросить, для чего, собственно, вы меня здесь оставили?

— А вы уже жалуете?

— Нет, что вы! Но все же...

— Измерительная техника, мой милый. Мне очень нужна измерительная техника. Вы для меня просто находка.

— Вы что, хотите заняться изготовлением карманных вольтметров на полупроводниках? — почему-то с раздражением спросил я. Мне вдруг стало досадно, что я вот так, с бухты-баракты, согласился работать с этим вулканологом.

Не дожидаясь ответа, я улегся на тулупе. Ух, как давно не спал на твердом полу! Вспомнилась московская квартира с диваном-кроватью.

Широкий засмеялся. Он подошел ко мне, посмотрел на меня насмешливо и сел на пол рядом.

— Небось вспоминаете московские удобства, — догадался он.

— Вспоминаю, — пробормотал я.

— И это в вашем-то возрасте!

— Угу...

— А хотите, через пять минут от вашего сна ничего не останется?

— Только, ради бога, не обливайте меня холодной водой. Я этого очень не люблю...

Широкий похлопал меня по плечу.

— Этого не будет. Я просто хочу рассказать вам сказку. Малым детям перед сном всегда рассказывают сказки.

— Давайте сказку...

«Надоедливый дядечка», — подумал я и еще плотнее завернулся в одеяло.

— Так вот, есть на белом свете город Южно-Сахалинск, и в этом городе существует Приморская улица. И на этой улице живет древний-предревний старик в возрасте тридцати четырех лет. Это один из тех удивительных в наше время стариков, который не убавляет, а прибавляет себе годы. Старик, по имени Игорь Филимонович, отрастил бородку и ходит с палкой. В таком виде упомянутый Игорь Филимонович три года назад появился в Институте энергетики Академии наук СССР.

— Любопытно! Он что, чокнутый, этот ваш Игорь Филимонович?

Я повернулся на другой бок и приоткрыл глаза.

— Не торопитесь.

— Зачем он пришел в Институт энергетики с бородой и тяжелой палкой? — полюбопытствовал я.

— Для солидности. Он так считал...

— Занятный парень... Какую идею он принес в Институт энергетики?

— Вы, наверное, слышали, что на Курильских островах есть вулканы. — Лаврентий Петрович явно надо мной издевался. — Сколько их, по-вашему?

— Черт его знает. Наверное, штук пять-шесть.

— Сорок.

— Что?

— На Курилах сорок вулканов.

Я начал смутно догадываться, куда гнул автор «сказки». Мол, горячая лава, источники тепла и прочее. Только я не очень-то представлял, как ее можно применить для энергетики.

— Что же он предложил, этот липовый старик?

— Вы когда-нибудь слышали о Тускароре?

Я задумался. Что-то когда-то где-то слышал. Географическое название. Не то гора, не то озеро. В географии есть слова, которые «поют». На меня всегда производили впечатление такие названия, как Сарагоса, Килиманджаро, Тускарора. Но с тех пор, как я перестал увлекаться почтовыми марками, смысл названий постепенно угас. Меня вдруг осенило:

— Это какое-то тропическое растение!

Лаврентий Петрович хитро улынулся.

— Есть и растение. Только не совсем тропическое. Одна из разновидностей риса называется тускаророй.

— Значит, ваш приятель предложил на склонах курильских вулканов разводить рис! Нахальный тип, этот ваш с бородой! Широкий громко расхохотался.

— Чувствуется, что в средней школе по географии у вас были не одни пятерки. Кроме риса, Тускаророй называется довольно глубокая яма в Тихом океане.

Я старался вспомнить географическую карту района Сахалина, которую бегло просматривал перед отъездом на остров.

— Что-то не помню такой.

— Она сейчас называется Камчатско-Сахалинская впадина.

Вулканы. Камчатско-Сахалинская впадина. Любопытно! Я сел, обхватив колени руками. В глазах Лаврентия Петровича прыгали хитринки. Он действительно меня разбудил и был этим очень доволен.

— Хорошо. Значит, ваш тридцатичетырехлетний старец вошел в светлое здание Института энергетики. Что же было дальше?

— Когда он вошел в институт, ему было только тридцать один год. «Гражданин, вы куда?» — спросила его секретарь. Игорь сурово ответил: «А разве вас академик Панфилов не предупредил? Я и есть Черных». — «А-а-а... Пожалуйста, проходите...»

— Ну и силен...

— Игорь прошел к заместителю директора института академику Панфилову и, не дожидаясь приглашения, уселся за стол.

Он извлек из кармана два листка бумаги, протянул их ученому и сказал: «Вот сравнительно простой и дешевый способ получить пять миллиардов киловатт даровой энергии».

Я вскочил.

— Ну и наглец! Пять миллиардов! Он что, рехнулся?

— А вы, Виталий Александрович, садитесь, то есть ложитесь. Если хотите, то именно из-за этих миллиардов киловатт вы здесь и остались. Вот так.

Водворилось молчание. Мигая, я смотрел на Широкого, лицо которого приняло необычайно серьезное выражение.

Совершенно незаметно Лаврентий Петрович и я оказались за столом и снова начали пить чай. Я забыл про московский диван и про дождь на улице. Я слушал доктора геологических наук, боясь пропустить хотя бы одно слово. И то, что он рассказал, показалось мне самой дерзкой, хотя и отлично обоснованной фантазией.

— Многие зависят от того, как доложить научную идею. В первом варианте докладная Игоря была составлена на пятидесяти страницах. Но ведь это не докладная, а диссертация. Затем он сократил ее до двадцати, до семи, затем до пяти страниц. Наконец идея была изложена на двух страничках, причем на одной была нарисована схема, а на второй — представлен расчет. Основная идея. Разработку — еще кипу бумаг — он приготовил. Когда он показал листки Панфилову, ученому объяснять было нечего. Он нахмурился. Рассмотрел сначала схему, затем расчет, потом снова схему. Ни слова не говоря, нажал на кнопку звонка и вызвал секретаря. «Позовите мне профессора Курнакова». Пришел Курнаков. «Как вам нравится это?» — спросил Панфилов. Курнаков посмотрел на схему, на чертеж. «Разрешите, я позову профессора Авгеева». Пришел профессор Авгеев. Потом еще один профессор, затем сразу два доктора наук, а через полчаса в кабинете собрались все ведущие энергетики института. Об Игоре забыли. Все скрипели автоматическими ручками, делая вычисления. Изредка можно было слышать: «Значит, давление семьсот атмосфер? А поток воды?» — «Ну, это легко рассчитать». — «Время релаксации будет слишком большим». — «А здесь указано, полторы недели». — «Да, так у меня и получается». — «А температура?» — «Порядка тысячи градусов, неплохо...»

«Ну как? — обратился ко всем сразу академик Панфилов. — Интересно. Интересен способ решения проблемы. Но проект нужно дорабатывать, а данные тщательно проверять. Кроме того, пока неизвестно, как забраться в Тускарору».

«Погружение в Тускарору можно осуществить на подводном вертолете инженера Измайлова», — вмешался в разговор Игорь.

В этот момент академик Панфилов спохватился.

«Кстати, товарищи, разрешите представить вам автора проекта. Простите, ваше имя и фамилия?..»

Игорь назвал, ученые пожали ему руку.

Я присутствовал на этом необычном собрании. Проект Игоря Черемных меня ошеломил. Когда решено было еще раз проверить исходные данные, я с радостью согласился возглавить экспедицию.

— В чем смысл проекта, какова главная техническая идея? — спросил я.

Лаврентий Петрович встал из-за стола и, похлопав меня по плечу, сказал:

— А теперь спите. Завтра вы все услышите от Игоря Черемных.

Засыпая, я видел, как, подобно серпантиновой ленте, в темноте извивалась стайка цифр: 5 000 000 000..

Приморская, 23

Когда мы шли по Коммунистической улице, кто-то, проходя мимо, крикнул «здравствуйте», у «Гастронома» заскрипел на тормозах «газик», и шофер, предупредительно открыв дверцу, предложил: «Лаврентий Петрович, подъедем?», но тот только махнул рукой.

— Как вы думаете, — обратился он ко мне, — принял бы начальник отдела кадров, допустим, вашего НИИ на работу Фарадея? Без диплома. Без среднего образования.

Я засмеялся.

— Не те времена. Фарадеи сейчас перевелись.

— Ага! Я вижу, куда вы клоните! Дескать, наука коллективна, научные открытия индивидууму не под силу! Так?

Я кивнул.

— Нет, батенька! — весело воскликнул Лаврентий Петрович. — Дело не так просто. Главные идеи, которые ложатся в основу новых научных и инженерных направлений, все равно рождаются у отдельных людей, талантливых ученых, инженеров, выдающихся изобретателей. Генерировать научные и технические идеи — такой же дар природы, как и дар поэтический или, скажем, музыкальный. Оригинальная научная идея не может родиться одновременно во многих головах, как не может возникнуть в сознании многих композиторов одна и та же музыкальная тема. Но, разумеется, родившуюся у одного человека научную идею лучше всего претворить в жизнь силой коллектива. Вот почему я и думаю: к научно-исследовательской работе нужно привлекать как можно больше людей, обладающих способностью генерировать научные идеи. Так сказать, фантазеров от науки. И здесь-то нужна какая-то особенная проницательность. Нужно иногда отвлечься от дипломов и постараться угадать в человеке Фарадея. Согласны?

Я кивнул.

— Ну, вот и хорошо. Кстати, мы подошли к дому сахалинского Фарадея.

Мы подошли к неказистому деревянному строению с пожелтевшей табличкой «Приморская, 23».

Игорь Фидимонович, несмотря на бороду, казался мне даже моложе своих лет. Его выдавали веселые светло-голубые глаза. Морщин на лице явно не доставало. Кроме того, он лихо затягивался сигаретой, а когда мы подходили к его письменному столу, он с такой силой отфутболил домашние туфли, что вся

его напускная солидность окончательно слетела. Я не выдержал и захохотал.

— Знакомьтесь, Игорь, это наша очередная жертва.

Мы пожали друг другу руки. Игорь, назвав свое имя, спросил:

— Итак, я должен вам еще раз рассказать все сначала?

Широкий, развалившись на глубоком старомодном диване, кивнул.

— Из Москвы пришла радиграмма начинать изыскательские работы, слышали?

— Да, мне вчера звонили. Вы специалист по измерениям?

«Ого, у них здесь информация налажена. Уже все известно», — подумал я и утвердительно кивнул.

— Хорошо. Вы нам понадобится. Очень.

— Для чего?

Игорь не торопился ответить мне и, копаясь в бумагах, бормотал:

— Предложили переменить квартиру, переехать в «Черемушки». Рядом с телецентром. А я люблю свой старый дом.

Игорь подвинул к дивану два стула, на одном уселся сам, на втором разложил нарисованную на миллиметровке схему. Это был какой-то непонятный для меня чертеж, с волнистыми линиями, с полями, раскрашенными различными красками.

— Вы знаете, как устроена Земля? — спросил меня Игорь.

Я кашлянул, потом чихнул, стараясь выиграть время, чтобы сообразить, какой ответ ждет от меня.

— Что вы имеете в виду, географию?

— Совсе нет. Знаете ли вы, как устроена Земля внутри?

Я пожал плечами.

— Этого никто не знает достоверно. Недаром после окончания Международного геофизического года...

— Совершенно верно, — прервал меня Игорь. — После окончания геофизического года было решено приступить к глубокому исследованию земных недр. Существуют проекты бурения земной коры на пятнадцать-двадцать и даже пятьдесят километров. Но и без бурения нам кое-что известно.

Он перевернул чертеж и на обратной стороне стал рисовать концентрические круги.

— Вот смотрите. Это ядро Земли. Наверное, оно твердое. Давление здесь таково, что любое вещество должно превращаться в кристаллит. Вот — магматический слой. Он, наверное, самый толстый. Здесь вещество земли находится в расплавленном состоянии. Откуда там тепловая энергия? Этого никто не знает. Одни утверждают, что тепло возникло в результате распада радиоактивных элементов и нестабильных изотопов. Другие считают, что теплота земных недр — солнечного происхождения, третьи говорят о более сложных процессах переноса энергии Солнца внутрь Земли. Бесспорным остается одно. Тепло там есть. И его там фантастическое количество. Пусть мы задались целью извлекать энергию равномерно в течение, скажем, миллиона лет. Как вы думаете, какова будет мощность установки?

Я пожал плечами.

— При таком расходе энергии, содержащейся внутри Земли,

мощность эквивалентна мощности десяти миллионов электростанций, по одному миллиарду киловатт каждая.

Десять миллионов электростанций! Миллиард киловатт каждая.

— Пожалуйста, проверьте.

«Старик» улыбнулся и протянул мне лист бумаги и карандаш. Я начал вычислять. И через несколько минут пришел к тем же самым цифрам...

— Вы понимаете, какая существует несправедливость, — вмешался в разговор профессор Широкий. — Арктические и антарктические льды — район вечной мерзлоты, холодные течения, Охотское море, зима, пурга, борьба за тонны с трудом добываемого угля, за нефть, за гидроэнергию, сложнейшие технические проблемы, связанные с добычей ядерного топлива, — и все это на поверхности планеты, в недрах которой скрыты практически неисчерпаемые источники даровой энергии!

Всегда, когда на меня обрушиваются неожиданные проблемы, в моей голове начинается невероятный сумбур. Требуется некоторое время, пока все не станет на свое место. Я смотрел на улицу, по которой шли люди, проезжали автомобили, и вдруг представил себе и этот деревянный домик, и всю улицу, и весь город Южно-Сахалинск перенесенными в те времена, когда могучие потоки внутриземного тепла потекут по полям и долинам, по океанам и рекам, и везде, даже в самых суровых краях, буйно зазеленеют деревья, потекут реки растопленного льда.

Тепло! Как оно нужно всем! Недаром шведский полярный исследователь Руаль Амундсен как-то сказал, что к холоду люди привыкнуть не могут...

У нас под ногами несметные количества тепла. Нужно только его взять. Но как? Я снова посмотрел на Игоря.

— На первых порах вот так...

Он развернул схему и стал объяснять суть своего удивительного проекта. Вначале он говорил медленно, вяло, как человек, которому надоело повторять одно и то же, потом заговорил с увлечением. Мы и не заметили, как за окном сгустились сумерки.

Да, у него все было продумано до мельчайших подробностей. Он учел самые последние исследования о земной коре. То, что она не везде имеет одинаковую толщину, было доказано путем изучения орбит искусственных спутников Земли. Известно, что дно Тихого океана отличается от дна Атлантического океана толщиной слоя осадочных пород. Континенты? Конечно, их поверхность отстоит от мантии Земли дальше, чем дно океана. Но для получения магмы даже из-под дна океана пришлось бы пробивать глубинный колодец. Да, но вы забыли про впадины. Знаете, есть Филиппинская впадина глубиной в одиннадцать километров, Японская — глубиной в десять и, наконец, наша, Камчатско-Сахалинская впадина. Около десяти тысяч метров. Кстати, а зачем бурить? Ведь не будем же мы черпать расплавленную магму из скважины и заливать ею цистерны. Что мы будем с ней делать?

— Вы знаете, что такое прямоточный котел? — вдруг спросил меня профессор Широкий.

— Да. Я знаю принцип его действия.

— Так вот...

В комнате было совсем темно, когда дверь отворилась. На фоне темного прямоугольника появилась фигура девушки.

— А, Майка, это ты? Почему так поздно?

Игорь встал и подошел к девушке.

— Опять твой проект? Сразу чувствуется. Даже свет забыли выключить.

Щелкнул выключатель, и комната наполнилась теплым оранжевым светом. От неожиданности я вскочил с дивана.

— Вы что, знакомы? — удивленно спросил Игорь.

Я растерянно закивал.

— А я думала, что вы давно в Москве... Была в библиотеке. Вот, как вы советовали, взяла Хемингуэя...

— Ничего не понимаю... — пробормотал Игорь, поглядывая то на меня, то на Майю.

— Я товарищу из Москвы показывала город... Мы были на «Горном воздухе»...

— Ах, вот оно что! Значит, старые знакомые? Правда, сестра на меня не похожа?

Я вздохнул.

— Сестра, это хорошо...

Профессор Широкий посмотрел на меня с удивлением. Я почувствовал, как краска заливает мне лицо.

— Так и не улетел, — сказал я, обращаясь к девушке. — Погода. И вот профессор Широкий... заарканил меня. А теперь после разговора с вашим братом я, наверное, останусь здесь. Надолго...

— Ну что ж, оставайтесь. А я пошла в кино.

Девушка повернулась на каблучке и исчезла. Некоторое время мы молчали. Мне показалось, что Игорь и Лаврентий Петрович внимательно меня рассматривали. Это было невыносимо. Я шумно опустился на диван и спросил:

— Так что вы хотели сказать о прямооточных котлах?

— Мой проект заключается в том, чтобы создать прямооточный котел, работающий на внутриземном топливе.

— Как?

— Дело в том, что по данным исследовательской экспедиции гидрологического судна «Олег» в Камчатско-Сахалинской впадине есть одно место, где толщина земной коры не превышает нескольких сот метров... Если пробурить этот слой, то туда хлынет океанская вода... А куда можно направить пар?

По мере того как я вникал в детали, передо мной вырисовывалась фантастическая картина: могучая тепловая электростанция, питаемая раскаленным паром, вырывающимся из жерла почти потухшего курильского вулкана.

«Курилэлектрорпроект»

Доклад Игоря Черемных был кратким. Ему не нужно было особенно распространяться, потому что всем участникам совещания — партийным работникам, инженерам, строителям, изыскателям, геологам, хозяйственникам была предварительно

роздана подготовленная Академией наук обстоятельная техническая записка. Из нее следовало, что Академия наук полностью поддерживает проект, разработанный в Южно-Сахалинске, однако настаивает на том, чтобы все данные, относящиеся к геологии, океанографии и вулканологии Курильской гряды, были еще раз подтверждены.

— Если все подтвердится, что мы будем делать? — скрипучим голосом спросил Сускин. Это был маленького роста пухленький человек с розовой гладкой головой.

— Тогда мы начнем бурить дно Тускароры.

— Гм. Несколько миллионов рублей кинем на глубину десять тысяч метров? Смело! А дальше что будет?

— Когда вода ворвется в полость, где начинается вулканический ствол, она начнет быстро испаряться, и пар, достигнув давления около семисот атмосфер, вырвется сквозь кратер «Тихого».

Игорь показал вулкан на карте.

— Интересно. Ну и что мы будем делать с этим паром?

— В кратер мы опустим гигантскую турбину.

— Гигантскую?

— Да.

— И глубоко мы ее опустим?

— Километра на два-три. Это нужно уточнить.

— Понятно. Значит, миллиона два в океан и примерно столько же, если не больше, в кратер вулкана. Первый раз слышу о таком способе тратить государственные деньги...

— Да, но вы не учитываете экономического эффекта. Затраты окупят себя не более чем через два-три года!

— Окупаемость затрат пока что на бумаге, а в океан и в кратер нужно кидать реальные вещи.

Григорьев улыбнулся и легонько постучал по столу карандашом.

— Товарищ Сускин, ученые проводят очень тщательные расчеты.

— Я не ученый, — твердо сказал Сускин. — И я не против. Я за. Только мне страшно и представить-то, как в Тускарору будут опускать буровую технику, а в вулкан запикивать турбины. Вы видели вулканы? Я был на Курилах. На Шикатаме был. На Итурупе был. Много вулканов видел. Приближался к кратерам. Страшное, я вам скажу, зрелище. Лава! Доменная печь в разрезе. И вот как представляю себе, что в кратер засовывают технику, да еще на такую глубину... Знаете, тут надо семь раз отмерить.

— Естественно. Проект нуждается в очень тщательной разработке. Я за то, чтобы немедленно приступить к организации экспедиции, — сказал Григорьев. — Она должна собрать все необходимые данные для составления окончательного технического задания на энергооборудование и строительство.

— На проектирование уйдет не меньше двух-трех лет, — сообщил главный конструктор «Курилэлектроекспедитива» Шумлин. — По предварительным наметкам. Но мы попробуем ускорить работы.

Совещание кончилось, а люди продолжали ходить по просторным коридорам обкома партии. Геологи совещались с океа-

нографами, вулканологи со строителями, строители с конструкторами.

Чувствовалось, что проект захватил всех.

— Что будем делать? — спросил я Лаврентия Петровича.

— Сейчас идемте ко мне. Там соберутся мои аспиранты, и мы составим план действия.

Прощаясь с Игорем Черемных, я задержал его руку в своей.

— У вас есть дома телефон?

— Есть.

— Можно мне?.. На всякий случай.

— Пожалуйста, двенадцать — семьдесят пять.

Как бы невзначай он со вздохом произнес:

— Опять Майки вечером не будет. У них в редакции молодежной газеты сегодня клубный вечер. Клуб называется «Алые паруса»...

На квартире у Лаврентия Петровича нас уже ждали аспиранты, те самые ребята, которых я видел в аэропорту. Сейчас на них были тщательно выутюженные костюмы, белые сорочки и аккуратные галстуки. Когда мы вошли, они чинно встали. Не верилось, что это были те самые хлопцы, которые кукарекали в аэропорту.

— В сборе? В таком случае знакомьтесь. Это наш новый сотрудник Виталий Александрович Сушков, кандидат физматнаук, специалист по измерительной технике.

— Витя, — представился самый маленький, который по-петушиному кричал три раза.

— Таперов, Александр.

— А я думал, что ваша фамилия Бикфорд, — заметил я.

— Нет, это кличка...

— Мы его так называем, потому что он мастер поджигать бикфордов шнур. Нам часто приходится подрывать скальную породу...

— Володя Иванов, геолог.

— Семен Иванов, геофизик.

Лаврентий Петрович пояснил, что его аспиранты делают одну коллективную работу и тема ее «Геофизические методы глубоководной разведки вулканов».

— Теперь наша работа конкретизировалась, потому что мы возьмемся за вулкан, который назван в проекте Игоря Черемных. Я хочу, чтобы вы сразу представили масштаб задания. Профиль ствола вулкана нужно проследить вплоть до Тускароры. Это значит — на протяжении более двухсот километров, из них сто девяносто пять под водой.

Вадим Иванов, приземистый рыжий парень в очках, присвистнул, почесал затылок и насмешливо взглянул на Бикфорда.

— Сашенька, готовь акваланг и ласты. И еще порошок против акул.

— Серый ты человек, — с достоинством заметил Александр Таперов. — Взрывчатку можно подорвать прямо на поверхности воды. Лаврентий Петрович, а гидроакустика у нас будет? А какое судно нам дадут?

Широкий вздохнул.

— Судно подходящее есть. Старый рефрижератор. Водонемещение двести пятьдесят тонн. Но вот оборудование...

Он вопросительно посмотрел на меня. Наконец я понял, в каком пункте начинается моя работа.

— Без эхолота мы ничего не сделаем, — заметил Витя.

— Обычный эхолот не поможет. Нам нужно регистрировать не донную волну, а вторичную и, может быть, третичную. Иначе мы не сможем нанести на схему разрез земной коры по-слоино.

Все умолкли и посмотрели на меня, а я усиленно вспоминал все, что мне было известно о звуковой локации. Конечно, пристроить к обычному эхолоту дополнительный усилитель ничего не стоит. Но будет ли от того толк — само море так сильно шумит, что простое усиление может только повредить расшифровке сигналов, отраженных от глубоких слоев под океанским дном.

— Пока я ничего не могу вам сказать. Мне нужно просмотреть спектры морских шумов и найти частотное «окно», на которое необходимо настроить усилитель. Затем нужно создать звуковой импульсник с частотой посылок...

— План работы представляется мне в следующем виде, — продолжил Широкий. — После того как мы разработаем способ акустического профилирования вулканов, наша группа отправится в порт Корсаков и оттуда на специально оборудованном судне к Курильской гряде. Там по прямой от мыса Касатка до Тускароры мы «прозвоним» кратер вулкана «Тихий», ствол которого, по данным «Олега», уходит под косым углом в Тускарорскую впадину.

Выйдя от Широкого, я направился к центру города, чтобы разыскать редакцию молодежной газеты, где собрался клуб «Алые паруса»...

«Алые паруса»

В конференц-зале молодежной газеты на свою очередную среду собрался клуб. Народу было много, главным образом потому, что, кроме выступлений начинающих писателей и молодых артистов местного театра, в объявлении, помещенном в газете, сообщалось о чем-то необычном и даже несколько таинственном. Мне удалось протиснуться в конец зала.

На сцене появился высокий парень в широком клетчатом пиджаке. Прежде чем начать речь, он немного покачался из стороны в сторону, поднял обе руки, и все затихли.

— А это кто такой? — спросил я.

— Лева Фрязин, разве вы не знаете?

Несколько человек взглянуло в мою сторону с удивлением.

— Ребята, — начал Лева. — Кто из вас знает, что такое Тускарора, прошу поднять руки! Раз, два, три, четыре... Кто еще знает? Смелее, смелее! Так, ясно, знают четыре человека. Итак, почти никто не знает, что такое Тускарора. А это старое географическое название Камчатско-Сахалинской впадины в Тихом океане. Значит, не знаем мы своего края. Кто бывал на Курилах, прошу поднять руки! Раз, два три, четыре... Опять четыре. Ну, так вот, ребята. Обком комсомола делает такое

предложение: всем клубом выезжать, скажем, на каникулах или в отпуск в районы нашего замечательного края. Вместо того чтобы утаптывать лыжами снег там, где кончается автобусный маршрут, давайте ходить по нехоженным тропинкам наших островов. На Курилах есть необитаемые острова, вы это знаете?

— Ты что, в Робинзоны записываешь?

— При чем тут Робинзон? На таких необитаемых островах могут оказаться полезные ископаемые, скажем золото или уголь. А может быть, там кишмя кишат крабы? Это же интересно и полезно! Мы живем в самой вулканической области Советского Союза, а кто из вас видел настоящий вулкан?

— В кино видели, «Встреча с дьяволом»...

Фрязин поправил длинные светлые волосы.

— Конечно, для такого рода клубной работы, подходят не все. Тут нужны смелые, выносливые и умные ребята. Предлагаю обсудить. А сейчас слово Майе Черемных...

Выступление Левы Фрязина взволновало всех. Когда начала говорить Майя, из-за шума первых слов я не расслышал. Но постепенно зал утих.

— ...Мой брат считает, что некоторые курильские вулканы можно превратить в источники тепловой энергии. Вулканы исследованы мало. К ним очень трудно пробираться. И здесь мы могли бы ученым помочь. Я предлагаю создать при нашем клубе секцию изучения курильских вулканов. Это будет увлекательный туризм и очень полезная работа. Всё.

Майя хотела отойти в сторону, но из зала кто-то крикнул:

— Нет, не все! А как твой брат предлагает использовать вулканы для получения электроэнергии?

Майя вздохнула, немножко подумала и сказала:

— Я, конечно, не специалист. Но суть вот в чем. На дне Тускароры бурится скважина, сквозь которую в недра земли, на ее раскаленную мантию хлынет вода. Там она начнет испаряться, и, как показывают предварительные расчеты, пар пойдет в кратер. Забьют могучие паровые гейзеры. Этот-то пар и будет вращать турбины электростанций. Запись в секцию вулканологии буду производить я. Желающих прошу выйти в коридор.

Так как желающими оказался весь зал, то я поспешил в коридор и решительно занял первое место у небольшого столика. Майя была взволнована, лицо ее пылало, светлые, почти белые волосы падали на глаза.

Она уселась за столик, достала из сумочки блокнот и ручку.

— Итак, первый. Говорите фамилию, имя, отчество и специальность. Производственную и спортивную.

— Виталий Александрович Сушков. Кандидат физматнаук, гребля на прогулочной шлюпке.

Майя вскинула на меня глаза.

— Вы?

— Да, я. Как видите, первый.

— О! Но вы и так...

Майя неуверенно записала меня в блокнот.

— Я вас подожду на улице. Вы не возражаете?

— Хорошо, — ответила она. — Следующий.

Через час я и Майя шли по улице имени Ленина. С сопки прямо в лицо потянул прохладный влажный ветерок, изредка накрапывал дождик. Над магазинами сияли яркие рекламы.

— Ваш брат очень талантлив. Я остался здесь только из-за его проекта.

— Да?

В ее «да» почувствовалась немного насмешливая нотка. Я вспомнил, как в аэропорту наши руки не хотели разъединяться.

— Смотрите, — сказала она, — здесь только деревянные дома. Говорят, когда наши люди пришли на Южный Сахалин, здесь были только деревянные постройки. В нашем городе японцы построили только два каменных дома. Наверное, они не надеялись остаться здесь надолго.

— Теперь у нас будет время посмотреть на ваши «Черемушки» с «Горного воздуха»...

Она тихонько засмеялась.

Лайнер «Буссоль»

Несколько дней подряд я не выходил из библиотеки Института комплексного изучения Сахалина, перечитывая все, что нашлось там о вулканах Курильской гряды. Здесь были собраны каталоги с характеристиками вулканов, их фотографии, аэрофотоснимки кратеров, описания геологии отдельных островов, горных массивов и береговых линий.

Однако мне ничего не удалось найти о «звуковой» активности вулканов. Исследования вулканов начинались и кончались на поверхности земли. Лишь немногим исследователям удавалось приблизиться к самому жерлу вулкана, однако работа там была очень опасной.

Нашел я только отчет об изучении сейсмической деятельности фундамента одного из вулканов. В отчете приводились сейсмограммы колебаний почвы, но эти исследования были выполнены на низкочастотной аппаратуре и мало что давали для решения моей задачи.

Стало ясно, что нужно создавать новый прибор и разработать новую методику. Я уж принялся за составление электронной схемы ультразвукового гидролокатора, когда случайно узнал о том, что в институт прибыл комплект оборудования для звукового поиска косяков рыбы.

Аппаратура работала в широком диапазоне частот, от пяти тысяч до пятисот тысяч герц. Если вулканы действительно «поют», это легко можно обнаружить таким прибором... Мы получили бы выигрыш во времени.

Широкий вернулся из Корсакова, и по его просьбе руководство института временно передало ультразвуковой локатор в наше распоряжение.

Наконец наступил долгожданный день, когда я, профессор Широкий и четверо аспирантов, нагруженные ящиками и вещевыми мешками, собрались на железнодорожной станции, чтобы ехать в Корсаков.

Нас провожали Игорь, Майя и главный конструктор «Курил-электропроекта» инженер Шумлин. Несколько позднее, запыхавшись, прибежал начальник хозяйственного отдела Сускин.

— Вы знаете, что произошло? — хитровато улыбаясь, спросил главный конструктор. — К разработке технического задания на проектирование люди уже приступили.

— Как так? — удивился Сускин. — Я никаких смет не подписывал!

— А нам никакие сметы и не нужны. Товарищи работают на общественных началах.

Профессор Широкий посмотрел на главного конструктора.

— Мне неясно, как вы можете составлять задание на проектирование, если неизвестны исходные данные...

— Понимаю ваш вопрос. Во-первых, мы разрабатываем несколько наиболее вероятных вариантов. А во-вторых, пока не узнаваем точные типоразмеры оборудования.

Я и Майя отошли в сторону.

— Когда ваши клубные вулканологи собираются на Итуруп?

— В декабре или январе. У большинства ребят в это время либо отпуск, либо каникулы.

— Ну, а вы приедете?

— Постараюсь, — она улыбнулась. — Только пока что я не представляю, что я там буду делать.

Подождала мотрисса — два вагончика на дизельном ходу, и мы стали грузиться.

До управления рефрижераторного флота нас подвезли на грузовике, а там прямо на пирсе начальник управления познакомил нас с капитаном рефрижераторного транспорта «Бус-соль» Анатолием Федоровичем Сиделиным, коренастым крепышом с умными голубыми глазами и со слегка иронической улыбкой. Он был ленинградец. Ленинградцем оказался и его старший помощник, веселый, шумный парень, отчество которого все как-то сразу забыли. Его почему-то называли «дядя Коля», хотя «дядя» был одного возраста со мной.

— Вот и наше судно, — сказал дядя Коля, когда мы подошли к небольшому, неказистому на вид судну.

Рефрижератор, видимо, бывал в переплетах... Широкая белая труба извергала клубы черного дыма...

— Лайнер! — восхищенно воскликнул Бикфорд. — «Куин Мери»!

Дядя Коля пропустил это мимо ушей.

— У него прекрасные мореходные качества. Вот наш сосед, тоже рефрижератор, — он показал на стоящее рядом судно, — в прошлом году с честью справился с тайфуном. Семь суток болтало — и хоть бы хны!

— А нас будет болтать? — осторожно спросил Сеня Иванов.

Дядя Коля посмотрел на небо и ответил:

— Небо безоблачно, значит будет шторм...

Маяк на мысе Крильон помигал нам на прощание, и «Буссоль» покинула пролив Лаперуза.

К ночи ветер усилился. Сеня Иванов то и дело вставал с койки, чтобы проветриться... Я расположился в одной каюте с профессором Широким. Мы долго рассматривали карты Курильской гряды и омывающих ее вод.

Океан

Хватаясь за протянутые вдоль палубы тросы, Бикфорд и Володя Иванов тащили на корму ультразвуковой локатор. Мы с Виктором Жуковым налаживали электропроводку. Суденышко шло вдоль Курильской гряды со скоростью не более пяти узлов. Над океаном нависли низкие серые облака.

На корме мы укрепили металлический ящик и поставили в нем приборы. Бикфорд долго привинчивал каркас усилителя к дну ящика, тихонько поругивая конструкторов, которые не предусмотрели для этого случая специального крепежа.

Володя отправился за хлористым кальцием, которым предстояло обложить аппаратуру. Виктор укрепил над ящиком последний изолятор и концы провода просунул сквозь резиновый шланг. Проводка была окончена.

— Неужели мы что-нибудь услышим в этом хаосе звуков?

Я пожал плечами. Признаться, и сам не очень-то в это верил.

— Магнитострикционный датчик мы опустим на глубину метров двадцать пять. Будем надеяться, что там достаточно тихо, во всяком случае тише, чем на поверхности.

Ветер крепчал, волны все чаще захлестывали палубу, и мы, заложив влагопоглотитель в ящик и задравив плотно крышку, возвратились в каюты.

Профессор Широкий производил какие-то расчеты.

— Вот я тут вывел формулу... — сказал он, — Посмотрите... Скорость распространения звука в осадочных породах — полторы тысячи метров в секунду, во вторичных донных слоях — около пяти тысяч, в базальтах — семь тысяч, в веществе мантии — более восьми тысяч метров в секунду. Если ствол вулкана находится внутри многослойных оболочек, мы должны вместо одного звукового сигнала принимать их столько, сколько слоев. По отметкам времени, зная скорость распространения, можно определить толщину каждого слоя... Вот как раз эта формула. По ней можно построить эхограмму.

Самописец эхолокатора был установлен в нашей каюте.

Несколько дней мы шли вдоль Курильской гряды. Погода стояла скверная.

Сеня Иванов совершенно позеленел. Остальные ребята переносили качку сносно. Особенно Бикфорд. Он быстро освоился с «лайнером». Ему очень нравилось проводить время на камбузе, где хозяйничала Галя Мартынова.

На пятый день нашего путешествия небо вдруг стало кристально чистым, облака таинственным образом исчезли.

— Сила ветра перевалила за семь баллов, — сообщил капитан. — Привыкайте.

— Первое блюдо отменяется. Существует полная корреляция между силой ветра и нашей диетой, — добавил Бикфорд. — Дело в том, что при такой качке первое блюдо из бака выплескивается. Наиболее устойчивой консистенцией для данной погоды является каша.

Несколько дней мы три раза в день ели кашу и ловили выпрыгивающие из гнезд пустые графины.

Шторм разразился на седьмые сутки.

Капитан Сиделин сам стал у штурвала, а дядя Коля вцепился в стойку локатора кругового обзора, направив радиолуч под острым углом в воду. Наш рефрижератор швыряло, как щепку, и я понял, что неподалеку от гряды мы то и дело могли напороться на подводную скалу.

Я держался, потом все-таки залез на койку. Потом увидел голову профессора Широкого.

— Пора начинать!

— Что?

— Измерения! Самое подходящее время проверить аппаратуру и сам принцип!

Я начал осторожно сползать с койки. А Лаврентий Петрович, упершись в двери, объяснил:

— Сейчас максимальный шум моря... Нужно пробежать по всему частотному спектру... Будет здорово, если где-нибудь на очень высоких частотах мы заарканим сигналы... Если верить «Олегу», мы идем над стволом вулкана «Тихий».

— Но ведь шторм...

— Если мы что-нибудь услышим сейчас, то наверняка услышим и во всякую погоду.

«Критические решения проверяются в критические моменты», — подумал я.

На приборе вспыхнула зеленая лампочка. Ящик с гофрированными стенками поднимался вверх и вниз, и мне едва удавалось не выпускать из руки переключатель частот. Медленно завертелся барабан самописца. Удивительно, что он вертелся... Значит, те, кто создавал прибор для рыбной ловли, хорошенько над ним поработали! Знали, что может быть и такое... Как это не было похоже на работу в лаборатории! Там на измерительные приборы стараешься не дышать. А здесь они летают у тебя над головой или ползают где-то под ногами. Их трясет и бросает, опрокидывает и переворачивает, а они обязаны работать!

— Если верить индикатору, все в порядке...

— Включайте плавное изменение частоты.

Я включил. Сквозь штормовой грохот прямо под ухом я услышал, как заскрипело по бумаге перо. Оно то и дело ударялось об ограничители, пытаясь нарисовать такую амплитуду колебаний, которая не предусмотрена пределами измерений прибора. Он записывал неистовый рев моря... Мне стало казаться, что вся затея услышать в этом потоке звуков то, что нам нужно, более чем фантастична. Но вот частотомер пересек границу слышимых звуков и перо вошло в пределы ленты. Оно то резко вздрагивало, то затихало, колебания становились все более и более частыми. Наконец при частоте около семидесяти тысяч герц перо начало писать почти прямую линию.

Это было удивительно! За бортом бесился океан, а на этой частоте не было почти никаких звуков. Мертвая тишина!

Глядя на приборы и на медленно ползущую ленту с эхограммой, я забыл о качке. Что будет дальше? Что запишет прибор при более высоких частотах? Как мы убедимся, что запись соответствует ультразвуковым колебаниям океанского дна, а не каким-нибудь другим колебаниям?

— Смотрите, смотрите! — воскликнул Лаврентий Петрович.

Перо самописца вдруг начало совершать колебания все большей и большей амплитуды. При частоте около двухсот тысяч амплитуда стала максимальной и затем пошла на убыль.

— Значит, это, — сказал Широкий. — Либо это, либо ничего...

— А как мы узнаем, что это и есть «пение» вулкана?

— Мы дождемся окончания шторма и бросим здесь якорь. Если это звучание океана, тогда «пение» пропадет вместе со штормом. Пойду скажу капитану...

На следующее утро море стало утихать. Еще через день мы вышли на палубу. Судно возвращалось к гряде. Из-за гребней волн то и дело появлялся остров; над ним возвышались дымящиеся сопки.

В полдень к «Буссоли» пришвартовался буксир «Арктур», который увез на остров Виктора Жукова, Сеню и Володю Ивановых.

Наш рефрижератор направился к Тускароре.

«Подземный чайник»

Углубившись в измерения, я как-то совсем забыл о Саше Таперове, то бишь о Бикфорде. Он казался мне всего лишь парнем, который суетился то там, то здесь на «Буссоли». Правда, несколько раз я заставал его за разговором с профессором Широкиным и видел, как Саша показывает ему какие-то свои тетрадки и графики.

Но однажды, когда мы поставили аккумуляторы на подзарядку и аппаратура не работала, я вышел из каюты и решил побродить по судну. Проходя по узкому коридору мимо камбуза, услышал громкий смех поварихи Гали Мартыновой и назидательный голос Бикфорда. Из камбуза валил пар. Заинтересованный, я заглянул в приоткрытую дверь, но ничего не увидел. Пар! Все было заполнено паром. Он с шипением валил откуда-то с плиты.

— Вот как оно будет, — пояснял Бикфорд. — Сюда будет втекать вода, а на обратном конце выходить пар.

На мгновение передо мной предстала такая картина. Бикфорд с огромной алюминиевой кружкой стоял у плиты и, слегка приподняв крышку чайника, вливал в него воду. Чайник был, по-видимому, пустой и сильно раскаленный, и вода мгновенно, с шипением испарялась, и густой пар широкой струей вырывался из носика.

— Хватит! Все понятно! Так у меня чайник расплавится, — протестовала Галя.

Но он, видимо, не столько объяснял девушке принцип работы прямоточного котла, сколько, ставя этот примитивный эксперимент, сам хотел что-то уяснить.

— Вот если бы в крышке можно было проделать дырку...

— Еще чего не хватало! Это единственный чайник на судне и...

Они оба увидели меня одновременно и смущенно умолкли. Саша потоптался у плиты, поставил на край кружку с водой и пошел к выходу.

— Напряженная исследовательская работа, — заметил я без ехидства.

— У меня появилась одна идея, — пробормотал он.

— Расплавить единственный на судне чайник?

— Нет, что вы... Дело серьезней...

— Понимаю. У Джеймса Уатта родилась идея паровой машины во время наблюдений за чайником.

Парень совсем смуглил. Несколько минут мы молча смотрели на море. С запада опять бежали низкие серые облака. Иногда на суденышко набрасывался рой крупных редких снежинок. Бикфорд стоял в одном пиджаке, и мне показалось, что он ежится от холода.

— Оденьтесь. Еще простудитесь.

— Виталий Александрович, я хотел с вами посоветоваться... Вы ведь знаете, что профессор поручил мне рассчитать динамику этого подземного котла.

Я этого не знал.

— Ну и что же?

— Теория прямоточных котлов разработана довольно хорошо. Но только для случая, когда паропроводом является труба постоянного сечения. Еще в Южно-Сахалинске я смотрел работы по котлам... Чудесная это штука. Несколько десятков метров тонких трубок, свернутых в змеевик. Их омывает раскаленный газ, и вот получается так, что образующийся в трубках пар не выдавливает входящую в них воду. И при этом параметры пара очень высокие...

— Потому что на входном конце давление воды несколько больше, чем давление пара, — сказал я.

— Это понятно. А вот как будет у нас?

Я уставился на Бикфорда. Он покопался в боковом кармане пиджака и вытащил свернутый лист бумаги. Бумага затрепетала на ветру.

— Вот примерный разрез нашего паропровода... Это по вашим данным...

«Ого! — удивился я про себя. — Оказывается, мои данные уже пошли в ход!»

— Предположительно трубопровод оканчивается огромной полостью где-то в глубинах Тускароры. Смотрите, что получается...

Бикфорд повернул чертеж боком, и вдруг он стал походить на чайник огромных размеров! Я не выдержал и засмеялся.

— Так вот оно что!

— В том-то и дело, Виталий Александрович. Получается натуральный чайник с носиком длиной около двухсот километров. Какой объем полости, пока неизвестно. Это мы уточним в течение ближайших дней. По проекту, здесь мы проделаем дыру, и вода хлынет в полость. Спрашивается, почему пар обязательно должен идти эти двести километров к кратеру «Тихого», а почему бы ему не вырваться прямо в океан?

— Дело в том, на какой глубине проделать дыру в полость и какое количество воды будет в нее входить, — сказал я. — Здесь нужен расчет...

— Да, и очень точный. Кроме того, неясно еще одно, — продолжал Саша. — На двухсоткилометровом пути пар может

потерять свои качества — давление и температуру. А что будет, если вместо мощного фонтана пара мы получим жалкий пшик? Ведь нет никакой гарантии...

— Действительно, пока нет никакой гарантии... Разве что в самом стволе вулкана высокая температура.

Мы вернулись в каюту. Я взял Сашин чертеж и начал прикидывать расчет. Неравномерное сечение вулканического ствола очень усложняло вычисления. Было много неизвестных.

Вдруг меня осенило. Я вскочил, но идея тут же показалась мне столь нереальной, что я опять сел на место.

— Эх, если бы можно было...

Глаза у Бикфорда заблестели.

— Вот именно, Виталий Александрович!

— Что?

— Если бы можно было поставить хоть один эксперимент! Я улыбнулся.

— С кухонным чайником можно, а здесь...

Мы задумались. Вот когда я убедился, что веселый Бикфорд — смелый мечтатель. Он заговорил тихо и медленно:

— В Тускароре мы делаем пробную дырку... На известной глубине... Нам будет известно количество втекающей в нее воды... А после мы замеряем параметры пара на выходе... То есть на кратере... Этих данных было бы достаточно для того, чтобы произвести окончательный расчет. Мы бы узнали оптимальные возможности нашего гигантского подземного котла, его производительность и его размеры... И уж тогда можно было бы приступить к основной работе. А как же без такого эксперимента?

В этот день мы опоздали на обед, потому что долго совещались у профессора Широкого.

— Пожалуй, это самый быстрый и самый верный путь решить многие неясные вопросы. Самый быстрый и самый верный, — сказал он.

И отправился в радиорубку — диктовать радиogramму в Москву и в Южно-Сахалинск...

Перед бурей...

Двести километров. Ничтожное расстояние, а как мучительно долго мы его проходили! Месяц, другой, начался третий. В каюте скопились рулоны бумажной ленты, исписанные почерком механического самописца. Сотни километров волнистых красных линий на миллиметровой бумаге. Бутылки чернил, которыми я то и дело поил ненасытное перо прибора. А профессор Широкий повторял:

— Не должно оставаться ни миллиметра сомнений...

Ни миллиметра! Теперь мне разрез вулкана «Тихий» казался родным домом, я знал все его повороты и спуски, уширения и изгибы. Подземный ствол выглядел как длинная уродливая труба, которая неизвестно кем и неизвестно для чего проложена под океаном.

Глубина океана увеличивалась, и профессор Широкий после

тщательного изучения эхограммы все чаще и чаще приказывал возвращаться на пятнадцать-двадцать километров назад и повторять измерения.

— Непонятно, откуда взялась эта зазубрина, — бормотал он, показывая на кривую границы земной коры.

— Может быть, под нами прошел косяк рыбы.

— Может быть. Тогда при повторных измерениях зазубрина должна исчезнуть.

Мы возвращались обратно.

Однажды в дверь нашей каюты ворвался Саша Бикфорд. В это время Лаврентий Петрович просматривал пятый вариант эхограммы десятимильного участка пути. Он нехотя поднял глаза на расплывающуюся от радости розовую физиономию Саши.

— В чем дело?

— А дело в том, Лаврентий Петрович, что к нам идет сейнер «Кежуч». А на сейнере — подводный вертолет инженера Измайлова!

В этот день мы больше не производили измерений. «Буссоль» качалась на поверхности океана в двух милях от намеченного конечного пункта. Прочитав радиограмму, Лаврентий Петрович впервые за долгое время развалился на койке и, закрыв рукой глаза, казался, дремал.

— Будут указания? — спросил капитан рефрижератора.

— Нет. Будем стоять на месте и ждать «Кежуч»...

«Буссоль» снова легла в дрейф, изредка работая машиной, чтобы вернуться на прежнее место.

Профессор Широкий слегка приподнялся.

— Я и раньше бывал в этих краях...

— Вот как! Где?

— На Курильских островах. Помню, я был еще молодым аспирантом, когда руководитель кафедры вулканологии, покойный Всеволод Демьянович Мейер, пригласил меня участвовать в его экспедиции. Я и еще несколько молодых ребят махнули на все лето сюда. Места здесь были не обжитые, дикие. Было много неизведанных островов и островков. Нам с трудом удалось получить крохотное парусное суденышко, этакую деревянную шаланду, и мы ходили на ней вдоль гряды и любовались вулканами, о которых до этого знали лишь из учебников... Раз или два мы высаживались на берег и проводили различные измерения — высоту вулканических конусов, мощность фундаментов, определяли глубину кальдеров — горячих горных озер во круг действующих и потухших кратеров.

Я сел на койку рядом с Лаврентием Петровичем.

— Однажды, — продолжал он, — наше суденышко направилось на остров Уруп за пресной водой, а меня и моего друга Митю Воронова оставили на крохотном безымянном острове, на котором находился небольшой вулкан-паразит. Так называют небольшие вулканы, которые отпочковываются от главного вулкана, как маленькая ветка от большой. Это был очень забавный крохотный вулканчик. Он шумел, трещал и булькал, как рассержейная собачонка. Из многочисленных скважин вокруг кратера время от времени с резким шипением выбрасывались фонтаны горячего пара, а через края кратера выплескивалась раскаленная лава. Этот вулканчик был просто комичным. Мы

хотали, глядя, как вулканишко пытался подражать своим большим грозным соратникам. Так как он не значился ни на каких картах, мы решили исследовать его поподробнее. «Молодой вулкан для начинающих вулканологов», — сказал тогда мой друг. Я до сих пор не понимаю, почему Митя назвал вулканчик «молодым». Ведь размеры вулканов еще ничего не говорят об их возрасте...

Профессор Широкий умолк, не торопясь вытащил сигарету и закурил.

— Так вот, мы стали изучать эту крошку. Кратер возвышался над островом не более чем метров на сорок, и со стороны моря его скрывала высокая, почти отвесная скала. Мы обошли его вокруг и достигли места, где расплавленная масса стекала вниз. Было немного странно, что она всегда стекала в одну сторону — вокруг не было видно следов потоков лавы. Почти от самого края кратера и до самого основания горы густо росли елки. Среди них стояли старые деревья, и все было так, как будто их вулкан никогда не тревожил. Не было следов ни завалов, ни лесных пожаров.

Закончив обход и сделав измерения, мы решили, что нужно прорыть грунт до твердой породы. Мы нисколько не сомневались, что деревья росли на наносном грунте и что под ним обязательно должна быть застывшая лава. По толщине мягкого покрова можно было приблизительно определить возраст вулкана или хотя бы момент, когда направление извержений изменилось. Мы стали копать землю в месте, точно противоположном тому, куда стекала лава. Это был юго-западный склон сопки.

Широкий погасил сигарету, прижав ее к пепельнице.

— Мы думали, что достигнем цели через час-полтора работы. Но вот прошло два, три часа, а грунт оставался мягким. Пришлось расширить шурф. Работа замедлялась еще и тем, что часто приходилось рубить корни деревьев, которые уходили глубоко вниз. Когда уже совсем стемнело, моя лопата ударилась обо что-то твердое. К этому моменту мы вырыли колодец глубиной около четырех метров. Оставалось только отбить кусок породы для анализа...

Вот тут-то все и началось. Сколько мы ни долбили породу, она не желала раскалываться. Тогда мы расчистили дно колодца так, чтобы можно было видеть, что мы долбим. И вот под ногами появилось что-то белое. Не черное, не серое, как обычно, а именно белое. Белое пятно четко выделялось на черном фоне. Было совсем темно. «Кварцит! Чистейший кварцит!» — воскликнул Митя.

Я зажег спичку, и на короточках мы принялись рассматривать пятно. Это был совершенно белый камень. Он не напоминал ничего известного нам из минералогии. Я потрогал его рукой и тут же отдернул ее, как будто бы камень был раскаленным. Нет, он просто был гладким, как стекло, как кафель...

— Стекловидные породы... — робко подсказал я.

— Именно это и предположил Митя. Тогда мы начали расширять дно колодца, и в каком бы направлении мы ни копали, в конце концов мы добивались до белой гладкой поверхности. Мы установили, что она лежит под углом, поднимаясь в сторону

кратера. Я еще раз зажег спичку, и мы оба воскликнули от удивления. В левом верхнем углу колодца четко вырисовывались две черные линии, пересекавшиеся под прямым углом... «Плиты! Искусственные плиты!» — закричал Митя. Мы остолбенели от неожиданности, но вдруг до нас донесся один, а после несколько голосов. Нас звали. Это за нами вернулись ребята. Мы выползли из ямы и что есть мочи побежали к бухточке, куда должно было прийти судно. К нашему удивлению, парусника не было, а у берега на волнах качалась небольшая моторная лодка, в которой, кроме наших ребят, сидели двое военных. «Скорее! С юга надвигается тайфун!» — закричали они. Моторная лодка на полной скорости несла нас к острову Уруп. «Скажите спасибо товарищам пограничникам! Это они решили снять вас с острова...»

Когда мы пристали к берегу, море вокруг нас уже ходило ходуном. Но мы этого не замечали. Мы сразу побежали в хижину, где приютились все наши, и стали сбивчиво рассказывать профессору Мейеру о своей находке. Мы были очень разочарованы, когда в самом драматическом месте нашего рассказа он снисходительно улыбнулся.

«Вулканы еще и не такие чудеса делают... Поживете — увидите. На какой глубине вы наткнулись на твердую породу? Метра четыре? А валуны в грунте попадались? Мелкие. Ясно, вашему «кафельному» полу немногим более одиннадцати тысяч лет...»

— И вы не возвращались на этот островок? — спросил я.

— Нет, — ответил Широкий. — За тайфуном последовал период ветров, туманов и дождей. Все наши заботы сводились к тому, как бы не опоздать в Москву к началу занятий. На наше счастье, нас подобрал траулер...

— А после вы бывали здесь?

— Да. И очень часто.

— Ну и...

— Я не мог найти островок с крохотным вулканчиком. Я обшарил почти всю Курильскую гряду. Безрезультатно. Может быть, островок просто затонул. Или я его искал не там, где надо... Это очень странная история.

— Почему странная? Разве вы думаете, что профессор Мейер был не прав?

— Нет, почему же... Может быть... Только меня очень смущают эти одиннадцать с лишним тысяч лет...

— Почему?

— Это же начало ледникового периода...

Мы ныряем в океан

«Кежуч», наконец, появился. Ходила крупная зыбь, и потребовалось немало труда, чтобы поставить оба судна борт к борту.

— Мы вам такую штуку привезли, ахнете! — кричал один матрос с «Кежуча». — Подводное такси на две персоны!

К нам на палубу перебрался небольшого роста парень в меховой кожаной куртке и шапке-ушанке. Оглядел нас и сразу подошел к профессору Широкому.

— Вы профессор Широкий? — спросил он, протягивая руку.

— Да. Добрый день.

— Разрешите представиться. Командир батискафа «Ленинград» Орешкин Василий Семенович.

— Очень приятно. Мне уже по радио сообщили, что вы будете работать с нами.

— Вот здесь вам пакет и письмо от товарища Григорьева из обкома партии. И еще одно письмо от директора Института энергетики в Москве.

— О, вы и там были?

— Был. Мне академик Панфилов лично объяснил задачу. Он и еще молодой ученый с бородой...

— Игорь Черемных. Он разве в Москве?

— Да. Он там уточняет кое-какие данные.

— Вот как!

— Над инженерной частью проекта сейчас работают три организации: в Москве, в Ленинграде и в Южно-Сахалинске. Когда начнем нырять?

Этот Орешкин был удивительно подвижен, и каждое его движение было уверенным и сильным. А лицо самое обычное, немного веснушчатое. Но он сразу показался мне незаурядным человеком.

— У меня есть личная заинтересованность! — улыбнулся Орешкин. — Испытать машину.

— Разве ее не испытывали?

— Конечно, испытывали. Но на Балтике. Не та глубина!

— Ну, чего-чего, а глубины здесь достаточно. Пойдемте в каюту.

Мы пошли за профессором, а Орешкин, немного от него отстав, обернулся:

— Ребята, кто тут из вас Виталий Сушков?

— Я.

— Вам тоже письмо. Из Южно-Сахалинска.

Это было письмо от Майи. Она писала, что ей теперь понятно, как чувствуют себя девушки, друзья которых в море... Она очень сочувствует женам рыбаков... Как узнать, думает или не думает о тебе человек, находящийся за тридевять земель? Она решила вместе с группой лыжников из «Алых парусов» вскоре отправиться на Курильские острова. «Я не надеюсь, что мы встретимся, но если мысли преодолевают расстояния, то, наверное, это им сделать легче, когда дистанция короче...» Дальше она писала о том, что занятия в вулканологическом кружке проходят успешно. «Между прочим, каменных львов возле музея совсем завалило снегом. Два дня тому назад они еще были видны, а сегодня — нет...»

Я спрятал письмо и, взволнованный, вбежал в каюту. Широкий посмотрел на меня осуждающе. Ему не нравилось, когда кто-нибудь опаздывал. Я растерялся, а Василий Орешкин ободряюще мне подмигнул.

— Пока вас не было, — сказал профессор, — я рассказывал о результатах нашей работы. Показал им, в каком месте ствол вулкана упирается в океанское дно. Однако это, так сказать, плоская проекция сложной картины. Камчатско-Сахалинская впадина характеризуется очень крутым, почти отвесным спус-

ком. Семьсот метров толщины базальта — цифра не очень убедительная. Мне думается, что есть место, где его слой тоньше.

— Почему вы так думаете? — спросил Орешкин.

— Смотрите на разрез. «Олег» прошел вот по этим местам. Эхограммы он строил по подводным взрывам. Расшифровать отраженные от дна звуковые волны чрезвычайно трудно, особенно когда дно имеет сложный рельеф. Именно так обстоит дело в Тускароре. Однако логика нашего разреза показывает, что поддонный канал пытается вырваться в океан. Где-то в глубине он отделен от океана тонким слоем породы.

— Как мы найдем это место?

— Батискаф будет медленно опускаться вниз, а вы в это время будете непрерывно записывать звучание вулкана на частоте двести тысяч герц. Нужно найти место, где интенсивность звука окажется максимальной.

— Кто будет непрерывно записывать? — поднявшись, спросил Бикфорд.

Широкий посмотрел на него немного насмешливо.

— Не вы, а Виталий Сушков.

Сердце у меня сжалось от волнения.

— Товарищ профессор... — недовольным голосом начал Бикфорд.

— Вы не подойдете, просто потому, что вы очень длинный.

Это сказал Орешкин. Бикфорд угрюмо поднялся и чуть не ударился головой о потолок.

— Вот видите.

— Глупо быть жирафой в век микроминиатюризации...

Батискаф «Ленинград» вызвал всеобщее восхищение. На борту «Кежуча» он казался изящной игрушкой. Четыре складных винта над стальным сигарообразным снарядом придавали ему вид фантастического существа. В корпусе снаряда два широких сектора были сделаны из толстого кристалльно прозрачного стекла. Когда в кабину забрался Орешкин, его можно было видеть почти во весь рост. Он повернул там какую-то ручку, и из четырех глазков над каждым иллюминатором вырвались пучки ослепительного света.

— А зачем ему винты? — спросил один матрос.

— Для быстрого и устойчивого погружения и всплытия. В воде эта машина ведет себя, как вертолет в воздухе.

Я занял свое место в батискафе.

Немного страшно мне стало только тогда, когда Орешкин задраил второй люк и сделал знак начать спуск. Подъемник зацепил снаряд за кольцо и приподнял над палубой. Бикфорд помахал мне рукой.

— А что предусмотрено на случай аварии? — робко спросил я командира.

— Ничего, — ответил он бодро. — Аварии исключены.

Я облегченно вздохнул. Потом спросил еще:

— Ну, а если там, на глубине, появятся какие-нибудь животные... чудовище, которое неизвестно науке...

— Отгоним, — ответил он, — светом. Кто бы там ни был, живут они в полной темноте. Свет для них страшнее страшного.

— Оно может быть слепым...

— Тогда шелкнем его по носу электрической искрой.

Я уселся возле своего самописца. Каким же должно быть стекло, из которого сделаны цилиндрические окна бати-скафа!

— У нашего «Ленинграда» тройной запас прочности, — как бы догадавшись о моих мыслях, заметил Орешкин.

Нас окутала мгла. Она сгущалась с каждой секундой. Орешкин включил свет, и вокруг все заблестело.

— Пошли! — крикнул он весело. — На глубине пятьсот метров включу винты.

Пятьсот метров мы «падали». За это время я ощутил что-то, похожее на состояние невесомости...

Тускарофа

Я ждал, что увижу изумительный подводный мир, который наблюдали пленники капитана Немо, совершая свое фантастическое путешествие, однако увидел нечто странное... За иллюминатором вертикально сверху вниз вытянулись темные полосы, которые изредка разрывались и сливались вновь. Я не сразу сообразил, что это вода, ее струи, которые возникали в результате быстрого движения снаряда. Вода была мутной, и впереди, за полосатой шторой, простиралась плотная желтовато-зеленая пелена. Будто мы погружались не в океан, а в глубокий узкий колодец, наполненный мутной водой.

— Установлено, что самая прозрачная морская вода в Бискайском заливе. Предел видимости там около двадцати пяти метров. Здесь он пока не больше пяти. Но по мере погружения вода будет становиться более прозрачной.

Через несколько минут полосатая сетка за иллюминатором начала растворяться, а желтоватый туман отступать все дальше.

— Садитесь, сейчас включу винты.

Батимер показал глубину четыреста пятьдесят метров.

— Включайте ваш эхолот. До дна здесь сто семьдесят пять метров...

Заработал прибор, и меня охватило волнение, какого я давно не испытывал. Несмотря на то, что частота настройки была двести тысяч герц, перо самописца затарахтело между ограничителями, точь-в-точь как тогда, когда я впервые записал ревущий океан. Я перешел к звуковым частотам и обнаружил, что здесь, в глубине, их почти нет. Значит, здесь основной голос — это голос вулкана!

— Ну как? — спросил Василий.

— Вулкан не поет, а ревет! Просто не представляю, что будет дальше!

— Полюбуйтесь на термометр...

Термометр имел вид полукруглой светящейся шкалы, вдоль которой двигалось яркое зеленое пятно с темной риской посередине: 30,5 градуса.

— Что он показывает? — удивился я.

— Температуру воды снаружи.

— Не может быть!

— Чем глубже, тем будет теплее...

— Ну, а если...

— Вы хотите сказать, а если сто? Может быть. Но кипения не будет. Здесь очень высокое давление... Ага, смотрите, вот и первая встреча.

Батискаф теперь опускался под углом, и к нему пристроилась огромная глазастая рыба. Она казалась отлитой из серебра и совершенно неподвижной. Только по колебаниям хвоста и плавников можно было понять, что рыба погружается вместе с нами. Орешкин щелкнул выключателем, и вокруг стало совершенно темно. Через мгновение я вскрикнул от восхищения: рыбина сияла ярко-зеленым светом, а ее голова и плавники были окружены оранжевым ореолом. Глаза постепенно привыкали к темноте, и вскоре я обнаружил, что вода не была абсолютно черной, а искрилась мириадами зеленоватых искорок. Командир замедлил скорость спуска — и эффект мерцания усилился. Море жило фантастической жизнью бесчисленного количества сверкающих звезд, то совсем крохотных, то больших, имеющих очертания рыб, медуз, пульсирующих актиний... Разноцветье в этом подводном мире было столь же необходимо, как зрение для живых существ на земле. Зеленые, желтые, фиолетовые и красные блестки и точки, пятна и комья сближались, разбегались по сторонам, то ярко вспыхивали, то внезапно угасали. Это было потрясающее по своей красоте зрелище, целая симфония цветов и красок, которая с каждым метром погружения становилась все ослепительнее.

— А вот и скала...

Действительно, прямо перед нами медленно выдвинулась зеленовато-желтая тень, бесформенная, но живая. Василий остановил батискаф, и мы прильнули к иллюминатору.

— На этой глубине даже водоросли люминесцируют. Посмотрите на оранжевые жгуты, которые свисают с края. Водоросли покрыты светящимся планктоном.

Винты медленно вращались, разбрасывая по сторонам струи воды. Мерцающие подводные лианы лениво зашевелились, закачались, вытянулись в сторону.

Мы молча любовались этим не знающим темноты миром. Часто мимо нас проплывали рыбы, а некоторые натыкались на иллюминатор и долго не отплывали, как бы не в состоянии понять, почему нельзя преодолеть невидимую преграду.

От иллюминатора меня внезапно оторвал яростный треск.

Оказывается, прибор снова вышел за пределы измерений, потому что ультразвуковой «рев» стал еще громче. Мы находились на глубине тысяча пятьсот метров.

— Нужно ехать дальше. — Орешкин вздохнул. — А жаль.

— Почему?

— Скоро эта красота кончится...

Ловко лавируя среди мерцающих выступов, он повел батискаф вдоль скалы, которая все круче и круче уходила в таинственный мрак Тускароры.

На глубине две с половиной тысячи метров краски заметно поблекли, зеленые цвета сменились синими, а еще глубже они стали едва различимыми, фиолетовыми... Василий снова вклю-

чил прожектор, и яркие лучи осветили совершенно черную стену.

Уже несколько раз я снижал чувствительность приемника, потому что вулканическое звучание с каждой сотней метров усиливалось в два-три раза. Я бросил взгляд на термометр и воскликнул:

— Шестьдесят! Шестьдесят градусов!

Орешкин только улыбнулся. Он кивнул в сторону, на большой стеклянный термометр на стене. Он показывал восемнадцать.

— Автоматическое кондиционирование...

Четыре тысячи, четыре с половиной...

Я устал смотреть на медленно проплывающую мимо нас бесформенную громаду. Подводный мир здесь казался совершенно мертвым. Температура воды непрерывно повышалась, и вряд ли в такой горячей бане может существовать что-либо живое... Наверное, эта часть океана для его подводных обитателей является мертвой, знойной пустыней...

— Стоп!

— Стоп!

Я и Орешкин закричали одновременно. Я крикнул потому, что стрелка на приборе интенсивности, достигнув максимума, вздрогнув, пошла на убыль. Но почему воскликнул Василий? Команду остановиться должен был подавать я!

Подняв голову, я увидел, что командир стоял, плотно прижав лицо к иллюминатору. Его фигура изогнулась в неестественной напряженной позе. Он не шевелился. Только рукой подал мне знак приблизиться...

— Смотрите...

Чернота. Совершенно отвесная, едва различимая скала... Ничего не видно...

Вдруг я заметил нечто поразившее меня до глубины души. Это было противоестественно, нелепо, бессмысленно, невероятно!

— Не может этого быть... — прошептал я.

— Что это такое?

— Давайте подойдем ближе.

Пятясь назад к пульту управления, Орешкин нажал на рукоятку. Батискаф вздрогнул и начал приближаться к стене. Я почувствовал, как на голове зашевелились волосы...

— Стоп! — снова скомандовал Орешкин сам себе и снова нажал на рукоятку.

Теперь все было видно отчетливо.

Прямо перед нами в отвесной скале зияло отверстие. Оно как бы находилось в вершине присосавшегося к стене конуса, который со всех сторон был обложен прямоугольными белыми плитами... Я вдруг вспомнил рассказ профессора Широкого о его находке на одном из островков Курильской гряды...

— Такое уже было, — прошептал я.

Орешкин бросил на меня удивленный взгляд.

— Где было?

— Профессор встречался с... таким кафелем...

Командир непонимающе пожал плечами и подвел батискаф ближе к стене.

Теперь можно было разглядеть форму отверстия. Края его были оплавлены, и не оставалось никакого сомнения в том, что когда-то это был кратер небольшого вулкана.

— Эта дырка находится именно в том месте, где базальтовый слой наиболее тонкий...

— А может быть, здесь уже кто-то бывал раньше? — спросил Орешкин и засмеялся.

Батиметр показывал глубину шесть тысяч триста метров...

— Никто здесь до нас не мог бывать... Впрочем...

Наш батискаф опустился еще на сто метров, до того места, где кафельная кладка кончалась. Здесь конус резко обрывался, и куда-то в сторону уходила подводная пещера. На мгновение мы остановились, наблюдая, как вдоль иллюминаторов поползли мелкие пузырьки газа.

— Значит, бурение будет происходить здесь, — сказал Орешкин.

Я ничего не ответил. Машина начала быстро набирать высоту.

Последние приготовления

«Дорогая Майя!

Боюсь что-либо сказать о возможности моего посещения острова Итуруп. За последние сутки у нас все перевернулось. Я еще раз убедился в том, что новые, невероятные открытия делаются тогда, когда появляются новые технические средства. Батискаф «Ленинград» — потрясающая машина. Это подводный космический корабль. С его помощью на Земле можно сделать не менее удивительные открытия, чем в космосе. Конечно, я мог бы тебе написать, как я обрадовался, когда профессор Широкий поручил спуск в Тускарору именно мне. Я пишу так бессмысленно и торопливо, потому что над «Кежучем» висит вертолет, который вот-вот уйдет на острова. Мы спустились на глубину свыше шести тысяч метров. Приборы работали нормально. Я без труда обнаружил место, где сила вулканического «пения» была наибольшей. И вот на этой страшной глубине мы увидели, что там кто-то был до нас! И не только был, но и построил сооружение, вроде конусообразного камня. Вернее, там уже имеется отверстие, проделанное в стволе вулкана. Все выглядит так, будто наш проект кто-то пытался осуществить раньше! Ты не веришь! Но я все видел собственными глазами! После нашего подъема профессор Широкий совершенно взбесился.

Миллион вопросов сверлят мозг. На материк полетели радиogramмы. Вася Орешкин вынужден был нырять еще раз, чтобы взять пробы воды. Кстати, температура там около семидесяти градусов выше нуля. Меня зовут! Крепко жму руки! Мне хочется многое сказать! До скорой встречи!

В и т а л и й».

Вертолет взревел и скрылся в тумане. Лаврентий Петрович даже не посмотрел ему вслед. Мы вернулись с ним в кабину. Работали мы молча. Я рудовал логарифмической линейкой,

а Лаврентий Петрович при помощи циркуля и линейки строил на миллиметровой бумаге две сложные кривые. Они протянулись на двести километров, от фундамента вулкана «Тихий» вплоть до таинственной стены в Тускароре. Ствол вулкана то сужался, то расширялся, а у самой впадины превращался в огромную раздутую полость внутри базальтовой скалы...

«Чайник,—подумал я,—и кто-то хотел проделать в нем дыру...»

— Профессор, вам радиограмма.

Широкий быстро пробежал листок.

— Так, понятно. Ну что ж, пока распростимся. Нам приказано плыть к острову Итуруп и срочно сопоставить наши данные с данными наземной экспедиции. Строительство первой в мире геотеплоцентрали объявлено ударной комсомольской стройкой!

При сильном бризе мы покинули палубу «Кежуча» и вернулись на свою родную «Буссоль».

Нас провожал Вася Орешкин, которому на прощание Лаврентий Петрович сказал:

— Наверное, скоро придет приказ произвести экспериментальный взрыв стены. Рекомендую сделать два-три тренировочных пуска и проверить работу манипуляторов, подрывая небольшие заряды.

Радиорубка находилась над нашей каютой. Я никак не мог уснуть. Не спал и Широкий. Он курил одну сигарету за другой, беспокойно ворочаясь на своей койке.

Я закрывал глаза и видел то фосфоресцирующую воду океана, то каменную облицовку подводной шахты. За такой короткий срок и столько событий! Работать над осуществлением экспериментального взрыва теперь стало легче. Один мощный кумулятивный взрыв — и вода хлынет в отверстие. А что, если канал ствола заполнен расплавленной лавой? Что, если не вода устремится в вулкан, а вулканическая масса в океан? То, что плотность вещества в канале очень низкая, еще не доказывает, что он свободен. Я знал, что эти же вопросы волновали и Широкого, и Черемных, и Григорьева. Пойдет ли пар туда, куда он должен пойти? Это был кардинальный вопрос всего проекта, и ответить на него мог только опыт.

Я оделся и поднялся на капитанский мостик. За штурвалом стоял дядя Коля. Не поворачиваясь ко мне, он спросил:

— А может быть, в глубинах океана живут разумные существа? Может быть, им не хватает тепла?

Я засмеялся.

— Разве что эти разумные существа живут в кипятке. Там температура семьдесят...

Мы шли в густом тумане, ориентируясь по приборам. Я слышал, как радист переговаривался то с «Кежучем», то с каким-то маяком, который именовал себя «четвертым».

— Что вы там нашли, на дне Сахалинской ямы? — спрашивал «четвертый».

— Разумную жизнь, — насмешливо отвечал радист.

— Какие они, водяные-то?

— Пока неизвестно.

— Сколько мы будем идти до Итурупа?

Дядя Коля взглянул на радиодальномер.

— Что-нибудь около суток. Если погода будет такой. Сейчас там пурга.

В этих широтах зимние месяцы самые тяжелые. Штормы, снегопады, густые туманы. Наш рефрижератор жалобно сигнализировал, медленно раскаянная бегущие навстречу волны. На палубе кипела работа. Моряки непрерывно скалывали лед. Волны перекатывались через борт, и вода мгновенно замерзала.

На рассвете я вернулся в каюту и моментально уснул.

Вдруг чья-то рука сильно меня тряхнула за плечо. Мне показалось, что я только-только закрыл глаза. Я вскочил на ноги, ничего не понимая. Каюты была залита солнечным светом. Вокруг меня все переворачивалось, я снова упал на койку.

— Вставайте, Виталий Александрович. На горизонте — остров!

На палубе, крепко держась за поручни, стоял профессор Широкий. Вокруг него столпились матросы. Они смотрели на ослепительно белый от пышного снежного покрова остров. Солнце стояло в наивысшей точке небосвода, и теней почти не было. Кругом — сопки, сопки... Высокие и низенькие, слегка дымящиеся и совсем безжизненные...

— Вон наш «Тихий», — сказал Широкий, показывая на высокую сопку справа.

— Так что же это было на дне Тускароры? — спросил Широкого капитан «Буссоли». По-видимому, до моего прихода они уже разговаривали долго. Моряки окружили профессора плотным кольцом.

Профессор смущенно улыбнулся и махнул рукой.

— Вы думаете, какая-нибудь удивительная тайна? Ничего особенного. Просто древние люди в поисках тепла и света умели создавать небольшие искусственные вулканы. Они находили места, где земля была погорячей, а подземный гул погромче. Там они и копали свои искусственные маленькие вулканчики, предварительно обложив место камнями... Это было в ледниковый период, когда с севера на здешние края двинулись могучие льды. Я думаю, что такие вулканчики предназначались для обогрева небольшой общины или деревни. К сожалению, эти поселения канули на дно морское наподобие Атлантиды.

— Да, но на глубине семь тысяч метров...

— Это, конечно, самое удивительное. Но и это объяснимо, во всяком случае в принципе. Искусственное сооружение, опустившееся на дно океана, только доказывает, что Тускарора очень молода. Впадине не более пятнадцати тысяч лет. Можно думать, что в тот далекий период истории Земли произошла какая-то катастрофа, которая вызвала бурную тектоническую деятельность земной коры. Что это было? Есть много теорий. Одна из них связана с Луной. Предполагается, что Луна не земного происхождения, что она, так сказать, случайно попала в поле притяжения Земли и из вечной скитальцы вселенной превратилась в нашего спутника. Но ее приобретение обошлось дорого... Может быть, погружение части суши в океан, да еще на такую глубину, — это и есть результат деятельности Луны...

Подумав, профессор весело добавил:

— Эту теорию можно будет подтвердить или отвергнуть после первой экспедиции людей на Луну!

Накануне

Первый человек, которого я заметил на острове, был заведующий хозяйственным отделом «Курилэлектропроекта» товарищ Сускин. Он был в валенках, в широком тулупчике и в серой меховой шапке, сползшей на один бок. Он ждал нас на берегу, подпрыгивая на одном месте. «Буссоль» стояла на якоре, и капитан Сиделин сошел на берег вместе с нами, чтобы узнать, как же будут дальше развиваться события вокруг Тускароры. «Кежуч» получил приказ не двигаться с места и ждать дальнейших указаний.

— Здравствуйте, милые, здравствуйте, — закивал Сускин. — Как вам плавалось?

Чувствовалось, что не это хотел спросить наш хозяйственник.

— Спасибо, Тихон Давыдович.

— А до большой глубины вы добрались?

— Порядочно. Свыше шести километров!

Он лукаво подмигнул.

— Говорите спасибо мне!

— За что?

— А за то, что я лично летал во Владивосток, чтобы скорее доставить вам эту штуку, «Ленинград» называется. Сопровождал ее до самого Холмска! Вот так.

Сускин потребовал подробного рассказа о наших открытиях и наших планах. Что-то записывал себе в блокнот, бормотал:

— Ну, это можно и своими средствами. А это придется заказывать...

Мы подошли к небольшой деревянной избе, почти до крыши заваленной снегом.

Дверь отворилась, и из нее вырвались клубы пара. Затем как будто из снежной ямы появились Григорьев, Игорь Черемных и еще два человека. Через некоторое время показались Витя Жуков и оба Ивановых. Аспиранты сразу бросились на берег помогать Бикфорду разгружать лодку.

Один из незнакомых, пожилой могучий мужчина с крупным волевым лицом, заведя нас, обогнал своих товарищей и кинулся к профессору Широкому.

— Лаврентий, дорогой ты мой! — воскликнул он, хватая профессора в объятия.

— Мишка, черт ты такой! Ты уже здесь?

Мужчины некоторое время весело боролись, потом повалились в снег, а после долго отряхивались и хохотали.

— А ты стал здоровяком! Борец первой категории. Вот не думал, что ты такой. Ну, давай знакомь меня со своей командой.

— Вот, пожалуйста. Это Виталий, наш специалист по измерительным приборам.

Мужчина представился.

— Курнаков.

«Профессор Курнаков? Известный энергетик?»

— Это капитан нашего океанографического судна Анатолий Федорович Сиделин. А вот там — Александр Таперов, по прозвищу Бикфорд, аспирант. Ему сейчас не до нас. Вон как хвастает перед своими товарищами!

— Я интересовался результатами вашей островной группы. Получается очень любопытная вещь. Оказывается, главный канал вулкана «Тихий» прямо у берега разветвляется в трех направлениях. Центральный ствол идет к кратеру «Тихого», а два других — к кратерам двух давно потухших вулканов.

— Любопытно.

— Может быть, вместо одной станции придется строить сразу три.

— А строить все же решили? — спросил Широкий.

— Ну, батенька, до этого еще далеко. А вот осуществить контрольный запуск воды решили. Нужно сказать, что пока вы были в океане, на Сахалине сделано очень многое. В конструкторском бюро предложили несколько интересных вариантов будущего строительства. Москвичи рвутся со своими фильтрами для вулканического пара, предлагают создать не только теплоэлектроцентраль, но и комплекс предприятий химической промышленности. В Ленинграде вчерне готовы эскизы турбогенераторного оборудования.

Курнаков, Широкий и Григорьев вернулись к хижине. Меня задержал Лева Фрязин.

— У меня к вам дело.

В этот момент подошли аспиранты.

— Кстати, и вы, ребята, мне нужны. Дело вот в чем. Комсомольская организация нашей области решила взять шефство над строительством. Нужно, чтобы ребятами кто-то квалифицированно руководил. Конечно, такие люди, как Черемных и Широкий, будут заняты на самых ответственных участках. Вот мы и решили обратиться к вам.

Витя Жуков поморщился и нерешительно почесал затылок.

— Понимаете, я не прочь, но истекает срок сдачи диссертационной работы. А материала у нас более чем достаточно.

Сеня Иванов бросил на товарища укориженный взгляд.

— Нет, ребята, вы не думайте, я как все... — тут же начал оправдываться Виктор.

— А мы ничего и не думаем. Решено. Мы организуем, так сказать, строительный штаб. Распределимся по участкам. А возглавит это дело Виталий Александрович Сушков.

Затем его словно осенила мысль, и он воскликнул:

— Ребята, а какая шикарная заключительная глава для диссертации, а! Там, в институте, ахнут. Все будет: теория, экспериментальная часть, выводы и практическое внедрение.

Остров поет

Теплоход «Якутия» стоял на рейде километрах в двух от берега. Пассажи́рская навигация давно кончилась, и судно временно превратилось в исследовательскую лабораторию: на нем был оборудован специальный пункт наблюдения за деятельностью вулкана «Тихий». Отсюда, с моря, береговая линия острова, горные вершины и дымящиеся сопки были видны как на ладони. На юге вдоль берега раскинулся небольшой поселок словно из игрушечных пенопластовых домиков. Все сегодня были на борту

«Якутии», а на острове с небольшой группой людей остался неутомимый Тихон Давыдович Сускин. Он продолжал хлопотать вокруг домиков, куда таскали раскладную мебель, постели и портативные газовые печки.

На борту теплохода были представители областных партийных и комсомольских организаций, ученые, инженеры, журналисты. Теплоход гудел, как муравейник. Но когда, наконец, наступил долгожданный день, все собрались на верхней палубе и умолкли. Секретарь обкома Григорьев рассказывал молодым строителям:

— Экспериментальный взрыв в океане произвели полторы недели назад. Океанская вода под огромным давлением хлынула в подземный тоннель и начала интенсивно испаряться. Если ствол вулкана на всем протяжении свободен, то это мы увидим сегодня.

Сопка «Тихая» спокойно «коптила». Над нею поднималась тоненькая струйка синеватого дыма, как над давно потухшим костром.

— Я не представляю, что происходит сейчас там, в недрах земли, — тихонько сказала Майя. Мы стояли рядом, облокотившись на борт. Не знаю, куда больше я смотрел: на сопку или на обрамленное белым мехом розовое от мороза лицо. Иногда она замечала мой взгляд, поворачивалась ко мне, и ее чистые голубые глаза разбрасывали золотые искринки...

— Пар совершает невиданное подземное путешествие с глубин Тускароры сюда к нам...

— Я слышала, будто высказывались опасения, что ствол может быть забитым расплавленной лавой.

Да, в последнее время такие опасения высказывались все чаще и чаще. Даже было предложено несколько проектов, как исправить дело, если канал окажется непроходимым.

— Скорее бы, — сказала Майя.

Возле нас появились аспиранты. Бикфорд был вооружен фотографической камерой.

— Будут шикарные снимочки! Только бы не вздумал чужак взрывать ночью! Кстати, секундочку, Виталий Александрович, Майя, разрешите вас запечатлеть на фоне, так сказать, исторического момента.

Мы смущенно переглянулись, а Бикфорд отошел в сторону и несколько раз щелкнул затвором.

— Не забудьте отпечатать пленку! — крикнула Майя ему вслед.

— К свадьбе! Сделаю потрясающий семейный портрет!

Это было уж совсем ни к чему... Я и Майя переглянулись и смущенно замолчали.

Затем к нам подошел Игорь.

— Майка, почему вы решили построить поселок на юге? — спросил он.

— Мы учли господствующие ветры. А то ребята будут все время жить в тумане от вашей сопки... Что-нибудь известно о том, когда начнется?

— Известно. Распространение пара сопровождается очень интенсивным подводным гулом. Наши гидроакустики регистрируют его приближение. Не исключена возможность, что будет небольшое землетрясение.

— Мало их здесь и без нас, — сказала Майя.

Игорь обнял меня и ее за плечи и мечтательно произнес:

— Ну и кашу мы заварили с вами! Виталий, а страшно было в этой морской яме?

Я засмеялся.

— Наверное. Не помню. Слишком много было других впечатлений.

И я начал рассказывать им о своем путешествии в Тускарору. Увлечшись, я не заметил, как ушел Игорь, и спохватился только тогда, когда Майя тихонько положила руку в зеленой шерстяной варежке на мою. Брата не было, она была единственной слушательницей. Никому я еще не рассказывал о Тускароре с таким вдохновением...

— Какой вы молодец!..

— Ну, это только кажется... Все дело в технике... Батискаф «Ленинград» — действительно молодец!

Она хотела что-то возразить, как вдруг до наших ушей донесся сначала отдаленный, а после все более и более явственный гул. Одновременно из радиорепродукторов послышался тревожный голос капитана «Якутии»:

— Внимание, внимание! С востока надвигается волна высотой девять метров! Немедленно укройте в каютах! Немедленно укройте в каютах!

Гул нарастал с каждой секундой, и, схватив Майю за руку, я помчался к трапу.

— Стойте! — вдруг закричала она. — Девять метров — это же ерунда! Мы можем не увидеть самого начала!

Вцепившись руками в перила, мы остались на палубе. Через минуту море под нами загрохотало, как будто мы стояли на мосту и под нами пронесся могучий поезд. Корабль качнуло, он на мгновение накренился набок, поднялся вверх, и из-под него вынырнула широкая, плавная волна.

— Это предвестник двигающейся силы! Следите за волной!

Вот она подошла к берегу, вот ударила о берег!

Мы не отрываясь смотрели на вершину «Тихого». Еще некоторое время синяя струйка дыма не менялась, а затем внезапно со свистом взвилась вверх, расширилась, из кратера полетели мелкие комья, послышался отдаленный треск, и вдруг в самое небо, почти до облаков, с оглушительным ревом взвился желтовато-белый столб.

— Какое чудо, смотрите! — воскликнула Майя.

Кто-то закричал «ура!», затем эти слова повторяло все больше и больше голосов, пока, наконец, на теплоходе не стали кричать так, что в этом крике потонули рев и клокотание величественного гейзера.

С запада дул сильный ветер, но его сила была недостаточна для того, чтобы хоть чуть-чуть изогнуть ослепительно белый паровой фонтан. Он, как мраморная колонна, вздымался вертикально вверх на несколько сотен метров и только там расплывался, переходил в огромное облако, которое быстро несло в океан на восток.

— Смотрите, смотрите, вот еще один, и слева тоже!..

На наших глазах картина острова начала меняться, как в сказке. Снег на вершинах двух доселе безмолвных сопот

вдруг зашевелился, вспучился, и из-под него с шипением начали во все стороны вырываться струи пара. Послышалось несколько глухих взрывов, в воздух вырвались облака черного шлака, затем ухнули пузыри желтого дыма, и, как бы проломив себе путь, в небо устремились один за другим еще два гейзера...

— Ух, Майка, красотища! — не выдержал я и крепко сжал девушку в своих объятиях. — Значит, все правильно!

— Ну и везет же вам, Виталий Александрович!

Это снова появился Бикфорд. Не отрываясь от аппарата, он снимал один кадр за другим.

Я посмотрел на него непонимающе. Он укоризненно взглянул на меня и на девушку.

— Эх, вы! Сегодня самый подходящий день.

Я застыл с открытым ртом. Так он нас и сфотографировал еще два раза...

.....

— Итак, начало положено. Хорошее начало, товарищи. Впереди — грандиозная работа. Мы пойдем по уже известному пути. Теперь и ваше слово, молодые исследователи, — обратился Григорьев к ребятам и девушкам, вооруженным рюкзаками и лыжами для первого исследовательского похода к вершинам оживших сопок...

Они двинулись гуськом по глубокому голубому снегу. На мгновение группа исчезла в небольшой пади, а после снова появилась и начала медленно взбираться в гору, по направлению к шипящей колонне, упирающейся прямо в небо.

Я заметил, как из группы в сторону отошел один человек, остановился и помахал рукой.

Кто это был, я знал...

.....

...На горизонте золотыми звездочками блестели иллюминаторы уходящей «Якутии». На берегу вспыхнули первые костры и слышались первые песни. Океан неутомно и сосредоточенно ворочался у скалистого берега, как бы стараясь лучше услышать звуки новой симфонии, создаваемой теми, кто шагал к счастью.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА

ЛЕТУЧЕГО
"ГОЛЛАНДЦА"

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

В новом романе Л. Платова «Секретный фарватер»—две книги.

Героем первой книги является Борис Шубин, командир звена, потом отряда торпедных катеров. События разворачиваются на Балтике в годы Великой Отечественной войны.

Ставя мины во вражеских шхерах, Шубин впервые встречается там с немецкой подводной лодкой, которая носит прозвище «Летучий голландец» и, по-видимому, выполняет какие-то строго секретные, чрезвычайной важности поручения.

На протяжении всего последнего года войны Шубин пытается настигнуть таинственную и опасную подводную лодку. За несколько дней до Победы он погибает при штурме Пиллау, аванпорта Кенигсберга.

Героем второй книги является Шурка Ластиков, бывший юнга. Спустя шесть лет после окончания войны он отправляется служить на границу в качестве лейтенанта морской пограничной охраны.

Приведя эпизод, в котором рассказывается о первой встрече Ластикова с «Летучим голландцем», мы в этом номере начинаем печатать главы из второй книги романа «Секретный фар-

Рис. П. ПАВЛИНОВА

ватер»*. В ней Ластиков продолжает и завершает дело Шубина. Ему деятельно помогает в этом старый штурман, профессор Грибов, воспитавший в училище имени Фрунзе не одно поколение советских военных моряков.

ИГРА В ПЯТНАШКИ

1

Шурка считался воспитанником всего дивизиона гвардейских торпедных катеров, но прижился у Шубина, быть может, потому, что подобрали его именно шубинские матросы.

* Главы из первой книги опубликованы в альманахе «Мир приключений» № 6, 8, 9.

Да, его буквально подобрали на улице, как больного, голодного котенка. Была весна 1942 года, самая страшная из блокадных весен. Несколько матросов брели вверх по темной улице Чернышевского. Вдруг в перебегающем свете прожекторов они увидели впереди фигурку, крест-накрест перевязанную женским шерстяным платком. Но то была не девочка, то был мальчик лет двенадцати. Он стоял посреди улицы совершенно неподвижно, растопырив руки. Его внезапно поразила куриная слепота.

Выяснилось, что несколько часов назад он схоронил мать. Отец погиб давно, еще под Нарвой.

— Дома-то есть кто?

— Нету.

Две могучие матросские руки с обеих сторон подхватили Шурку, и его понесло по улице, словно бы попутным ветром. Он и опомниться не успел, как очутился в казарме на канале Грибоедова. Там размещались команды торпедных катеров.

Впоследствии в дивизионе с гордостью говорили: «Наш юнга и дня сиротой не был!» И впрямь, после смерти матери прошло всего несколько часов, а он уже находился у моряков.

Он быстро отогрелся среди них, откормился, приободрился. Никто не приставал к нему с утешениями, не поминал мать или отца. Все вокруг были его отцами, заботливыми и взыскательными.

Месяца не прошло после его «усыновления», как боцман уже громкогласно отчитывал приемыша — «с упором на биографию».

— Ты зачем с юнгой из ОВРа * подрался? Я, что ли, приказывал тебе драться? Ты кто? Беспризорник? Нет. Пай-мальчик? Тоже нет. Ты есть воспитанник дивизиона торпедных катеров! Службы Краснознаменного Балтийского флота! Значит, из хорошей морской семьи.

Что же касается куриной слепоты, то она прошла очень быстро с улучшением питания. Более того! Шурка прославился своей «глазастостью», то есть зоркостью, и даже заслужил шутовское, но все же лестное прозвище «впередсмотрящий вся Балтики». Случилось это с ним во время минных постановок в шхерах, захваченных врагом.

Звено катеров, разгрузившись от мин, возвращалось домой, как вдруг Шурка, впередсмотрящий, негромко сказал: «Свет!» Шубин тотчас застопорил ход.

Огонек над водой был вертикальный и узкий, как кошачий зрачок в ночи. Чуть поодаль возник второй, дальше третий, четвертый. Эге! Да тут целая вереница фонариков. Это фарватер, огражденный вешками с фонариками на них!

Такого моряки еще не видели никогда.

Шубин «прижался» к берегу, продолжая наблюдать.

Вдруг огоньки закачались, потревоженные волной, потом начали последовательно исчезать и снова появляться.

Длинная тень бесшумно скользила вдоль фонариков, за-

* О В Р — охрана водного района.

слоня их. Еще мгновение — и все снова темно, огоньки потухли.

Что это было? Баржа? Катер с низкой осадкой? Или, может, подводная лодка?

Если это была подводная лодка, то, судя по тени, она двигалась, выставив над водой только часть рубки, подвсплыв наполовину. Зачем противнику принимать такие предосторожности в тылу своих гарнизонов, тем более ночью?..

ФВК? Да, это был ФВК, но не просто ФВК*.

Вновь обнаруженный ФВК был не только секретным: он был необычным. Для вящей безопасности его даже обвеховали плавучими огоньками!

Что же это за цаца передвигается по нему?

Фонарики больше не зажигались. Светящаяся тропа в шхерах поманила и бесследно исчезла.

2

Моряки Шубина вспомнили о ней спустя несколько дней, отправившись снова в шхеры, на этот раз с разведывательным заданием — без мин.

Немного не дойдя до того места, где юнга впервые увидел светящуюся дорожку, Шубин быстро застопорил ход, бросил механику: «У фашистов уши торчком!» И сразу же ударили зенитки!

Взад-вперед заматались лучи прожекторов, обмахивая с неба звездную пыль. Ищут самолет? Подольше бы искали!

Вдруг будто светящийся шлагбаум перегорел путь.

Шубин мигнул три точки — «слово»** следовавшему в кильватере Князеву. Тот тоже застопорил ход.

«Шлагбаум» качнулся, но не поднялся, а, дымясь, покотился по воде.

Заметят или не заметят?

Горизонтальный факел сверкнул на берегу, как грозный указующий перст. Заметили! Рядом лопнул разрыв. Катер сильно трянуло.

— Попадание в моторный отсек, — бесстрастно доложил механик.

Из своего закоулка высунулся радист.

— Попадание в рацию, аккумуляторы садятся!

Вслед за тем фашисты включили «верхний свет».

Над шхерами повисли ракеты, в просторечье называемые «люстрами». Они опускались вначале медленно, потом быстрее и быстрее, искрами рассыпаясь у черной воды, как головешки на ветру. Неторопливо на смену им поднимались другие («люстры» ставятся в несколько ярусов, с тем расчетом, чтобы мишень была постоянно на светлом фоне).

Свет — очень резкий, слепящий, безрадостный, как в операционной. Уложили, стало быть, на стол и собираются потрошить? Нет, дудки!

* Фарватер военных кораблей.

** «С л о в о» — то есть буква «С», означает: стоп!

Две дымовые шашки полетели за корму. Старый испытанный прием! Но Шубин не смог проворно, как раньше, «отскочить». Едва-едва «отполз» в сторонку.

Укрывшись в тени какого-то мыса, он смотрел, как палит с берега по медленно расплзающимся черным хлопьям. Дурачье!

Приблизился Князев.

— Подать конец?

Пауза очень короткая. Думать побыстрее!

Приняв буксир, Князев угробит и себя и Шубина. Маневренность потеряна, скорости нет. На отходе догонит авиация и запросто расстреляет обоих.

Что ж, в критическом положении наилучший выход — атаковать! Назад хода нет. Значит, надо прорываться дальше, укрываться в глубине шхер.

— Князев, уходи! Исправлю повреждения, завтра тоже уйду.

— Не оставлю вас!

— Приказываю, как командир звена! Ты поможешь мне! Отвлечешь огонь на себя!

Князев понял. Донеслось слабей: «Есть, отвлеку!» И Шубин сорвал с головы шлем с уже бесполезными ларингами. Аккумуляторы окончательно сели. Он «оглох» и «онемел».

Отстреливаясь, катер Князева рванулся к выходу из шхер.

— Еще бы! — пробормотал Шубин с завистью. — Сохраняя свои пятьдесят узлов* в кармане...

Собственные его «узелки», увы, кончились, развязались.

Весь огонь фашисты перенесли на Князева. Бой удался.

— Не догнали!

Шурка Ластиков с торжеством обернулся к командиру, но тот не ответил. Изо всех сил старался удержать подбитый катер на плаву. С лихорадочной поспешностью, скользя и оступаясь, матросы затыкали отверстия от пуль и осколков снарядов. В дело пущено было все, что возможно: чопы, распорки, пакля, брезент. Но вода уже перехлестывала через палубу, угрожающе увеличился дифферент.

Оставалось последнее, самое крайнее средство.

— Запирающие закрыть!

Боцман умоляюще прижал к груди руки, в которых держал ключья пакли.

— Хоть одну-то оставьте!

— Обе за борт!

Во вражеских шхерах сбрасывать торпеды? Лишать себя главного своего оружия?..

— То-овсь! Залп!

Резкий толчок. Торпеды камнем пошли на дно.

Все! Только круги на воде. Юнга скрипнул зубами от злости.

* Скорость кораблей измеряется в узлах. Узел — одна миля в час.

Зато катер облегчен! Как-никак две торпеды весили более трех тонн. Командир прав. Лучше остаться на плаву без торпед, чем утонуть вместе с торпедами...

Подбитый катер «проковылял» еще несколько десятков метров и приткнулся у крутого берега.

Мысленно Шубин попытался представить себе очертания острова на карте. Кажется, изогнут в виде полумесяца. От материка отделен нешироким проливом. Берега обрывисты — судя по глубинам.

Ну что ж! Рискнем!

— Боцман! Швартоваться!

Но едва моряки ошвартовались у острова, как неподалеку от них очень быстро прошли три шюцкора*.

Пришлось поавралить, упираясь руками и спиной в скалу, придерживая катер. Шюцкоры развели сильную волну. На ней могло ударить о камни или оборвать швартовы.

Через две или три минуты шюцкоры вернулись. Они застопорили ход и почему-то долго стояли на месте.

Боцман пригнулся к пулемету. Шубин замер подле него, предостерегающе подняв руку.

Шурка зажмурился. Сейчас включат прожектор, ткнут лучом! Рядом нервно зевнул радист Чачко.

До моряков донеслись удивленные, сердитые голоса. Финны недоумевали. Куда к черту подевались эти русские?

Конечно, нелепо искать их в глубине шхерных лабиринтов. Подбитый катер, вероятно, все-таки сумел проскользнуть к выходу из шхер.

Заревели моторы, и шюцкоры исчезли так же внезапно, как и появились.

Ф-фу! Пронесло!

— Живем, товарищ командир! — сказал боцман, улыбаясь.

Но Шубину пока некогда было ликовать.

— На берег! — приказал он. — Траву, камыш волоки! Ветки руби, ломай! Да поаккуратней, без шума. И не курить мне! Слышишь, Фаддеичев?

— Маскироваться будем?

— Да. Замаскируем катер до утра, вот тогда и говорим живем, мол!

Он остановил пробежавшего мимо юнгу:

— А ты остров обследуй! Вдоль и поперек весь обшарь. По-пластунски, понял? Проверь, нет ли кого.

Он снял с себя ремень с пистолетом и собственноручно опоясал им юнгу. Матросы быстро посадили его. Шурка пошарил в расщелине, уцепился за торчащий клочок травы, вскарабкался по отвесному берегу.

— Поосторожнее, эй! — негромко напутствовал боцман.

— А вы не переживайте за меня, — ответил с берега задорный голос. — Я ведь маленький. В маленьких труднее попасть.

— Вот бес, чертенок, — одобрительно сказали на катере.

* Ш ю ц к о р ы — корабли береговой охраны.

Пистолет гвардии капитан-лейтенанта ободряюще похлопывал по бедру.

Юнга очутился в лесу, слабо освещенном гаснущими «люстрами». Бесшумно пружинил мох. Вдали перекатывались эхо от выстрелов. Ого! Гвардии лейтенанта Князева провожают до порога, со всеми почестями — с фейерверком и музыкой.

Гвардии старший лейтенант уйдет завтра не так — поскромнее. Шурка понял с полунамека. Важно отстояться у острова. Тщательно замаскироваться, притаиться. Втихомолку в течение дня исправить повреждения. И следующей ночью, закутавшись, как в плащ, во мглу и туман, выскользнуть из шхер.

Дерзкий замысел, но такие и удаются гвардии старшему лейтенанту.

Только бы не оказалось на острове фашистов!

Шурка постоял в нерешительности, держа одну ногу на весу.

Он очень боялся змей, гораздо больше, чем фашистов. Сейчас весна, змеи оживают после зимней спячки. Он ясно представил себе, как опускает ногу на мох и вдруг под пяткой что-то начинает ворочаться. Круглое. Скользящее. Брр!

Потому ему вспомнилось, как командир объяснял про страх:

— Если боишься, не колеблясь, иди навстречу опасности! Страх страшней всего. Это как с собакой. Побежишь — разорвет!

Юнга сделал усилие над собой и нырнул в лес, как в холодную воду.

Что-то чернело между стволами в слабо освещенном пространстве. Громоздкое. Бесформенное. Валун? Дот?

Шурка вытащил пистолет из кобуры. Ощущая тяжесть его рукоятки, как пожатие верного друга, он приблизился к черневшей глыбе. Нет, не дот и не валун. Сарай!

Осмелев, провел по стене рукой. Жалкий сараюшко, сколоченный из фанеры!

Сгорбившись, юнга подобрался к двери, прислушался. Тихо внутри. Он толкнул дверь и шагнул через порог.

В сарае было пусто. У стен только лопки для сбора ягод — с выдвинутым захватом, вроде маленьких грабель. Летом в шхерах столько земляники, брусники, черники, клюквы, что глупо было бы собирать по ягодинке.

В углу стоят большие конусообразные корзины. В таких перевозят на лодке скошенную траву.

Ну, ясно: остров необитаем!

Выйдя из сарая, Шурка удивился. Почему стало так темно? А! Фашисты «вырубили» верхний свет.

Вокруг, пожалуй, даже не темно, а серо. Деревья, кустарник, валуны смутно угадываются за колышущейся серой завесой. Только сейчас Шурка заметил, что идет дождь.

С разлапистых ветвей, под которыми приходилось проле-

зять, стекали за воротник холодные струйки. Конусообразные ели и нагромождения скал обступили юнгу. Протискиваясь между ними, он больно ушиб колено, зацепился за что-то штаниной, разорвал ее. Некстати подумалось: «Попадет мне от боцмана».

То был «еж», злая колючка из проволоки. Полным-полно в шхерах таких проволочных «ежей», куда больше, чем их живых собратьев. Фашисты, боясь десанта, всюду разбрасывают «ежи» и протягивают между деревьями колючую проволоку.

Вскоре юнга пересек остров в узкой его части. Людей нет. Ободренный, он двинулся — по-прежнему ползком — вдоль берега.

Вдруг Шурка испуганно отдернул руку. По-змеиному в сухой траве извивалась проволока. Не колючая проволока. Провод!

Этот участок берега был минирован!

Юнга шарахнулся от провода. Гранитные плиты были гладкие, скользкие. Он оступился и бултыхнулся в воду!

Когда юнга вынырнул метрах в десяти-пятнадцати от берега, вода была уже не темной, а оранжевой. Это светилось над ней небо.

Беспокойный луч полоснул по острову, суетливо зашарил, зашнырял между деревьями. Потом медленно пополз к Шурке.

В уши набралась вода, и он не слышал, стучат ли пулеметы, видел лишь этот неотвратно приближающийся смертоносный луч. Юнга сделал сильный гребок, наткнулся на какой-то шест, наклонно торчавший из воды. А! Вешка!

Держась за шест, он нырнул. Луч неторопливо прошел над ним, на мгновение осветил воду и расходящиеся круги.

Это повторилось несколько раз.

Прячась за голиком*, юнга не отводил взгляда от луча. Едва луч приближался, как он поспешно нырял.

В воде Шурка приободрился. Напоминало игру в пятнашки, а уж в пятнашки-то он играл лучше всех во дворе.

Вот луч, как подрубленное дерево, рухнул неподалеку на воду. Только плеска не слышно. Теперь скользит по взрытой волнами поверхности, подкрадываясь к Шурке. Внимание! Нырок!

Луч переместился дальше, к материковому берегу.

Тяжело дыша, то и дело оглядываясь, Шурка вполз по гранитным плитам на берег.

Некоторое время он неподвижно лежал в траве, раскинув руки, разглядывая исполосованное лучами враждебное небо. Только сейчас ощутил озноб. Мокрый бушлат, фланелевка, брюки неприятно прилипали к телу.

Змеи! Он уж и думать забыл про змей! Не до них!

Небо над шхерами стало темнеть. Сначала упал один луч и не поднялся. За ним поник другой.

Юнга слушал, как перекликаются пулеметы. Затукал

* Голик — верхушка шеста.

один, издали ему ответил второй, третий. Похоже, будто собаки лают ночью где-то в захолустье.

Паузы длиннее, лай ленивее. Наконец стало снова тихо, темно...

Луны в небе нет. Нет и звезд. Дождь все моросит.

Разведку можно считать законченной: людей на острове нет. Южный берег минирован. По ту сторону восточной протоки расположены батареи и прожекторная установка.

Так юнга и доложил Шубину по возвращении.

— О, да ты мокрый! В воду упал?

— Почти обсох. Пока через лес полз.

Юнга очень удивился переменам, происшедшим в его отсутствие. Теперь катер был уже не катером, а чем-то вроде плавучей беседки.

— Здорово замаскировались!

— Без этого нельзя, — рассеянно сказал Шубин. — Мы же хитрим, нам жить хочется...

Аврал заканчивался. Из трюма были извлечены брезент и мешковина. Ими задрапировали рубку. С берега приволокли валежник, нарубили веток, нарезали камыш и траву. Длинные пучки ее свешивались с наружного борта.

— Отдохни, обсушись, подзаправься, — сказал командир Шурке. — Обрати пойдешь. С вражеского берега глаз не спускать. Утром будет нам экзамен.

— Какой экзамен, товарищ гвардии старший лейтенант?

— А вот какой. Начнут садить по нас из пушек и пулеметов — значит, срезались мы, маскировка ни к черту!..

НА ПОЛОЖЕНИИ „НИ ГУГУ“

1

Отдохнув с часок, юнга вернулся на свой пост, чтобы не упускать из виду опасную восточную протоку.

Утро выдалось пасмурное. Над водой лежал туман.

Вокруг была такая тишина, что казалось, Шурка видит это во сне.

Он различил вешку, за которой прятался этой ночью. Шест торчал в тумане наклонно, как одинокая стрела.

Через несколько минут юнга посмотрел в том же направлении. Видны стали уже две стрелы, вторая — отражение первой.

Потом прорезались камыши, посреди протоки зачернел надводный камень.

Солнце появилось с запозданием. Красное, как семафор, — тоже предупреждало об опасности!

Пейзаж как бы раздвигался. За медленно отваливающимися пепельно-серыми глыбами Шурка уже различал противоположный берег.

Покрывало тумана, а вместе с ним и тайны сползало с вражеских шхер. Позолотились верхушки сосен и елей на

противоположном берегу. В душном сумраке возникли поднятые к небу орудийные стволы.

Шурка торопливо завертел винтовую нарезку бинокля.

О! Не зенитки, а бревна, поставленные почти стоймя, фальшивая батарея для отвода глаз. Назначение — вводить в заблуждение советских летчиков, отвлекать внимание от настоящей батареи, которая находится поодаль.

Ключки пейзажа разрозненны, как мозаика. Ночью прожектор вырывал их по отдельности из мрака. Днем они соединились в одну общую картину.

Одну ли? Юнга прищурился. Двоилось в глазах. Мысы, островки, перешейки, как в зеркале, отражались в протоках. Но зеркало было шероховатым. Рябь шла по воде. Дул утренний ветерок.

Юнга повел биноклем. Как бы раздвигал им ветки далеких деревьев, ворошил хвою, папоротник, кусты малины и шиповника, настойчиво проникал в глубь леса — по ту сторону протоки.

Вот валун. Замшелый. Серо-зеленый. Как будто бы ничем не отличается от других валунов. Но почему из него поднимается дым, струйка дыма? Не из-за него, именно из него!

Странный валун. Вдруг приоткрылась дверца. Из валуна, согнувшись, вышел солдат с котелком в руке. Ну, ясно! Это дот, замаскированный под валун!

Продолжаются колдовские превращения в шхерах.

Внезапно над обрывистым берегом, примерно в шести-семи кабельтовых, поднялись четыре рефлектора. Они оттягивались, как головки змей, и снова высовывались из-за гребня.

Не сразу дошло до Шурки, что это прожекторная установка, которая так досаждала ему ночью. Сейчас ее проверяли. Рефлекторы, вероятно, ходили по рельсам.

Вдруг раздалось знакомое хлопотливое тархтение. Над проснувшимися шхерами кружил самолет. Наш! Советский!

Мгновенно втянулись, спрятались головки рефлекторов. Дверца дота-валуна приоткрылась, из щели высунулся кулак, погрозил самолету. Дверца распахнулась. Несколько солдат, спускавшиеся к воде с полотенцами через плечо, упали как подкошенные и лежали неподвижно. Все живое в шхерах оцепенело, замерло.

Словно бы остановилась движущаяся кинолента!

Очень хотелось подняться во весь рост, заорать, сорвать с головы бескозырку, начать семафорить. Эй, летчик, перегнись через борт, приглядиись! Внизу притворство, вранье! Зенитки не настоящие — фальшивые! Валун не валун — дот! Бомби же их, друг, коси из пулемета, коси!

Но вскакивать и махать бескозыркой нельзя. Полагается смиренно лежать в кустах, ничем не выдавая своего присутствия.

Покружив, самолет лег на обратный курс.

Искал ли он катер, не вернувшийся на базу? Совершал ли обычный разведывательный облет?

Гул затих удаляясь. И лента опять завертелась, все во-

круг пришло в движение. Размахивая полотенцами, солдаты побежали к воде. На пороге мнимого валуна уселся человек, принявший неторопливо раскуривать трубочку.

— С опаской, однако, живут, — с удовлетворением заключил юнга. — На положении «ни гугу».

Тут только он вспомнил о предстоящем «экзамене».

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, но в шхерах было по-прежнему тихо. Не стреляют. Значит, «экзамен» сдан! Замаскированный катер не замечен.

И Шурка засмеялся от удовольствия и гордости, впрочем, негромко, вполголоса. Ведь он тоже был на положении «ни гугу».

2

День в шхерах начался. Мимо юнги прошел буксир, таща за собой вереницу барж. На буксире — пулемет, солдаты ежатысь от утренней прохлады.

Потом вдоль протоки скользнули две быстроходные десантные баржи — бэдэбешки, как называет их гвардии старший лейтенант.

Солнце переместилось на небе. Надо менять позицию. Нароком солнечный луч отразится от стекол бинокля, и зайчик сверкнет в лесу. А ведь противоположный берег тоже глазастый!

С новой позиции вешка еще лучше видна. Ага! Воротник поднят, холодно ей. Значит, нордовая она!*

Долгими зимними вечерами гвардии старший лейтенант учил юнгу морской премудрости.

Он раскладывал на столе разноцветные картинки.

«Гляди: вешки! Нордовая — вот она! — красная, голик на ней в виде конуса, основанием вверх. Вроде бы воротник поднят и нос покраснел. Очень холодно — нордовая же! А вот зюйдовая: черная, конус основанием вниз. Жарко этой вешке, откинула воротник, загорела дочерна!»

Юнга медленно поднимал бинокль к горизонту. Первое правило сигнальщика: просматривай путь корабля и его окружение обязательно от воды, от корабля. А сейчас для Шурки кораблем был этот доверенный его бдительности островок в шхерах.

Правее нордовой вешки серебрилась мелкая рябь. Под водой угадывались камни. Вешка предупреждала: «Оставь меня к норду!» Так и огибают ее корабли.

Парусно-моторная шхуна прошла мимо Шурки.

Для памяти он отложил на земле четвертую ветку — по числу прошедших кораблей.

Картина была в общем мирная. Ветер утих. Протока стала зеркально гладкой, как деревенский пруд. Купа низких деревьев сгрудилась у самой воды, будто скот на водопое.

А над лесом висели сонные и очень толстые, словно бы подваченные, облака.

* Норд — север.

Одно из них выглядело необычно. Было сиреневого цвета и висело очень низко. Присмотревшись, Шурка различил на нем деревья! Чуть поодаль виден кусок скалы, нависший над протокой. Это мыс, и на нем возвышается маяк.

Летающий остров с маяком! Юнга подумал, что грезит, и протер глаза.

А, рефракция! Это рефракция. И о ней говорил гвардии старший лейтенант. В воздухе, насыщенном водяными парами, изображение преломляется, как в линзах перископа. Сейчас благодаря рефракции юнга как бы заглядывал через горизонт.

Миражи, рябь, солнечные зайчики... Сонное оцепенение овладевало юнгой. Радужные круги, будто пятна мазута, медленно поплыли по воде.

«Клонит в сон, да?» — пробасил Шурка голосом гвардии старшего лейтенанта. «Камыши очень шуршат, товарищ гвардии старший лейтенант», — тоненько пожаловался он. «А ты вслушайся, о чем шуршат! Ну? «Слу-шай! Слу-шай!» Вот оно, брат, что! Не убаюкивают, а предостерегают тебя. Не спи, мол, Шурка, раскрой глаза и уши!»

Шурка встряхнулся, как собака, вылезаящая из воды. Спустия некоторое время за спиной его раздался троекратный условный свист. Он радостно свистнул в ответ. К нему подползли гвардии старший лейтенант и радист Чачко.

3

— Ишь ты, — удивился Шубин, выслушав рапорт юнги. — Выходит, на бойком месте мы! А я и не знал!

Он жадно прильнул к биноклю.

Профессор Грибов учил Шубина не очень-то доверять вещкам, которые может в любой момент одрейфовать или снести штормом. Главное — это створные знаки. Вешки только дополняют их. Но где же они, эти створные знаки?

В шхерах корабли ходят буквально с оглядкой, от одного берегового створа до другого.

Створными знаками могут быть белые щиты в виде трапеции или ромба, пятна, намалеванные белой краской на камнях, башни маяков, колокольни, высокие деревья или скалы причудливых очертаний.

По шхерным извилистым протокам корабли двигаются зигзагом, то и дело меняя направление, очень осторожно и постепенно разворачиваясь. В поле зрения рулевого должны сблизиться два створных знака, указанных в лоции для этого отрезка пути. Когда один створный знак закроет другой, рулевой будет знать, что поворот закончен. Теперь кораблю не угрожает опасность сесть на мель или выскочить на камни. При новом повороте пользуются второй парой створных знаков, и так далее.

Очередной буксир на глазах у Шубина обошел камни, огражденные вешкой. Возникло странное ощущение, будто он, Шубин, и есть один из створных знаков. Он оглянулся.

Оказалось, что моряки лежат у подножия высокого камня, который торчит в густых зарослях папоротника. На нем белеет пятно.

Из-за спешки или по соображениям скрытности здесь не поставили деревянный решетчатый щит — просто намалевали пятно на камне. Такие пятна называются «зайчиками», потому что они беленькие и прячутся в лесу. Подобный же упрощенный створный знак был виден пониже, у самого уреза воды.

Движение на шхерном «перекрестке» было оживленным. Тут пересекались два шхерных фарватера — продольный и поперечный. В лоции это называется узлом фарватеров. Недаром фашисты так оберегали его. Прошлой ночью вдоль и поперек исполосовали лучами, будто обмахивались крестным знаменем. От этого мелькания голова шла ходуном.

А где же таинственная светящаяся дорожка? По-видимому, она находится севернее, вот за той лесистой грядой.

И опять шубинский бинокль замер у вешки. Милиционеров на «перекрестке» нет. Светофоры-маяки работают только в темное время суток. Днем приходится полагаться на створы и вешки...

Да, это было бы занятно! Грибов назвал бы это «поправкой к лоции»...

Но нет, не удастся! Солнце неусыпным стражем стоит над шхерами. Да и рискованно привлечь внимание к проливу, пока катер еще не на ходу.

Шурка с удивлением смотрел на своего командира. Тот что-то шептал про себя, щурился, хмурился. Ну, значит, придумывает новую каверзу!

Шубин впервые видел эти места днем, хотя и считался «специалистом по шхерам».

Главной деталью пейзажа была вода. Она подчеркивала удивительное разнообразие шхер. Обрамляла картину и в то же время как бы дробила ее.

Местами берег круто обрывался либо сбегал к воде большими каменными плитами, похожими на ступени.

Были здесь острова, заросшие лесом, конусообразные, как клумбы, обложенные в довершение сходства камешками по кругу. А были почти безлесные, на диво обточенные гигантскими катками — ледниками. Такие обкатанные скалы называют «бараньими лбами».

Кое-где поднимались из трещин молодые березки, как тоненькие зеленые огоньки, — будто в недрах шхер бушевало пламя и упрямо пробивалось на поверхность.

И опять Шубин покосился на створный знак.

Другой командир на его месте, возможно, вел бы себя иначе. Сидел бы и не рыпался, дожидаясь наступления ночи. Но Шубину не сиделось.

Он положил бинокль на траву, отполз к заднему створному знаку. Камень потрескался. Зигзаг трещин выглядел как непонятная надпись.

Шурка, приоткрыв рот, смотрел на гвардии старшего лейтенанта. Тот обогнул камень, налег на него плечом. Камень как будто поддался — вероятно, неглубоко сидел в земле.

Гвардии старшему лейтенанту это почему-то понравилось. Он улыбнулся. Улыбка была шубинская, то есть по-мальчишески озорная и хитрая.

— Сдавай вахту, — приказал Шубин юнге. — Домой пошли! Вернее, поползли.

И тут юнга щегольнул шуткой — флотской, в духе своего командира.

— Вражеские шхеры с двумя створными знаками и одной вешкой сдал, — сказал он.

А Чачко, усмехнувшись, ответил:

— Шхеры со створами и вешкой принял!

4

«Дома» было все благополучно. Катер слегка покачивался под балдахинном из травы и ветвей. Ремонт его шел полным ходом, но боцман не был доволен. По обыкновению жучил флегматичного Степакова: «Не растешь, не поднимаешь квалификацию! Как говорится, семь лет на флоте, и все на кливвершкоте». Степаков лишь обиженно шмыгал носом.

Впрочем, флотский распорядок соблюдался и во вражеских шхерах — ровно в двенадцать сели обедать сухарями и консервами.

Шурка Ластиков, чтя «адмиральский час», прикорнул на корме под ветками и мгновенно заснул, как это умеют делать только дети, набегавшиеся за день, и моряки после вахты.

Шубин остановился подле юнги, вглядываясь в его лицо. Было оно худое, скуластенькое. Когда юнга открывал глаза, то казался гораздо старше своих лет. Но сейчас выглядел совсем мелюзгой, посапывал по-ребячьи и чему-то улыбался во сне.

Как же сложится твоя жизнь, сынок, лет этак через шесть-семь? Кем ты будешь? Где станешь служить? И вспомнишь ли о своем командире?..

К вечеру моряки восстановили щиток управления и монтаж оборудования. Осталось лишь отремонтировать реверсивную муфту правого мотора.

Солнце заходило удивительно медленно. Западная часть горизонта была исполосована тревожными косыми облаками багрового цвета, предвещавшими перемену погоды.

Наступило то короткое время суток, предшествующее сумеркам, когда солнца нет, но небо еще хранит его отблески. Тень от багрового облака упала на воду. Красноватый дрожащий свет наполнил шхеры. Все стало выглядеть как-то странно, тревожно.

Шубин вылез из таранного отсека, вытер руки паклей, бросил боцману:

— Заканчивайте без меня. Пойду с юнгой Чачко сменить.

Его непреодолимо тянуло к вешке и створным знакам. Забыть не мог о камне, который не слишком прочно держался в земле.

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

1

Добравшись ползком до протоки, Шубин и Шурка удивились. Вешки на месте не было.

— Срезало под корень, товарищ гвардии старший лейтенант, — доложил Чачко. — Тут шхуна проходила, стала поворот делать, а ветер дул ей в левую скулу. Капитан не учел ветерка и подбил вешку. Прямо под винты ее!

— Неаккуратный ты какой, — шутливо упрекнул Шурка. — Тебе шхеры с вешкой сдавали, а ты...

Но, взглянув на гвардии старшего лейтенанта, осекся.

Шубин подобрался, как для прыжка. Глаза, и без того узкие, превратились в щелочки. Таким Шурка видел его во время торпедной атаки, когда, подавшись вперед, он бросал: «Залп!»

Исчезновение вешки было очень кстати. Оно упрощало дело. Конечно, исчезновение заметят или, быть может, уже заметили. Фашистские гидрографы поспешат установить другую вешку — по створным знакам. Но пока протока пуста и подводные камни не ограждены. Нечто разладилось в створном механизме.

Если вешки нет, рулевые сосредоточат свое внимание на створных знаках — на этих двух беленьких «зайчиках», которые выглядывают из кустов.

Шубин оглянулся. Что ж, поиграем с «зайчиком»! Заставим его отпрыгнуть подальше от воды. Но сделать это надо умненько, перед самым уходом из шхер.

Он нетерпеливо взглянул на часы, поднял глаза к верхушкам сосен. Начинали раскачиваться. Чуть-чуть. Ветер дует с веста. Это хорошо. Нанесет туман.

Как «специалист по шхерам», Шубин знал местные приметы. Перед штормом видимость улучшается. Сейчас, наоборот, очертания предметов становились неясными, расплывчатыми. Да, похоже, ложится туман.

Но прошло еще около часа, прежде чем по воде поползла белая пелена. Она делалась все плотнее, заволакивала подножия скал и деревьев. Казалось, шхеры медленно оседают, опускаются на дно.

Самая подходящая ночь для осуществления задуманного!..

— Юнга! Всю команду — ко мне! Боцману оставаться на катере, стать к пулемету, нести вахту!

— Есть!

Тьма и туман целиком заполнили лес. Спустя несколько минут послышались шорох, шелест, сопение. Строем «кильватера», один за другим, подползали к Шубину его матросы.

— Коротко: задача, — начал Шубин. — Торпед у нас нет. Из пулемета корабль не потопишь. А потопить надо. Но чем топить?

Молчание. Слышно лишь, как устраиваются в траве матросы, теснясь вокруг своего командира.

— Будем, стало быть, хитрить, — продолжал Шубин. — За спиной у меня — задний створный знак! — Он похлопал по камню. — Там, у воды, — передний. Пара «зайчиков» неразлучных... А мы возьмем да и разлучим их!

— Совсем уберем?

— Нет. Немного отодвинем друг от друга. Много нельзя, утром заметят. А посреди протоки — камешки!

— О! И вешек нет?

— Снесло вешку. Этой ночью мы командуем створом. Куда захотим, туда и поворотим.

— А поворотим на камешки?

— Угадал!

Быстро, даже не дожидаясь команды, матросы вскочили на ноги. Будто не было бессонной ночи и мучительно-долгого утомительного дня.

Сперва попытались своротить камень с ходу — руками. Навалились, крикнули. Не вышло. Тогда выломали толстые сучья и подвели их под камень.

Он качнулся, заколебался. Степаков поспешно подложил под сучья несколько небольших камней.

Шубин нетерпеливо отодвинул Дронина и Фаддеичева, протиснулся между ними:

— Дай, я!

С новой энергией матросы навалились на камень.

— Дронин, слева заходи! Наддай плечом!

Так повторялось несколько раз. Сучья ломались. Степаков подкладывал под них новые камни, постепенно поднимая опору.

По-бычьей склоненная шея Шубина побагровела, широко расставленные ноги дрожали от напряжения. Камень с белым пятном накренялся все больше. И вот медленно пополз с пригорка, ломая кусты ежевики и малины, оставляя борозду за собой!

Шубин сбежал вслед за ним. «Зайчик» по-прежнему на виду. Но линия, соединяющая передний и смещенный задний створные знаки, выводит уже не на чистую воду, а на грядку подводных камней, к дьяволу на рога!

Ну что ж! Так тому и быть! Через час или два катер уйдет, ночь в проливе пройдет спокойно, а утром «зайчики» сработают — как «адская машина», пущенная по часовому заводу.

Но получилось иначе.

Не заладились с моторами. Шубин сидел на корточках возле люка, светя мотористам фонариком. Юнга старательно загораживал свет куском брезента. Хорошо еще, что туман лег плотнее.

Ночь была на исходе.

Шубин думал о разлаженном створе. Первая же баржа или шхуна, которая пройдет утром мимо острова, выскочит на камни. Сюда спешно пожалуют господа гидрографы для исправления створных знаков, и шубинский катер, если не уйдет до утра, будет, конечно, обнаружен.

Впрочем, Шубин никогда не жалел о сделанном. Это было его жизненное правило. Решил — как отрезал!

Да и что пользы жалеть? Механизм катастрофы пущен в ход. Его не остановишь, даже если бы и хотел.

И вдруг по катеру пронеслось: «Тсс!» Все замерли прислушиваясь.

Неподалеку клокотала вода. Потом раздалось протяжное фырканье, будто огромное животное шумно вздыхало, всплывая на поверхность.

Подводная лодка! И где-то очень близко. В тумане трудно ориентироваться. Но, вероятно, рядом, за мыском.

Шубин — вполголоса:

— Боцман, к пулемету! Команде гранаты, автоматы разобрать!

2

Он вскарабкался на берег, пробежал, прячась за деревьями. Юнга неотступно следовал за ним.

Да, подводная лодка! В туманной мгле видно постепенно увеличивающееся, как бы расползающееся, темное пятно. Балластные цистерны продуты воздухом. Над водой вспух горб — боевая рубка, затем поднялась узкая спина — корпус.

Лязгнули челюсти. Это открылся люк.

С воды пахнуло промозглой сыростью — будто из погреба или из раскрытой могилы

Потом в тумане вспыхнули два огонька. На мостике закурили.

Шубин услышал несколько слов, сказанных по-немецки. Голос был тонкий, брюзгливо-недовольный:

— Ему полагалось бы уже быть здесь.

Второй голос — с почтительными интонациями:

— Прикажете — огни?

— Нет. Не доверяю этим финнам.

— Но я думал, в такой туман...

Молчание.

На воде слышно очень хорошо. Слова катятся по водной поверхности, как мячи по асфальту.

— Финны всегда казались мне ненадежными, — продолжал тот же брюзгливо-недовольный голос. — Даже в тридцать девятом, когда Европа так рассчитывала на них.

Подводная лодка покачивалась примерно в тридцати метрах от Шубина. Ее искусно, под электромоторами, удерживали на месте ходами, не приближаясь к берегу, чтобы не повредить гребные винты.

Юнга пробормотал вздрагивающим голосом:

— Товарищ командир, прикажите! Гранатами забросаем ее!

Шубин промолчал. Гранатами подлодку не потопить. Шуму только наделаешь и себя обнаружишь.

Тонкий голос — из тумана:

— Не могу рисковать... Мой «Летучий голландец» стоит хорошей армии...

— О да! Где появляется Гергардт фон Цвишен, там война получает новый толчок...

— Тише!

До Шубина, напрягавшего слух, донеслось лишь одно слово: «Бува». Затем в слоистом тумане, булькающем, струящемся, невнятно бормочущем, запрыгали, как пугырьки, странные звуки: не то кашель, не то смех.

Сзади кто-то легонько тронул Шубина за плечо.

— Чачко докладывает, — прошептали над ухом. — Моторы на товсь!

— Светает, — донеслось из тумана.

Второй голос сказал что-то о глубинах.

— Конечно. Не могу идти в надводном положении на глазах у всех шхерных ротозеев.

Туман стал совсем пепельным и быстро разваливался на куски. В серой массе его зачернели промойны.

Будто материализуясь, уплотняясь на глазах, все четче вырисовывалась подводная лодка, которую почему-то называли «Летучим голландцем». Она была словно соткана из тумана. Космы водрослей свисали с ее крутого борта.

Чачко удивленно пошевелился. Шубин прыгнул его ниже к земле. Но он и сам не ожидал, что подводная лодка так велика.

— Наконец-то! — сказали на «Летучем голландце». — Вот и господин советник!

Стуча движком, между берегом и подводной лодкой прошла моторка. У борта ее стоял человек в штатском. Он торопливо прыгнул на палубу лодки.

Неразборчивые оправдания.

Ворчливый тонкий голос:

— Прошу в люк! Вас ждут внизу!

Медленно раздвигая туман, который, свиваясь кольцами, стлался по воде, подводная лодка отошла от острова.

Шубин в волнении приподнялся. Куда она повернет: направо или налево?

Ведь створные знаки раздвинуты. Ловушка поджидает добычу!

Если подводная лодка повернет налево, чтобы лечь на створ...

Она повернула налево.

3

Низко пригибаясь к земле, Шубин и Шурка перебежали полянку, кубарем скатились на палубу катера.

— Заводи моторы!

Катер отскочил от берега, развернулся.

Некоторое время он шел малым ходом, соблюдая скрытность, потом, зайдя за мыс, дал полный ход.

Только бы моторы не подвели! Выносите из беды, лошади мои милые, э-эх, залетные!

Шурка выглянул из моторного отсека. Все мелькало, несло в пенном вихре.

И вдруг сразу стало очень светло и далеко видно вокруг.

Лучи прожекторов шагали над шхерами. Они приблизились к протоке и скрестились над подводной лодкой, которая билась в каменном капкане.

Шубин оглянулся только на мгновение.

Наши бы самолеты сюда! Но он не мог вызвать самолеты — рация не работала. И надо было спешить, спешить! Пяткам уже горячо в шхерах.

Он правильно рассчитал — под шумок легче уйти. В смятении и неразберихе береговая оборона этого участка так и не поняла, кто пронесся мимо. Трудно было вообще понять, что это такое: с развевающимися длинными полосами брезента, с сосновыми ветками, торчащими из люков, с охапкой валежника, прикрывающей турель пулемета!

Да и внимание привлечено к тому, что творится на середине протоки — у подводной каменной гряды. На помощь к лодке уже спешили буксиры, которые оказались поблизости. Надрывно выли сирены.

Шубин вильнул в сторону, промчался по лесистому коридору, еще раз повернул.

С берега дали неуверенную очередь. Боцман не ответил. Строго-настрога приказано не отвечать!

И это было умно. Это тоже сбивало с толку.

Несуразный катер, чуть не до киля закутанный в брезент, похожий на серо-зеленое облако, благополучно проскочил почти до опушки шхер. Но здесь, уже на выходе, огненная завеса опустилась перед ним.

Снаряд! Лавина воды обрушилась на палубу. Всплеск падает за кормой. Внезапно катер сбавил ход!

Механик доложил Шубину, что осколок снаряда попал в моторный отсек. В труднодоступном месте пробит трубопровод*. Обороты двигателя снижены.

Авария! А фашистские артиллеристы уже начали пристреливаться!

Но Шубин не успел приказать ничего. Все сделалось само собой, без приказа. Мгновение — и катер опять набрал ход!

— Мотористы ликвидируют аварию своими средствами! — доложил механик.

Шубин кивнул, не спуская глаз с расширяющегося провета впереди, между лесистыми берегами.

«Своими средствами...» Вот как это выглядело!

Скрежеща зубами от боли, Степаков по-медвежьи, грудью навалился на отверстие, откуда только что хлестала горячая вода.

— Резину!

Юнга поспешно наложил на пробойну резиновый пласт, крепко прижал его. И лишь тогда Степаков со стоном отвалился от трубопровода.

— Не бросай!

Но Шурка и сам понимал, что нельзя бросать. Скорость! Скорость! Ни за что не сбавлять скорость!

* Трубопровод — труба, по которой циркулирует вода, охлаждающая моторы.

Обеими руками Шурка с силой прижимал резину к трубопроводу, фонтанчики, шипы, выбивались между пальцами. Боль пронизывала тело до самого сердца. Это была пытка, пытка! Но он терпел, не выпуская горячий резиновый пласт, пока Дронин торопливо закреплял его. Сначала надо было протянуть проволоку вдоль трубопровода, потом спирально намотать ее. На это требовалось время, как ни торопился Дронин.

Но вот, наконец, трубопровод забинтован.

— Все, Шурка, все!

Юнга выпустил резину из обожженных рук и упал ничком у мотора, потеряв сознание от боли.

Но шхеры были уже за кормой. Катер быстро бежал на юг по утренней глади моря.

Юнга ничего не знал об этом. Он не очнулся, когда боцман смазывал и бинтовал его ожоги. Продолжал оставаться в беспамятстве и в то время, когда его вытаскивали из люка и осторожно укладывали на корму, в желоб для торпед.

— На сквознячке отойдет! — сказал Дронин.

И в самом деле, обдаваемый холодными брызгами, юнга пришел в себя. Рядом натужно стонал Степаков. Шурка приподнялся на локте и с тревогой оглянулся.

— Не клюнул бы нас жареный петух в темечко, — слабым голосом сказал юнга.

Это было выражение гвардии старшего лейтенанта. Понимать его следовало так: не бросили бы вдогонку авиацию!

Но уже приветливо распахивалась впереди бухта, где стояли наши катера...

ХОЗЯИН ШХЕР

1

...В кабинете Грибова очень тихо.

Окна плотно зашторены. Настольная лампа бросает круг света на карту шхер.

Где-то здесь, в этом лабиринте протоков и заливов, Шубин в 1944 году, то есть шесть лет назад, вывел на камни «Летучего голландца». Однако буксиры успели быстро стащить его с них. Наша авиация, прилетев в район, указанный Шубиным, не обнаружила в протоке подводной лодки.

Одно это говорит за то, что где-то неподалеку расположена ее стоянка, ее тайная база.

Будучи отбуксирован туда, «Летучий голландец» смог спокойно исправить свои повреждения, чтобы вскоре вынырнуть на поверхность Балтийского моря совсем в другом месте.

Сведения, которые Грибову удалось раздобыть после войны, подтвердили эту догадку. Тайные стоянки «Лету-

чего голландца» (они назывались почему-то Винетами) были разбросаны по всему миру.

Более того. Профессор имел основания предполагать, что накануне капитуляции гитлеровской Германии подлодка Цвишена вернулась в свое логово в шхерах и некоторое время укрывалась в нем. Быть может, она и по сю пору там.

К сожалению, не сохранилась карта Шубина с его драгоценными пометками. Поэтому профессор вынужден, как говорит Шура Ластиков, «задним ходом проходить по событиям».

Вечерами кабинет Грибова напоминает штурманскую рубку.

Она святая святых корабля. Здесь всегда светло и тихо. Иллюминаторы плотно задраены. Где-то далеко завывает ветер, перекачивается эхо канонады. Штурман, склонившись над столом, не думает ни о чем, кроме прокладки. Только лампа подрагивает при качке, освещая карту и лежащие на ней транспортир, часы, циркуль, безукоризненно отточенные твердые карандаши...

Все это воскресает в памяти, когда старый штурман склоняется над картой шхер.

Он ищет аналогий.

Известно, что под конец войны часть Германии ушла под землю. Туда «провалились» некоторые военные заводы, аэродромы, штабы, склады. Под Кенигсбергом, например, располагался второй, «подвальный», Кенигсберг, который был частично затоплен перед капитуляцией.

Нечто подобное наблюдалось и в шхерах.

Шубин шутил, что «гранит на Карельском перешейке изъезден саперами, как пень древооточками».

Вспомнился в этой связи случай на Аландах.

О нем рассказал Грибову один из его бывших курсантов, который в составе специальной комиссии проводил демилитаризацию Аландских островов.

Работа уже подходила к концу. Воздвигнутые укрепления были взорваны или подготовлены к взрыву. Неожиданно в комнату, где заседала комиссия, вошел старик рыбак. Он не поздоровался, даже не назвал своей фамилии, положил на стол какую-то бумагу и так же безмолвно удалился.

Участники комиссии с удивлением увидели, что на оставленной бумаге нанесена часть схемы укреплений. Рассмотрев ее, они убедились в том, что утаен большой склад оружия.

Офицеры отправились к указанному месту. Это был небольшой, почти не посещавшийся людьми остров, а их в Аландском архипелаге более шести тысяч. Глубоко в расщелине скалы запрятаны были ящики с автоматами, карабинами, разобранными пулеметами. Кто-то пытался укрыть тлеющие угольки войны, готовясь раздуть их в будущем.

Быть может, и «Летучий голландец» также спрятан в шхерах, ожидая нового трубного гласа, чтобы воспрянуть из-под пепла?..

Грибов встал из-за стола и, подойдя к окну, приоткрыл фрамугу.

Почти сразу ворвался в комнату бой часов.

То были куранты на каланче пожарной команды бывшей Адмиралтейской части, часы широкого дыхания и неторопливой старомодной рассудительности.

Грибов привык к ним. Они были педантичны и напоминали о себе каждые пятнадцать минут. Сначала негромко отсчитывали: «Раз, два, три», потом более внушительным, низким голосом говорили: «Бамм!»

Их бой похож на перезвон колоколов, отдаленный, приглушенный, как бы идущий из-под воды... Почему именно из-под воды?

Вернувшись к письменному столу, Грибов задумался над этим неожиданно пришедшим сравнением. Оно связано с Винетой? Да, конечно. Сейчас все мысли связаны с Винетой. Интересно, почему именно Винета? Что побудило Деница, Канариса или Гиммлера выбрать слово «Винета» для условного наименования стоянок «Летучего голландца»?

Как будто ассоциируется с каким-то старым морским преданием. Да, средние века, слабый звон колоколов...

Надо написать Шуре Ластикову о колоколах. Ведь поиски Винеты в шхерах ведет теперь лейтенант Ластиков, недавно выпущенный из училища.

2

Он сидел перед новым своим комдивом и, отвечая на вопросы, придирчиво приглядывался к нему. В таких случаях осмотр всегда обоюдный.

Конечно, командир дивизиона пограничных кораблей не мог идти в сравнение с Шубиным. Но, по совести, кто бы и мог?..

Все же он был неплох. Невозможно было представить себе, чтобы кто-нибудь разговаривал с ним повышенным или нервным тоном. Спокойствие его было внушительно и немногословно.

«Украинец, — подумал Александр. — Украинцы, они спокойные!»

Но дело было не в национальности, а в профессии.

Вероятно, Александр тоже понравился комдиву, потому что тот придвинул к нему раскрытый портсигар.

Молодой лейтенант вежливо отказался.

— Занимаюсь спортом, — пояснил он. — Приходится, знаете ли, беречь сердце.

— Ну да, вы же аквалангист! Мне говорили о вас в Ленинграде.

Он многозначительно посмотрел на Александра.

— Я знаю о Винете.

Александр промолчал. Само собой, комдив должен был знать об этом, чтобы направлять поиски Винеты в шхерах.

— Представлялись командиру своего корабля?

— Так точно.

— Планово-предупредительный ремонт корабля закончится через два дня. За два дня управитесь. Надо съездить на заставу к Мурысову.

— Береговая застава?

— Нет, сухопутная. Но несколько дней назад на ее участке убит нарушитель, который нес с собой снаряжение аквалангиста. О вас уже несколько раз запрашивали из страды. Не исключено, что попытка нарушения связана с Винетой...

3

Лето на этом участке границы было беспокойным. Впечатление такое, словно бы кто-то длиннорукий шарит, нервно перебирает пальцами вдоль линии государственной границы, нащупывая место возможного прорыва.

Сначала наша авиаразведка обнаружила яхту неизвестной национальности на подходе к советским территориальным водам. Летчик радировал об этом в дивизион морской погранохраны. Тотчас же пограничный корабль получил приказ двинуться навстречу яхте и задержать ее уже в наших водах.

Шла она из Стокгольма в Котку. Почему же вдруг очутилась так далеко от курса? Владелец яхты прикинулся заблудившимся. Он охал, стонал и с сокрушенным видом разводил руками: «Вест проклятый снес!»

Однако владелец яхты возвел на погоду напраслину — в тот день ветры восточных румбов и не собирались дуть в этой части Балтики...

Прошло недели полторы. И ночью в наших водах было задержано второе иностранное судно, на этот раз сейнер.

Командиру досмотровой группы не понравилась палуба — точнее, небольшой участок ее. Недавно прошел дождь, все было мокро вокруг, а этот участок почему-то остался сухим.

— Тут у них шлюпка стояла, — доложил командир досмотровой группы. — Я считаю: увидели нас и спустили за борт. Надо понимать, с гребцом.

Через четверть часа с помощью радиолокатора шлюпку обнаружили. На ней угрюмо сутулился человек в плаще, бросив весла и нахлобучив капюшон на голову. А когда пограничники завели трос, как скакалку, и протащили под килем шлюпки, оказалось, что там два крюка. Но на них не было ничего.

— Успел отвязать в последний момент, — сказал боцман-пограничник, косясь на гребца. — Видать, прощальной, пробу негде ставить.

Что же висело на этих крюках? По-видимому, что-то тяжелое. Оно камнем ушло под воду. Мина?

— Пирсы, что ли, собрались взрывать? — спросил один из офицеров, сидя за столом в кают-компании. Корабль шел на базу, конвоируя задержанный сейнер. — Если мина, значит что-то взрывать?

— Может, мина, а может, и не мина, — рассудительно сказал другой офицер. — Подвесили на крюках какой-ни-

будь чемоданчик. А в нем, представьте, контрабанда, или рация, или одежда для переодевания.

— Ищи теперь эту одежду на дне морском. — Командир корабля задумчиво повертел подстаканник. — Два нарушения подряд, и на одном участке... Похоже, нашаривают лазерку в каком-то определенном месте. А может, я ошибаюсь. Просто совпадение. Бывает и так.

4

Но вряд ли это было совпадением. В конце лета длинная рука, протянувшаяся издалека, попыталась проникнуть в район шхер со стороны суши...

Ночь. Птицы спят. Пахнет папоротником, грибной сыростью, хвоей, разогревшейся за день. Прошуршала в мох-жевательнике мышь.

Лосиха с лосенком вышла из лесу, посмотрела на распластавшегося в траве человека. Лосенок, чуть выдвинувшись из-за туловища матери, тоже посмотрел, удивленно и неодобрительно. Постояли, не спеша затрусили дальше.

Медленно светлеет. Тени резче. Стволы сосен стали выше, стройнее. По ним как бы стекают белые подтеки. Это восходит за лесом луна.

Два зайчонка, игравшие на поляне, остановились. Ушки торчком! Поднялись на задние лапки, прислушались. Да, треск или шорох, настолько тихий, что даже уху пограничника не уловить его. И два пушистых комочка покатались в разные стороны.

Обитатели приграничных зарослей охвачены беспокойством.

Изумленно свистнула птица, взметнувшись из куста. Зацокала пугливая белка в ветвях и смолкла.

Луна поднимается все выше. Сейчас это уже не тот огромный красный диск, который таинственно выглядывал из-за сосен. Чем выше поднимается, тем делается меньше, бледнее.

Что это? Двоится в глазах? По темно-синему небу плывут рядышком две луны. Вторая плывет быстрее первой. Описала дугу, нырнула в чащу. И одновременно что-то пронеслось между деревьями, как громадный нетопырь.

Проходят томительные минуты. Над зазубринами леса опять всплывает двойник луны.

Это надувной шар, достаточно большой для того, чтобы поднять человека, правда, не очень высоко, метра на три над землей. Важно лишь преодолеть заграждение.

Держась за лямки, зловеющий прыгун пронесится над оградой, над контрольно-следовой полосой, над просекой. Он скорчился, ноги его поджаты к груди. Такой рисуют ведьму, летящую над лесом на помеле.

Мягкое приземление в зарослях папоротника. Облегченный вздох. Сошло! А ведь мог зацепиться за ограду или наткнуться на дерево. След сбит.

Нарушитель выпрямился. И сразу же опять присел. За спиной мелькнула тень. Осторожно оглянулся. Но это соб-

ственная его тень! Стоит выпрямиться, как она ложится поперек просеки. Он предпочел бы в эту ночь не иметь тени.

Вентиль отвернут. Газ выходит из шара с приглушенным свистом, будто всполошилось целое гнездо змей. Нарушитель отцепляет от пояса коробку с химикалиями для надувания шара, вместе с оболочкой прячет под корневищем. Пригодится на обратном пути.

Теперь свериться с картой! Вот его место.

Звякнул затвор? Кто-то стоит в кустах? Нарушитель вглядывается в струящийся лесной сумрак. Почудилось, слава богу!

Но ощущение опасности редко обманывает человека.

Стоящие на вышке наблюдатели засекли пролет шара, который мелькнул над верхушками сосен.

И уже старший наряда торопливо докладывает по «сигналке» начальнику заставы. Говорит вполголоса, стоя на коленях в кустах и часто оглядываясь...

5

Застава поднята в ружье!

Разобрав автоматы, пограничники сбежали с крыльца. Главное — перекрыть нарушителю пути отхода!

Из соседнего колхоза спешит подмога.

Дружину содействия ведет Прасковья Гуляева. Ростом она невелика, но голос у нее зычный, а характер беспокойный, несговорчивый. Это она прошлым летом задержала неизвестного.

...Сейчас дружинники закрывают рубеж, чтобы не допустить нарушителя к заливу.

Тревога, будто низовой пожар, раздуваемый ветром, охватывает лес. Какие-то силуэты пронеслись мимо — не то вспугнутые лоси, не то рыси.

Каждым нервом своим ощущает нарушитель: обходят, настигают! Сквозь сердце игой продернулся прерывистый, нестерпимо-высокий звук. Лай! То лают собаки, брошенные по следу.

Нарушитель бежит, пригнувшись, будто падая с каждым шагом. Остановился, повел автоматом. Собака, выскочившая на поляну, с предсмертным визгом покатила в сторону. Ага!

Он опять кинулся бежать, оглядываясь, стреляя из-под руки.

Справа в зарослях сверкнула вода. Вот оно, спасение!

Лесное озеро! Не очень большое и, вероятно, неглубокое. Ничего! Как-нибудь уместится в нем!

На бегу он вытащил маску. Спрятаться в воде! Переждать погоню! Его не найдут, если вода накроет с головой.

Но он не успел взять в рот загубник. Что-то с силой ударило в спину. Он упал.

Над ухом раздалось рычание. Вторая собака, догнав его, зубами и когтями рвала резиновый шланг от баллонов.

Нарушитель выпрямился, стряхнул ее, дал короткую очередь. Потом, бормоча проклятия, швырнул в воду бесполезный акваланг. К черту все, к черту!

Он повернул под прямым углом, побежал налегке.

— Уйду, — пробормотал нарушитель, увидев полосатые столбы. И тотчас же упал ничком. Цепочка маленьких вихрей взметнулась из-под ног, пробежала в траве. Предупредительный огонь! То тревожная группа залегла в кустах, преграждая нарушителю путь отхода.

Он несколько раз пытался встать. Но очередь из автоматов снова и снова настойчиво укладывала наземь.

— Бросай оружие!

Он метнулся в сторону. Споткнулся, упал. Вскочил, опять упал. Еще прополз несколько шагов, уже не видя ничего, царапая ногтями дерн, роя его лбом. Исчезнуть, зарыться в землю!

Не успел подумать, что его избавят от этого труда другие...

Начальник заставы подошел, посмотрел, досадливо крикнул:

— Эх, как же ты его так, Ищенко! Живым надо было. Какой ты неосторожный!

— Та я ж його осторожно, товарищ капитан! — огорченно говорит Ищенко. — Я його по ногам был. А вин якое-то вывернулся у мэнэ зпид мушки...

Фельдшер возится подле двух пограничников, раненных нарушителем. Стрелял-то он хорошо, даже на бегу...

А тем временем идет планомерное и обстоятельное прочесывание леса. В лесу уже светло, хотя солнце еще не поднялось.

6

Прибыв в отряд, Ластиков тщательно ознакомился с выловленным у озера аквалангом, даже примерил на себя. Баллоны были новой, неизвестной ему конструкции, почти плоские. Они очень плотно прилегали к спине, что, по видимому, давало возможность проникать в узкие подводные щели.

Затем командир отряда предоставил в распоряжение Александра «виллис», и тот по прямой лесной дороге, виляя между плитами гранита и длинными узловатыми корнями, за несколько часов доставил лейтенанта на заставу Мурысова.

Пограничники сразу же повели Ластикова к озеру.

— Нет, — сказал Александр. — Озеро подождет. Покажите мне, откуда и как шел нарушитель. Это важно! как он шел.

Обычно шпионы и диверсанты пытаются нарушить границу на стыке двух застав. Стык в их представлении — это что-то вроде межи. А межа всегда хуже обработана, чем поле.

Но в условиях нашей границы аналогия эта не подходит.

И, видимо, прыгун-аквалангист был не глуп. Он избрал другой путь — углубился в лес на участке заставы Мурысова, а потом шел параллельно линии границы, держа направление на лесное озеро.

Александра повели тем же путем.

Судя по всему, нарушитель передвигался короткими бросками. Подпрыгнув, с помощью своего шара пронесился по воздуху, приземлялся. Опять с силой отталкивался ногами от земли и прыгал, как кенгуру. Так он пересек несколько полей. Но кое-где приходилось и ползти.

Что же он сделал, когда понял, что его обходят? По-прежнему пытался прорваться к озеру.

Да, это было непонятно.

Лишь бросив в озеро снаряжение подводного пловца, нарушитель круто повернул — кинулся назад к границе. Вот здесь, уже в виду полосатых столбов, он был убит.

Комментарии на этом закончились, и хозяева с приезжим в молчании вернулись к озеру.

В общем озеро, как и ожидал Александр, было безобидное. Облака плавали не только над ним, но и в нем, доставая до дна. Лишь зубчатая грань разделяла небо и воду. То темнел лес вдаль. Тишина поднималась здесь из самых недр, доверху наполненных спокойными неподвижными облаками.

Присев на валун, Александр вытащил блокнот и быстро набросал кроки местности. Ему, как всякому моряку, легче и проще было изобразить свой маневр на бумаге, чем объяснять его словами. Но в данном случае это был хитрый маневр нарушителя.

Пограничники нагнулись над кроками.

— Что тут? — спросил Александр.

— Соседняя застава.

— А дальше?

— Залив морской. Шхеры.

— Ага!

Прыгун-аквалангист, несомненно, прорывался к заливу. Это был хитро задуманный обходный маневр. Сначала предполагалось путешествие по воздуху на шаре, затем «пересадка» и далее уже морем — с аквалангом под водой.

Где же намечалась «пересадка»?

До залива можно было доехать по лесной дороге, но Александр попросил провести его напрямик — лесом.

На полпути встретил его начальник соседней заставы старший лейтенант Рывчун. Это был коротенький веселый крепыш, немного постарше Александра. Он служил здесь третий год и на своем участке знал каждый камень, каждый кустик — лучше, пожалуй, чем мебель в собственной квартире.

За разговором Александр не заметил, как очутился на берегу второго озера.

Он поднял бинокль, взглянув в противоположный берег. Что-то мучительно знакомое мелькнуло между неподвижными тихими соснами, в очертаниях скал и исчезло.

Начал накрапывать дождь. Вода потемнела, противоположный берег придвинулся. Он был высокий, обрывистый, с осыпями. Сосны клонились в одну сторону.

— Шхеры, — пояснил Рывчун.

Ну, конечно же, не озеро, а шхеры! Их можно запросто перепутать в этом причудливом озерно-шхерном крае. Вдобавок Александр видел шхеры в последний раз ни много ни мало, а семь лет назад..

Когда он и его спутники поднялись на пригорок, перед ними открылся весь просторный залив, ослепительно сверкающий в лучах заходящего солнца. На глади его теснилось множество лесистых островков. Некоторые из них подступали к материковому берегу почти вплотную.

На один из этих островков, таких приветливых с виду, похожих на корзины с зеленью, и стремился нарушитель. Где-то здесь, в зыбком лунном свете, должна была произойти метаморфоза. Кенгуру мгновенно превратился бы в ящерицу, в амфибию.

Но к какому острову стремился нарушитель?

Это-то и надо было узнать.

7

Весь следующий день Александр ходил по берегу вместе с Рывчуном. Начальник заставы то и дело косился на своего спутника. Лицо приезжего моряка было рассеянно, словно бы он что-то припоминал.

— Послушайте! — вдруг сказал он. — За тем вон лесочком — дот?

— Развалины дота, — поправил Рывчун, с удивлением глядя на Александра.

Они миновали развалины дота.

— А тут, по-моему, прожекторная батарея!

И это было так. Вокруг разроскавшихся, сдвинутых в сторону бетонных плит густо разрослись бурьян и мята.

— Где-то должен быть и маячок, — в раздумье сказал Александр, озираясь по сторонам.

— Был манипуляционный знак военного времени.

— Правильно, — пробормотал Александр. — У самой лампы всего темнее.

— Какой лампы?

— Есть поговорка такая. У маяка. Поблизости от него и прятали Винету.

— Выходит, вы уже бывали здесь? — спросил Рывчун, удивленный. — А я-то стараюсь, объясняю.

— Нет, на этом берегу не бывал, — ответил Александр. — Но однажды пришлось сутки просидеть напротив, вон там!

И пейзаж медленно, как вращающаяся сцена, повернулся перед ним на своей оси.

Александр видел однажды этот пейзаж, только очень давно и в другом ракурсе! Берег, на котором они стоят с Рывчуном, был в руках врага. Юнга, «впередсмотрящий всея

Балтики», наблюдал за материковым берегом в бинокль, прячась в кустах на одном из островков. Прошли сутки, наполненные тревогой и ожиданием, и на рассвете, в желтоватой слоистой мгле, неподалеку от шубинского катера, всплыла подводная лодка Цвишена...

Да, несомненно, это произошло именно здесь! Естественно, что и Винета должна находиться поблизости.

8

Александр переговорил с комдивом по телефону, и тот разрешил ему остаться еще на три дня для продолжения поисков.

Через несколько часов приехали из отряда военные инженеры. Вместе с Александром и Рывчуном они облазили на коленях каждый островок в заливе. Никаких следов тайной базы!

А островов девять, и все они гранитные.

На исходе третьего дня обсудили результаты. А что, собственно, обсуждать? Результатов нет.

— Действовать надо фундаментально, — сказал один из инженеров. — Представляете: обстукать, обшарить, а может, и перекопать такой большой район! Почему, кстати, вы думаете, что эта бывшая тайная стоянка — на острове, на одном из девяти островов? Она может находиться и на материковом берегу. Но подходы к ней с суши затруднены. Доступны лишь со стороны моря, аквалангисту.

И с этим тоже нельзя было не согласиться.

На Шубина задержка подействовала бы самым худшим образом. Он рассорился бы с инженерами, бесился бы, убеждал, торопил. Однако Александр обладал большим запасом терпения.

Врагам дали по носу, быть может, даже не один раз, а три, если «заблудившиеся» сейнер и яхта шли по тому же заданию, что и прыгун-аквалангист. После этого естественно было бы притаиться, выждать. А там не за горами и зима. Не полезет же аквалангист под лед?

Зато будущим летом, вероятно, к Винете двинется новый нарушитель с баллонами за спиной.

Значит, встречный поиск, как бывает встречный бой?

Александр представил себе, как торопливо шарят под водой пальцы нарушителя. Омерзительно и страшно прикосновение этих скользких пальцев. Но он, Александр, крепко хватает их! И над тесно сплетенными руками поднимается лицо в зеленой воде — неподвижный стеклянный круг...

Пока же было приказано, не возвращаясь в дивизион, явиться на свой форабль, который уже вышел на охрану морской границы и сейчас находился неподалеку от заставы Рывчуна.

— Не переживай, лейтенант, — сказал Рывчун, провожая Александра. — Устережем твою Винету!..

Корабли пограничной службы беспрерывно двигаются вдоль морской границы, перегораживая залив, сменяя через положенный срок друг друга. Получается нечто вроде скользящей стальной завесы.

Первую свою вахту на корабле Александр нес в качестве дублера при командире.

Выпало стоять «собаку» — самую трудную, нелюбимую моряками вахту — между полночью и четырьмя часами утра. Обычно в это время очень хочется спать.

Но молодому офицеру не хотелось спать.

Никто на корабле не знал, что это не первая его ночь в шхерах. Но как все изменилось с тех пор! Тогда он был лишь «штурманенок». Сейчас он штурман, правда пока только «приучающийся» к делу. Тогда, согнувшись на баке, юнга-впередсмотрящий с тревогой вглядывался во тьму: не вспыхнут ли лучи прожекторов, а вслед за ними горизонтальные факелы выстрелов? Сейчас он «рассказывает» по выборгским шхерам взад и вперед без опаски, как хозяин.

Восточный берег не таит в себе ничего враждебного. Опасность надо ждать с другой стороны. Чужую территорию враги иногда используют как трамплин для воровского прыжка. Прокрадываются к советским берегам издалека.

Нет, Александру совсем не хотелось спать.

В шхерах было очень тихо. Повинуясь негромким приказаниям командира, рулевой осторожно перекладывал штурвал.

Внезапно над водой густо просыпались осенние падающие звезды. «Как салют в День Победы», — вспомнил Александр, и от этого стало хорошо на душе.

Командира сменил на вахте старший помощник. Но Александру все еще не хотелось в каюту.

Светало.

Шхеры выросли на глазах, медленно выплывая из ночи, будто лопнули якоря, удерживавшие на месте гранитный лесистый берег.

Все было в точности, как в 1944 году. Так же тихо струился туман по воде, свиваясь в кольца и развиваясь. И так же неожиданно прорезались в нем остроконечные верхушки деревьев.

Еле слышно приплескивала волна. Тускло-серое зеркало залива начало медленно розоветь.

Вода, гранит, небо почти одного оттенка, брусничного. Это рассвет, самые первые краски рассвета, как бы проба неуверенной кистью.

Потом в воду щедро подбавили золотых блесток...

Неукоснительно строго по расписанию совершается это привычное, но всегда удивительное волшебство: ночь превращается в день!

Можно ли сомневаться в том, что чары спадут, наконец,

с Винеты? Гранит расколется, пойдет трещинами под ногами и...

Такое уверенно-бодрое настроение охватывало всегда по утрам. Александр был молод. И день был молод. У них у обоих все еще было впереди.

ШОРОХИ И ТЕНИ

1

Огромное удовольствие доставляло Александру узнавать шхеры — свои шхеры! Сколько зверья развелось здесь после войны! А быть может, оно все время было в шхерах, только попритихло, запряталось в укромные уголки? И вот скопом вышло из чащ, когда кончилась война.

Животные вели себя удивительно храбро. Казалось, Карельский перешеек превратился в один огромный заповедник.

Был тут один лось, по которому проверяли часы. Дважды в день он являлся на маленькую железнодорожную станцию в лесу, точно к приходу поезда. Пассажиры, подъезжая, высматривали его из окон: «Вот он! Мчится со всех ног! Услышал гудок!»

На станции поезд стоит три минуты. Угощение припасено заранее — лось популярен по обе стороны границы. И, кивая головой с ветвистыми рогами, он снисходительно принимает — иногда даже из рук — дань своему величаво царственному великолепию.

Александру рассказали также о зайце, который жил на одной заставе. То был добрый малый, судя по воспоминаниям, очень общительный и хлопотливый. Он поднимался раньше всех, вприскокку отправлялся на стрельбы с пограничниками, а когда они возвращались, озабоченно прыгал перед строем. Завтракал, обедал и ужинал вместе со всеми, спать устраивался в ногах на чьей-нибудь койке.

Можно представить себе, как любили этого наивного серого затейника.

Он стал жертвой собственной добросовестности. Как-то потешая общество своими прыжками, прыгнул слишком высоко, ударился носиком о палку, которую держал над ним один из его приятелей, и упал. Вначале думали, что заяц притворился мертвым — такова была одна из его затей. Потом поняли, что общий любимец погиб.

Но звери на перешейке служат не только забавой. Они доставляют и немало забот.

Лоси, пробегая по лесу, задевают сигнальный провод, и начинается трезвон, который поднимает заставу в ружье. Рысь переходит контрольно-следовую полосу, заботливо вспаханную и проборонованную на всем протяжении границы, и после этого над отпечатками осторожных лап, похожими на королевский знак лилии, долго в раздумье стоят сле-

допыты: зверь ли прошел, нарушитель ли, прикинувшийся зверем?

Сейчас уже считается безнадежно старомодным напирать на руки и ноги когти или копыта, чтобы на четвереньках перебираться через контрольно-следовую полосу. Но среди нарушителей могут найтись и ретрограды. «По старинке работают, отсталые», — с пренебрежением говорят в таких случаях.

Вскоре Александр перестал чувствовать симпатию к лосям. Произошло это после истории с радиолокатором. Потом в кают-компании шутили, что тот работал слишком четко.

Еще во время практики Александр восхищался этим удивительным прибором, который одинаково хорошо «видит» днем и ночью, в снегопад и в туман. Зоркий радиоглаз, укрепленный на мачте, непрерывно вращаясь, «осматривает» пространство вокруг корабля. Радиоволны разбегаются от него в разные стороны и, натолкнувшись на преграду, спешат обратно. А в рубке на экране появляются пятна и пятнышки, отсветы этих преград.

Александр заворожено следил за тем, как вертится светящаяся линейка-указатель, пересекая концентрические круги, определяющие расстояние. Вдруг хлопотливый лучик осветил пятнышко, которого не было раньше на экране, торопливо побежал дальше, приблизился, снова осветил его. Пятнышко передвинулось. Оно находилось в пределах девятого круга, то есть в девяти кабельтовых от корабля.

Передвинулось? Стало быть, не риф, не остров? Впрочем, это ясно и так. На карте ближайший остров, один из группы прибрежных островов, расположен значительно дальше.

— Неопознанная цель, товарищ лейтенант! — доложил радиометрист.

— Вижу. Скорость движения цели?

Мгновенный подсчет.

— Три узла!

Шлюпочная скорость! Неужели нарушитель в шлюпке?

Дрожа от волнения, Александр вышел из рубки и доложил о движущейся цели командиру.

Тот с сомнением посмотрел на него. Но нетерпение молодого штурмана было заразительно.

— Курс двести тридцать! Полный вперед. Боевая тревога!

Палуба еще сильнее задрожала под ногами. Из люков начали выскакивать матросы. Пограничный корабль лег на курс сближения.

— Везет вам, товарищ лейтенант, — с уважением заметил сигнальщик. — Всего неделю у нас, а уже зверя заповевали!

— Это точно, что зверя, — подтвердил командир, не отрываясь от бинокля. В голосе его прозвучали веселые интонации. Александр поспешил поднести к глазам бинокль.

Высоко держа гордые головы над водой, пересекали пролив лоси: самец и две самки. Вероятно, животные перебира-

лись с острова на остров в поисках корма. Красно-бурые, нарядные, яркие, как осенние листья, они спокойно плыли по воде и даже не отвернули, увидев корабль, только надменно покосились на него.

— Ну, ну! С кем не бывает, — утешил Александра командир. — На Дальнем Востоке со мной был тоже случай...

— Лося?

— Утки. Летела, можете себе представить, стая диких уток, штук двести или триста. Низко над водой летела, и притом с большой скоростью — до пятидесяти узлов... А это чья скорость?

— Торпедный катер, — четко, как на экзамене, ответил Александр.

— Правильно. Пост СНИС дает неопознанную быстродвижущуюсь цель. Тревога! Мы наперехват!.. Э, да что говорите! Хорошо, хоть самолет не подняли в воздух!

У Александра отлегло от сердца.

— Зря потревожил я вас, — смущенно сказал он.

— Не зря! Нет, не зря! — энергично возразил командир. — Лучше сто раз за лосями или утками сгонять, чем один раз нарушителя пропустить. В нашем с вами деле излишней бдительности нет и быть не может! Ходим по границе, по красной черте...

2

Лето в этих местах красиво, но беспокойно. Чарующая игра света и тени — это ведь и естественная маскировка. Нарушитель в камуфлированном костюме может стоять рядом, между стволами деревьев, в чуть подрагивающей сетке солнечных пятен, и остаться незамеченным, как притаившийся в листве ягуар или тигр.

А осенью шхеры ржавеют. Багряные, буро-зеленые и золотые полосы в разных направлениях прорезает вода.

Порой начинает моросить дождь. Потом ветер в нескольких приемах срывает разноцветную сеть с островов.

Теперь нарушителю уже не нужен его камуфлированный костюм. Он укутывается в туман, как в плащ. А дождь услужливо смывает за ним следы.

В ту пору на море клопочут штормы.

Но вот и дожди кончились. Над Карельским перешейком медленно оседает облако снегопада. Гранит и топи устилают белизна. Воду в проливах и заливах затягивает льдом.

Если нарушитель рискнет пойти по льду, то будет пробираться вдоль берега, косясь на приметные ориентиры, чтобы не сбиться с пути.

Подобно волку, он любит метель. Она заодно с ним. Не нужно возиться с веником, оборачиваясь через каждые два-три шага и заматывая снег за собой. Метель сама заметет, загладит предательские следы.

Но радиолокаторы не дремлют. Случается, что пограничникам приходится вставать на лыжи и «доставать» нарушителя с боем на восторошенном льду.

Корабли пограничной службы бездействуют в эту пору.

Александр показался товарищам по дивизиону немного тяжелодумом, замкнутым и немногословным.

Тому было несколько причин. Из двадцати двух лет своей жизни девять он провел на флоте, считая и пребывание в училище. Это были годы отрочества и юности, когда складывается характер. Александр рано возмужал. В гвардейском дивизионе торпедных катеров его окружали суровые вояки, которые были, можно сказать, запанибрата со смертью. В шлифовке характера, несомненно, сыграл свою роль и «Летучий голландец». Многолетнее соседство с тайной сказывается — приучает к внутренней собранности.

Тяжелодум? Скорее, однодум, как бывают однолюбы. Нужно только указать ему цель. И уж он стремился к ней неуклонно, методично, не отвлекаясь ни на что другое, чужинным плечом расшвыривая все препятствия на пути.

Шубин сравнил бы его с торпедой. И в этом не было ничего обидного для Александра, потому что командир его говорил ласково-уважительно: «умница торпеда».

Летом 1952 года предстояли окружные спортивные соревнования. Ранней весной, когда лед еще сковывал море, командир отправил Александра в Ленинград для тренировки.

Неожиданно его соседом по общежитию оказался старый знакомый — Рывчун. Он занимался самбо.

Тренировкой динамовцев-самбистов, по словам Рывчуна, руководил участник войны, бывший полковой разведчик, человек уже не молодой, лет около пятидесяти. Недавно он возвращался ночью из гостей. В безлюдном переулке трое преградили ему дорогу. «Вытряхивайся, старичок, из шубы!» — предложил главарь. А двое других неторопливо зашли со спины — «помочь».

— Не знали, дурни, кого затрагивают. самого Ивана Афанасьевича! — смеясь, сказал Рывчун. — Раскидал их, как котят. Потом уж опомнились, в милиции. Сидят на скамейке все в ряд и глазами на нашего тренера хлопают — вот-те и старичок!

Это заинтересовало Александра. Несколько раз он сопровождал Рывчуна на занятия самбо. Вначале наблюдал, как мелькают крепко сбитые тела, слушая подстегивающие возгласы: «Хорош захват!», «Теперь подсек!», «Перевел на боевой прием! Все!» Потом мускулы спортсмена нетерпеливо запросились на середину зала. Рывчун с разрешения инструктора показал Александру несколько приемов.

— Реакция быстрая у тебя, — одобрил он. — Но слишком много силы пускаешь в ход. А большинство приемов построены как раз на том, чтобы на пользу себе обратить силу противника...

В свою очередь, Александр пригласил Рывчуна в бассейн для плавания.

— Наша вода в 17.00, — предупредил он. — Не запаздывай! Вода в бассейне нарасхват.

Последний год в училище Александр держал первенство

по плаванию. Он и до этого плавал хорошо благодаря требовательности Шубина. Но лишь перебросив баллоны через спину, а на ноги натянув ласты, ощутил по-настоящему радость пловца.

Рывчун смиренно сидел на скамейке, поджав под нее ноги в калошах. (Гостям выдавали калоши.) Из бассейна длинными всплесками выбрасывалась вода. На полу растеклись лужи. Стоял вокруг стоял от командных возгласов, плеска, быстрых ударов по воде.

Бассейн был подсвечен изнутри. Гибкие тени скользили взад и вперед, будто рыбы в аквариуме.

— Ну как? — спросил Александр, снимая баллоны и усаживаясь рядом с Рывчуном.

— А ты, я замечую, целеустремленный человек, — сказал тот, прищурясь. — У тебя не окружные соревнования на уме, а что-то другое. Я знаю что. На новую встречу надеешься, на счастливый случай?

— Случай? — Александр с достоинством выпрямился. — Насчет случая мой профессор так говорит: «Слабый ищет случая. Сильный его создает».

ПОЧЕРК ЦВИШЕНА

1

В начале лета предполагалось приступить к планомерному обследованию шхер в районе заставы Рывчуна. Но события опередили пограничников.

Александр вызван к комдиву.

По тому, как спокойно тот держится, подчеркнуто неторопливо закуривает, Александр понимает, что дело срочное, важное и, вероятно, связано с Винетой.

Так и есть.

— Новое поручение для вас!

Многозначительная пауза. Но, беря пример с комдива, Александр уже научился при любых обстоятельствах сохранять спокойствие. Комдив благосклонно кивает.

— Да, по вашему особому департаменту. Не аквалангисты. Пока не аквалангисты. Какой-то черный макинтош.

— Опять у Мурысова?

— Нет. Рядом. Рывчун доносит, что на том берегу замечено подозрительное «шевеление». Прибыл какой-то черный макинтош. Из соседней гостиницы для туристов. Вы ведь любите ловить рыбу? — неожиданно спрашивает комдив.

Александр удивлен:

— Рыбу? Я бы этого не сказал.

— Почему?

— Да как-то не волнует, товарищ комдив.

— То есть как не волнует?! — Комдив повысил голос. — Вас это не может не волновать! Вы же заядлый рыбак!

Уверяю вас! Вот и отправляйтесь на рыбалку к Рывчуну. Завтра, кстати, воскресенье. Не будем раньше времени поднимать шум. Может, все это зря. Поняли?

— Так точно. Понял, товарищ комдив...

Вообще-то жить на Карельском перешейке и не увлекаться рыбной ловлей выше сил человеческих.

Еще весной в Ленинграде Рывчун настойчиво приглашал Александра к себе.

— Лежи у нас — во! — соблазнял он. — И щуки есть. Метра в два! Не веришь? Ну, пусть будет полтора. А окуньки, те, брат, сами в лодку сигают. Ей-богу, не вру! Побывай у нас — убедишься! Лучше приезжай вечером под выходной. Перевернем с тобой чарочку, заночуем, а в два часа утра, хочешь не хочешь, а разбуду. И позорюем!

Так у них все и пошло: по расписанию.

Приятель согласно программе перевернули чарочку, отужинали, присели на крылечке посумерничать.

Быстрый дождик прошел. Небо июльское, очень яркое, желто-зеленое. Облака разметались по нему оранжевыми и красными прядями. Солнце село, но еще светло.

Наряды уже ушли на охрану государственной границы. Оставшиеся пограничники разбрелись по двору.

Несколько человек уселись с книжками на высоком камне. Пока светло, в помещение не тянет.

В другом конце двора происходит коллективная — всей заставой — стрижка Вовки, трехлетнего сына замполита. В руки он дается одному лишь старшине, а тот был в отпуске, только что приехал. За это время малыш зарос, как дикобраз. Сейчас он сидит на коленях у старшины, щелкающего ножницами, и, нагнув голову, рыдает басом. А вокруг толпятся его взрослые приятели и хором уговаривают:

— Ну, Вовка! Не плачь, Вовка! Давай, Вовка!

Вполуха Александр слушает вечерние мирные звукиходящей ко сну заставы. Постепенно шум глохнет. Краски блекнут, со стороны залива медленно наплывает туман.

2

На противоположном берегу залива живут хуторяне. Народ хороший. Не очень веселый, зато степенный, работающий. Есть победнее среди них, есть побогаче.

По хуторам кочуют странствующие батраки — совсем уж невидаль для советского человека. Приходят в поисках работы издалека, с другого конца страны, и все имущество умещается у них в небольшом сундучке да в карманах просторной суконной куртки.

Перед глазами пограничников проходит череда сельскохозяйственных работ: пахота, сев, сенокос, снова пахота. Земля для прокорма маловато. Но ведь есть еще вода. На расвете и под вечер, хлопотливо стуча моторами, выходят в залив рыбацьи лодки.

В праздничные дни на той стороне устраиваются гулянья или состязания в лодках под парусами. Соседи любят спорт.

На лесистой горе темнеет пятиэтажное здание. Это гостиница для лыжников и туристов. Сюда приезжают не только из соседнего городка и даже не только из столицы, но и иностранные туристы.

По возвращении на заставу старший наряда обстоятельно докладывает обо всем, что довелось видеть. Память у пограничников цепкая, хорошо тренированная.

— Доктор на тот хутор больше не приезжал. Но мальчонка еще ходит с перевязанной рукой. К хозяину поступили два новых батрака. Снова приезжал человек в черном клеенчатом плаще. Неизвестно, из города или из гостиницы. Машина у него микролитражка, темно-коричневая. Наблюдал за нашим берегом в бинокль, прячась на сеновале. После обеда обратно наблюдал — уже через окно. Хозяин ему что-то объяснял. А вечером дед, хозяйкин отец, удил рыбу с лодки...

Положено докладывать обо всем, что заслуживает внимания, в том числе и мелочи. Кто их знает, может, только с виду мелочи? А присмотришься да сопоставишь с другими мелочами, вдруг и выйдет важное!

В общем картина открывается однообразная. Происшествий почти не бывает.

Но недавно в воскресенье случилось происшествие, и очень печальное.

Утром, как водится, хуторские жители отправились в кирку. Звонарь зазывал их колокольным перебором.

— Ишь, вызванивает, — одобрил один из пограничников. — Чистенько выбивает сегодня! — Он сказал это тоном знатока, хотя до прихода на границу и не слыхивал колокольного звона.

А после богослужения начался сельский праздник. Тут-то, во время катания на лодках, и случилось несчастье. Оно случилось за мыском — пограничники не видали подробностей. Сначала за деревьями белел парус. Потом смотрят: нет паруса, исчез! Ну, значит, спустили его спортсмены. И вдруг к мысу гурьбой понеслись лодки. Туда же побежали люди по берегу, некоторые с баграми. Пограничники поняли: лодка перевернулась!

Подтверждение пришло на следующий день. С той стороны сообщили через пограничного комиссара, что утонули двое: девушка и молодой человек. Просили принять участие в поисках.

Застава тотчас же откликнулась. Несколько пограничников прошли вдоль нашего берега, осматривая заросли камыша и бухточки, куда могло прибить трупы течением. Ничего обнаружить не удалось.

Обычные доклады приобрели грустную окраску:

— Сегодня мать водили под руки по берегу. Или его мать, или ее. Очень плакала.

— Опять водолазов привозили из города. Все ищут. Родственники сильно убиваются.

Но на третий день поисков к берегу кого-то прибило. Пограничный наряд видел, как рыбак, удивший с мостков,

бросил удочки и побежал, нелепо размахивая руками. Собралась толпа. Она долго стояла у воды, потом двинулась к домам. Что-то несли, тесно сгрудившись. Простыня, нет, подол белого праздничного платья волочился по земле. То была утопленница.

— Как Офелия, — дрогнувшим голосом добавил пограничник, за что получил замечание.

— Вы свои поэтические сравнения — в стенгазету! Офелию, товарищ Кикин, в рапорт не надо...

Спутника девушки так и не нашли...

3

Мертвец всплыл именно в эту ночь.

Он всплыл метрах в ста от нашего берега, напротив бухточки, осененной тенистыми деревьями, где и добавок камыши гуще, чем в других местах.

Заметили утопленника не сразу — он очень долго покачивался посреди плеса, словно был в нерешительности.

Ночь лунная, но небо сплошь затянуто облаками. Свет какой-то рассеянный, колеблющийся, тускло-тоскливый.

Пограничный наряд медленно проходит вдоль берега, прячась за кустами.

Чтобы прогнать тоскливое чувство, более молодой пограничник начинает разговор вполголоса:

— Тут старший лейтенант недавно треску подлавливал. На спиннинг. Однако не пошла. Все нервы ему повыдергивала. Играла-играла. Так, играючи, и ушла.

— Тише ты! — останавливает старший. — Посмотривай!

На плесе играет большая рыба, может — та самая, что «все нервы повыдергивала». Взблескивает плавник. Раздается характерный шлепок хвостом по воде.

Опять тускло блеснул плавник. Что это? Неужели не плавник — рука?!

Пограничники, не сговариваясь, разом присели. Из-за кустов неотрывно наблюдают за диковинной рыбой.

Все-таки, пожалуй, не рыба. Скорее пень с торчащими короткими корнями. Подмыло его весной в ледоход, и вот носится как неприкаянная душа.

Покачиваясь с боку на бок, пень неторопливо пересек залив.

У гряды подводных камней, очерченных рябью, надо бы этому пню остановиться. Течение завихряется здесь. Над камнями постоянно кружатся щепки, ветки, пучки водорослей. Но он не задержался — плывет дальше.

Напряженный шепот в кустах:

— Человек?!

— Умолкни ты!

«Пень» продолжает приближаться к нашему берегу.

Сейчас подплывет, распрямится, «обернется» человеком. Потом человек сгорбится, «обернется» зверем и на четве-

ренках, со всех ног, обутых в медвежьи или собачьи когти, побежит в лес.

«По старинке, однако, работают», — хочет сказать младший пограничник, но ему перехватывает дыхание.

Нет! Это не человек, притворившийся пнем. Это мертвец! Он плывет на спине, закинув голову. В затененном, словно бы из-за штор, лунном свете лицо видно неясно. Однако угадываются неживая белизна, пугающая, зловещая остоенелость скул, носа, подбородка.

Мертвец плывет навзничь, чуть покачиваясь, как на ка-тафалке. Лоб его пересекает узкая темная полоса, не то запекшаяся рана, не то водоросли.

Пограничники ждут, не шелохнутся, будто вросли в землю.

Встревоженно бормоча, волна подносит мертвеца все ближе.

Заскрипел песок. Волна протащила труп еще немного. Ноги остались в воде, туловище уже на берегу. Оно лежит так близко, что можно дотянуться до него стволом автомата.

Держа палец по-прежнему на спусковом крючке, младший пограничник всматривается в запрокинутое лицо. Оно страшно. Бело и неподвижно.

Пограничники ждут. Незаурядное терпение надо воспитать в себе пограничникам!

Проходит еще минут пять... Младший, пожалуй, поверил бы мертвенной неподвижности и вышел бы из-за кустов. Но старший опытнее. Что это свернуло тогда над водой? Рука?

Утопленник пошевелился.

Нет! Его качнула волна. Она медленно переворачивает труп на бок, кладет на живот. Однако волна-то ведь совсем маленькая?..

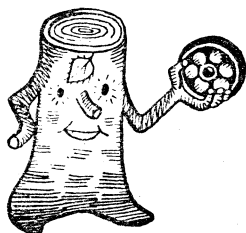
Пограничники ждут.

Очень жутко наблюдать за тем, как оживает мертвец. Медленно-медленно поднимает голову. Оперся на локти. Замер в позе сфинкса.

Это поза ожидания и готовности. Малейший подозрительный шорох на берегу — и мнимый мертвец отпрянет, извернется угрем, в два-три сильных взмаха очутится в безопасности на середине плеса...

(Окончание следует)

ПОДШИПНИКИ ИЗ БЕРЕЗЫ

Из чего изготавливаются подшипники? «Странный вопрос, — пожмет плечами иной читатель, — конечно, из стали или бронзы».

А попробуйте представить себе эти детали; сделанные из березы. Трудно, не правда ли? А между тем именно такие скользящие подшипники были сконструированы недавно. И вот что удивительно. Эти деревянные подшипники служат в два с лишним раза дольше бронзовых. При эксплуатации их на тихоходных станках поверхность вала за два года изнашивается всего на десятую часть миллиметра.

Цветы на снегу

Знаете ли вы, что на побережье Берингова моря растут цветы в снегу? Советскими учеными на берегу Берингова моря недавно был открыт новый сорт рододендронов. Это похоже на сказку — само растение расчистило себе место в снегу и расцвело.

Происходит это потому, что северный цветок сам излучает тепло, полученное от солнца, и растапливает снег вокруг себя.

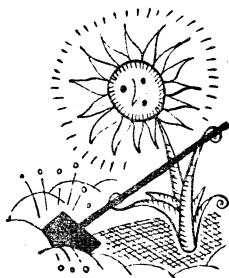

Рис. В. СТАЦИНСКОГО

Рис. С. ПРУСОВА

СРОК

ОДНА МИНУТА ШЕСТОГО

В такси Куин раздумывал над сложным маневром Холмза. Тот боялся попасть в ловушку и, чтоб избежать ее, заставил Куина уйти из того места, откуда он звонил, в кафетерий. Там он, невидимый, осмотрел его, но так как не был абсолютно уве-

Окончание. См. «Искатель» № 2, 3, 4.

рен, что Куин один, хотя и казалось, что это так, перенес встречу в третье место. Это давало Холмзу возможность приехать туда раньше и удостовериться, что вокруг никого нет. Куину пришлось бы расставлять сообщников на виду у своей богатой жертвы.

Куин доехал до 51-й улицы за пять-шесть минут, не больше. Этот бар походил на старомодный ночной клуб, какие существовали три десятилетия назад. Он помещался в первом этаже каменного дома, а вход был через подвал. Над дверью ви-

ИСТЕКАЕТ НА РАССВЕТЕ

села неоновая вывеска, освещающая вход, но официальное время закрытия уже давно прошло, и вывеска не горела. Большинство посетителей уже ушло. Но он выскочил из такси и вошел. Все равно.

В маленьком кабинете лицом ко входу в одиночестве сидел человек. Его волосы серебрились у висков, он носил очки без оправы, что придавало ему довольно солидный вид — слишком солидный, чтоб сидеть с таким видом в одиночестве в баре около пяти часов утра. Он обхватил рукой бокал. Второй стоял на другом краю стола. Когда вошел Куин, он незаметно поднял палец. Куин подошел, остановился и посмотрел на него. Тот сидел, глядя снизу вверх. Минуту они молчали. Человек за столом заговорил первый:

- Вы Куин, надо думать?
- Я Куин. А вы Холмз?
- Сколько вам стоило такси?
- Шестьдесят центов.
- Вот деньги.

Он выкатил монеты из желобка ладони, будто монеты были чем-то жидким. Куин сбегал к такси и сразу вернулся. Холмз жестом указал ему на стул.

— Садитесь.

Куин неуверенно сел, придвинувшись к столу, подальше от стены. Снова они посмотрели друг на друга, парень лет двадцати пяти и мужчина, которому было пятьдесят, а может быть, и больше. Холмз был более опытен. Это проявилось почти тотчас. Он держал ситуацию в руках, даже эту ситуацию, которая была не в его пользу. Даже добродетель не может заменить жизненный опыт.

— Вот, выпейте, — сказал он. — Я должен был заказать заранее, чтобы мне разрешили здесь остаться. Бар закрывали.

Смешно — вдруг он что-нибудь насыпал в бокал? Это было бы похоже на 1910 год.

Холмз, видно, прочел его мысли.

— Возьмите мой, — сказал он, — я еще не пил.
Он взял бокал, который стоял перед Куином, и отпил из него.

— Когда вы выскажетесь? — спросил Холмз насмешливо.

Куин осмотрелся. «Неподходящее место, чтобы его сцапать. Я здесь с ним ничего не сделаю. Нельзя было позволять ему выбирать место».

Снова Холмз, казалось, прочел его мысли:

— Хотите выйти отсюда? Сядем в машину, а?

— Не знал, что у вас есть машина. Почему же вы не посадили меня сразу, а гоняли туда и обратно?

— Хотел сначала узнать кое-что о вас.

«И до сих пор не знаешь», — со злорадством подумал Куин.

Холмз выпил свой бокал до дна, поднялся, снял с крючка светло-серую шляпу и надел ее с такой тщательностью и точностью, будто покидал деловой завтрак, состоявшийся в полдень, а не место вынужденного свидания почти на рассвете. В шдяпе он выглядел немного менее солидным, но только немного. Это все еще был с ног до головы достойный, надменный деловой человек. Он направился к выходу, невидимые вожжи всей ситуации все еще были крепко зажаты в его руках. Куин поднялся и шагнул следом, оставя свой бокал нетронутым. Затем оглянулся и посмотрел на бокал. «Это мне может пригодиться, если что-нибудь произойдет, — подумал он. — У меня внутри какое-то ощущение пустоты».

Он вернулся к столу, двумя длинными глотками осушил бокал и направился за Холмзом. Сразу же ему стало лучше, он почувствовал, что справится. Машина стояла недалеко от входа. Холмз уже был возле нее.

— Я не собирался торопить вас, — сказал он светским тоном.

Куин разрешил ему тронуть машину с места, затем спросил строго:

— Куда вы едете?

— Просто покатаемся немного. Я подумал, что мы не можем разговаривать, если машина стоит у тротуара в такое время, — подойдет полицейский и станет совать свой нос.

— Ну и что в этом такого? — отрезал Куин.

Холмз улыбнулся асфальту, простиравшемуся перед их наступающим буфером, будто видел что-то смешное, а там ничего не было — асфальт, как и всякий другой. Машина направилась на запад. Оба молчали. Куин подумал: «Я разрешу ему начать. Почему я должен облегчить ему положение? Он должен будет начать рано или поздно. Это игра. А у меня на руках — карты, несущие тюрьму и казнь, — так, во всяком случае, предполагается».

Что бы там ни думал Холмз, на лице его это не отражалось. Он повернул на север, на 60-ю улицу. Они проехали ее, затем наугад повернули на восток. Все экспромтом. Куин мог догадаться об этом по резкому повороту руля в самый последний момент. Они проехали прямо примерно к 5-й авеню, затем повернули на север; наконец он, очевидно, что-то решил и завернул на какую-то улицу, которая упиралась в склон, сбегавший под мост через Ист-ривер, и остановился у самого края, у во-

ды. Здесь, где не было никакой ограды. Просто своего рода причал, поднимающийся над блестящей темнотой реки. Он остановился только тогда, когда передние шины прижались к низкому каменному бортику пристани. Куин молчал. Он думал: «В твою игру могут играть двое».

Холмз заглушил мотор и выключил фары. С воды исчезла филигранная инкрустация, но вода чувствовалась по запаху, а время от времени она издавала коротенькие хихикающие звуки, как маленький ребенок.

— Вы довольно близко подъехали к краю, не правда ли?

— Тормоза в порядке. Вы не волнуетесь, а?

— Нет, я не волнуюсь, — сказал Куин спокойно. — А что, мне следует волноваться?

Холмз немного наклонил голову.

— Зачем вы смотрите на часы?

— Я пытался сосчитать, сколько времени прошло с тех пор, как мы увиделись в баре.

— Двадцать минут, — сказал Куин, — и все должно было бы уже кончиться.

— Так и будет. У вас есть чек? Сколько вы хотите за него?

«Что-то не так. Я веду себя неправильно, я занимаю не ту позицию. Интересно, как это ему удалось взять верх?» — подумал Куин.

Холмз ущипнул себя за переносицу, нагнулся вперед и зашептал какой-то бумагой возле самой приборной доски.

— Вот двести долларов, — сказал он. — Давайте чек.

Куин не ответил. Холмз повернулся и посмотрел на него.

— Двести пятьдесят.

Куин не ответил.

— Сколько вы хотите?

Куин заговорил медленно и тихо, теперь был его ход.

— Почему вы думаете, что я хочу за него деньги?

Холмз вопросительно посмотрел на него.

Куин продолжил:

— Вот что я за него хочу: я хочу получить письменное признание, что вы сегодня ночью убили Стивена Грейвза. Если я не получу этого, тогда я и вас и чек — обоих — отвезу в полицию.

Нижняя челюсть Холмза пыталась сомкнуться с верхней и все время отваливалась.

— Нет, обождите, — повторил он два или три раза, — нет, обождите!

— Вы там были сегодня ночью, мистер Холмз?

Внезапно челюсти крепко сомкнулись — так крепко, что ни слова не проходило сквозь них.

— Он там лежит мертвый, и вы тот человек, который это сделал. Ведь вы же не думаете в самом деле, что я нашел этот чек катающимся по городу в такси? Неужели вы так думаете? Где, вы полагаете, я нашел его? Там, где я его нашел, лежал труп Стивена Грейвза.

— Вы лжете! Вы пытаетесь провести меня на том, о чем вы не можете знать никак!

— Я был там.

— Вы там были? Вы лжете!

— Вы и он сидели лицом к лицу в кожаных креслах, в комнате на втором этаже, в кабинете. Он выпил, а вам не предложил. Он закурил сигару, но вам не предложил. Вы сжевали свою собственную в клочья. Я даже могу вам сказать, какой марки была сигара, — «Корона». Я даже скажу вам, как вы были одеты: на вас был коричневый костюм. Когда вы пошли на свидание со мной, вы переоделись в серый, но тогда на вас был коричневый костюм. На левом рукаве нет пуговицы. Не пытайтесь сунуть руку в задний карман! Ну что, лгу? Теперь вы верите, что я там был? Теперь вы верите, что я видел его мертвым и знаю, что вы убили его?

Холмс не отвечал; он снова наклонил голову.

— Бросьте смотреть на часы, ваши часы вас не спасут.

Холмс, наконец, заговорил:

— Нет, мои часы меня спасут. Вы еще ребенок, вот что! Господи, мне почти что жаль тебя, сынок. Не знал я, что ты так молод, когда говорил с тобой по телефону.

Куин мигнул несколько раз.

— У тебя неприятности с глазами, а? Огни на приборной доске окружены кольцами, а? Как большие мыльные пузыри. Вот что...

— Что — «вот что»?

— Видишь, ты слишком много говорил. Ты договорился до могилы. Если бы ты держал язык за зубами, я бы и в самом деле поверил, что ты нашел этот чек в такси. Ты бы заснул здесь, в машине, и через два часа проснулся бы на берегу реки, здесь, без чека, но в остальном невредимый, даже может быть, с десятидолларовой бумажкой в кармане. Что, голова очень много весит? Слишком тяжела для твоей шеи? Она все время опрокидывается, словно сделана из камня, а?

Куин ткнул себя в подбородок; голова откинулась. Холмс отечески улыбнулся.

— Если бы ты пил из своего бокала, этого бы с тобой не случилось, все было бы в порядке. Ты был подозрителен, но недостаточно подозрителен. Ты взял не свой бокал, а мой. Я шахматист, а ты, очевидно, нет. Играть в шахматы — значит уметь разгадать ход противника еще до того, как он его делает.

Он замолчал и снова посмотрел на Куина.

— Что, галстук слишком тесен? Правильно, опусти узел. Порви ворот рубашки. Правильно! Хотя это не очень помогает, а? Ничем не могу помочь. Ты заснешь здесь, в машине, а потом отравишься в реку, и от тебя не останется никаких следов. Я заберу у тебя чек прежде, чем это произойдет; не беспокойся, я найду его, он ведь у тебя здесь. Ты не пришел бы, если бы его у тебя не было с собой. Вероятно, ты его засунул в башмак? Это именно то место, которое молодой человек твоего типа посчитал бы очень подходящим тайником.

Куин оторвался от сиденья и стал нащупывать ручку двери, но повалился. Холмс ухватил его за пояс и подтащил обратно на сиденье, как мешок.

— Какой смысл пытаться вылезти? Даже если бы тебе удалось это сделать, ты все равно не сможешь больше стоять. Ты упал бы на мостовую, только и всего.

Нога Куина согнулась раза два, пытаясь поднять его. Холмс повернул рычажок и опустил оконное стекло.

— Пытаешься выбить стекло? У тебя нет сил для этого!

Внезапно он обернулся и схватил Куина за руку.

— Что это? Столовый нож? Что ты можешь им сделать?

Он выбросил нож в окно.

— Слышал плеск? Там перед нами вода — вот эта прямая черная полоска, которую ты видишь как раз над радиатором.

Он откинулся к стенке с видом терпеливого ожидания.

— Теперь ты уже совсем не можешь двигаться, да? Вот и правильно. Водишь рукой так лениво, будто отмахиваешься от комаров. Вот почти и все, что ты еще можешь сделать.

«Все-таки я успел узнать, — подумал Куин, — что я был на правильном пути... но я узнал слишком поздно».

— Вам не удастся это сделать, мистер! — пробормотал он сквозь сон, в то время как его голова опустилась в последний раз. — Брикки все знает. Нас двое, я не один... теперь...

ДВАДЦАТЬ ОДНА МИНУТА ШЕСТОГО

Брикки стояла в темноте стенового шкафа, связанная, беспомощная. Теперь уж они наверняка не успеют на автобус. Бедный Куин! Будет ждать ее там, в доме Грейвза, в обществе мертвеца, пока не наступит день, пока кто-нибудь не заглянет туда. И начнется суматоха, и его арестуют... И все кончится. Ему никогда не удастся победить город. В конце концов ни эта женщина, ни ее партнер не оставили ничего такого, что могло бы их уличить. Ничего похожего на взломанный сейф — след, который оставил Куин. Она может потом обвинять их сколько угодно, если, конечно, она останется в живых. Но это ничему не поможет. Ее слово ничего не стоит.

Уходили драгоценные минуты, минуты, которые можно сравнить с каплями крови из сердца. Должно быть, сейчас уже половина шестого. Через десять минут она и Куин должны были отправиться на автобусную станцию... Теперь уж этого не произойдет. Ей следовало догадаться, что город их все равно перехитрит. Городу всегда это удавалось. Они ведь просто парень и девушка из маленького городка. Как могли они бороться против такого врага? Куина казнят на электрическом стуле, а она навсегда останется грубой, злой наемной партнершей в дансинге — в заведении, больше похожем на конвейер, чем на место для развлечения. Навсегда. Без надежд, без мечтаний...

Проходили драгоценные минуты, которые нельзя было остановить и нельзя было выкинуть.

Внезапно дверь в комнату отворилась, и кто-то вошел. На мгновение дикая надежда мелькнула у нее в голове. Ага, счастливый конец, как в рассказах, как в кинофильмах! Кто-то пришел сюда, чтобы освободить ее в последнюю минуту. Пьяница-дежурный решил посмотреть, что произошло, — он заподозрил их, потому что она не вышла с ними. Или даже, может быть, сам Куин, которого привело сюда какое-то чудесное шестое чувство...

Потом раздался голос, голос, хрипящий от бешенства. И все

надежды исчезли. Это был Грифф, сообщник Бристоль. Они вернулись, чтобы прикончить ее тут же, на месте!..

— Почему ты об этом не подумала раньше, дура?! Башка у тебя не работает?!

— Сейчас я из нее все вытрясу, — пригрозил решительный голос Бристоль. — Я бы и тогда у нее узнала, да ты вышел из ванной слишком рано. Ведь что-то подсказало ей — как могла она узнать мой адрес?..

Дверца шкафа открылась, и ослепляющий свет заставил ее на минуту закрыть глаза. Она почувствовала, что ее освобождают от петли, которая держала ее у стены. Ее вытащили, сорвали повязку, чтобы она могла говорить.

— Попробуй только крикни, и я тебя быстро... — угрожающе сказала Бристоль и подняла руки.

Брикки не могла кричать, даже если бы захотела.

Бристоль схватила ее за волосы и оттянула голову назад.

— Ну, только не увливай! Я вот что хочу знать: откуда ты узнала обо мне? И откуда ты узнала, где я живу? Я буду рвать твои волосы, пока ты мне не скажешь всю правду!

Брикки ответила сдавленным, но решительным голосом:

— Ты уронила там счет за гостиницу. Я его нашла в комнате, там, где он лежал.

Удар. Она услышала звук, как будто бумажный пакет, наполненный водой, упал с третьего этажа. Но это не ее, это он Джоан ударил.

— Ах, ты... — хрипел он. — Я так и знал, что ты что-нибудь в этом роде выкинешь! Могла бы оставить свою визитную карточку у него в кармане. Одно и то же.

— Она врёт! — взвизгнула Джоан Бристоль. Одна сторона ее лица медленно краснела, словно покрывалась экземой. — Я готова поклясться, что видела счет у себя в сумке, когда вернулась сюда.

— Ты вынимала счет из сумки, показывала ему? Вынимала?

— Да, вынимала! Ты сам знаешь: мы решили, что я покажу ему, как мне нужны деньги. Но я положила его назад, Грифф! Я принесла его сюда!

Брикки покачала головой.

— Он, видимо, выпал. Счет на семнадцать долларов восемьдесят девять центов. На нем написано «просрочен» фиолетовыми чернилами. На нем был даже номер твоей комнаты.

Грифф рванул Брикки за волосы.

— Ты его принесла сюда? Что ты с ним сделала? Где он?

— Я его оставила там, где он был. Я боялась до чего-нибудь дотрагиваться. Я все оставила как было.

Подошла Бристоль.

— Не верь ей. Она могла взять его с собой. Обыщи ее.

— Обыщи ты. Ты знаешь, где вы, женщины, прячете.

Ее руки быстро и тщательно стали обшаривать каждый дюйм. Ноги Брикки были стянуты вместе. Счет лежал в чулке, с внутренней стороны ноги. Бристоль проверила чулки с наружной стороны.

— Счета у нее нет.

— Тогда придется пойти туда и достать его. Его нельзя там оставлять. Это нас выдаст. Ах ты, идиотка!

— Обожди минутку, Грифф! — сказала Бристоль быстрым, тихим шепотом, но Брикки слышала. — Мы ее возьмем с собой и оставим ее там, с ним. Устроим так, чтобы выглядело, будто она сама... — Она мотнула головой в сторону Брикки и сказала еще тише, но Брикки все равно слышала — так напряжено было все в ней. — Ты можешь сделать то, что хотел с самого начала, но сделай это там. Пускай-ка они распутают эту историю! Тогда все не будет иметь к нам никакого отношения.

На мгновение он задумался. Глаза его горели.

— Это единственный выход для нас, Грифф! Они подумают, это сделала она, а потом покончила с собой.

Он кивнул.

— Хорошо. Нам нужно провести ее мимо стола ночного дежурного, как будто она пьяная, понимаешь! И ее придется поддерживать. Я его все-таки заставлю отойти от стола, как я тебе раньше говорил. Мы просто провожаем ее домой, вот и все. Не трогай руки, пусть будет так, как есть, а ноги развяжи, чтобы она могла идти.

Бристоль взяла свое пальто и набросила его на плечи Брикки, закрыв связанные руки.

— Сними полотенце с шеи, — сказал мужчина. — Вот, возьми это. — Он передал Джоан Бристоль что-то черное, поблескивающее. Наверное, из этого револьвера он застрелил Грейвза.

Револьвер — под пальто, и левая рука Бристоль прижала его к спине Брикки, будто хотела вдавить его в тело — тупоносый черный револьвер.

— Теперь обожди здесь. Я пойду вниз, выведу машину из гаража и избавлюсь от этого дежурного. Дай мне десять минут. Потом пойдешь вниз.

Дверь за ним закрылась, и женщины остались одни.

Они не разговаривали. Они не сказали друг другу ни слова. Они стояли рядом — молча, напряженно; пальто приподнялось сзади маленьким шалашиком — там, где левая рука Бристоль прижимала к спине Брикки револьвер.

Интересно, будет ли она стрелять, если я вдруг сделаю шаг в сторону, чтобы оторваться от этого револьвера?

Однако Брикки такой попытки не сделала, и не только потому, что боялась. Они собирались отвезти ее туда, куда она с самого начала хотела повести их, — на место преступления. Так почему же не обождать? Правда, может быть, ей никогда не представится возможность убежать. А здесь эта возможность как будто бы есть. Но все-таки почему не обождать? Ведь туда придет и Куин.

Бристоль, наконец, заговорила:

— Ну, достаточно. Теперь пойдем. Но я хочу тебя предупредить: если ты хоть пискнешь на лестнице, или когда мы будем проходить через холл, или на улице, когда мы будем ждать машину, я выстрелю. И не думай, что я шучу. Я никогда не шутила. И вообще я родилась без чувства юмора.

Брикки не ответила. Она подумала, что это, наверное, правда. Это ужасно — быть всегда злой, злой на весь мир.

Они вышли из комнаты и пошли по вонючему коридору.

За одной из дверей зазвонил звонок будильника. И обемн показалось, что электрический ток прошел между ними, а ре-

вольвер был проводником. Она почувствовала, как Бристольтяжело задышала за ее спиной. Она поняла. Ей не надо было говорить, какая случайность спасла ее от того, что Бристольт не выстрелила, вздрогнув от этого звонка...

Они свернули на боковую лестницу. Они уже слышали голос Гриффа — где-то там, внизу. Гулкий, пустой голос.

— Ну, выпей еще! Не ломайся.

— Стой! — прошептала Бристольт, когда они дошли до последних ступенек. Стола дежурного отсюда не было видно.

Кто-то поперхнулся, закашлялся. И снова прозвучал голос Гриффа: «Легче, легче, не вышей всю бутылку!»

— Ну, — прошептала Бристольт и толкнула ее револьвером, как будто это была ручка, управляющая движениями Брикки.

Грифф был там один; он навалился на стол, положив голову на руки.

Странное существо: двухголовое, четырехногое, со странным горбом, — вот что представляли собой эти две женщины. Эти две женщины и револьвер. Грифф даже не обернулся.

Они были уже в машине, когда он присоединился к ним. Машина стояла недалеко от выхода. И Бристольт велела ей сесть сзади и села рядом.

Грифф сел на переднее сиденье, и они все еще не сказали друг другу ни слова. Бристольт передвинула револьвер, и теперь он упирался в бок Брикки. Брикки сидела тихо, совершенно не сопротивляясь.

Ночь вокруг раскололась на кусочки. Появились какие-то щелки и полоски света. Их становилось все больше и больше.

Они доехали быстро. Когда они завернули на 70-ю улицу, Бристольт сказала:

— Смотри не останавливайся, если ты не уверен.

Они проехали мимо дома, как будто ехали не сюда, а куда-то еще.

Дом хорошо хранил свою тайну. Он был таким же, каким был вчера утром, в этот же самый час. Утром. До того, как это случилось.

Все трое повернулись к дому, когда машина проезжала мимо.

«Куин уже, должно быть, вернулся. Он уже там. О боже! — Только теперь, вот теперь начинала она чувствовать страх. — А вдруг еще нет?»

Когда миновали дом, Грифф развернулся и поехал назад. Наконец он затормозил. Они снова посмотрели из окон автомобиля. Ничего.

— Мы можем туда подняться, — прошептал он, не разжимая губ. — Пошли.

Ее сердце было как испуганный зверек, когда ее выгнали на тротуар, зажали с двух сторон, как сэндвич, и быстро повели к дому. Они поднялись на крыльцо и вошли в тамбур, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не смотрит на них. Никто не смотрел.

— Все в порядке, — с облегчением сказала Джоан Бристольт.

— Где ключ, который был у нее? Быстрее!

Они втокнули ее внутрь и снова закрыли за собой дверь. Она делала все, что ей говорили. Но теперь конец. Теперь, когда они закрыли эту дверь, в счет пойдет каждая секунда. Даже

если он вернется через пять минут, он все равно опоздает. Он ее найдет здесь, как нашел Грейвза. Даже если он вернется сейчас же, и это не поможет. Просто здесь будут еще два трупа. Эти люди вооружены, а у нас ничего нет.

Может быть, может быть, он совсем не вернется? Может быть, что-нибудь такое случилось и с ним?

Темнога в доме была такой же непроницаемой, как и прежде. Бристоль сказала Гриффу, как и она сказала Куину, когда они пришли сюда в первый раз: «Не зажигай свет, пока мы не подымемся наверх». Ей казалось, что это было много лет назад. Но тогда здесь не было убийц. Здесь были только двое молодых людей, которые пытались начать жизнь сначала.

Грифф зажег спичку, прикрыл ее руками и повел их за собой. Брикки шла вслед за ним — в накиннутом пальто, с револьвером, припаянным к спине.

А что, если он ждет там, наверху, в темноте? А что, если он сейчас выйдет и скажет: «Брикки, это ты?» Тогда она будет виновницей его смерти. Она принесет ему смерть. А если его там нет, тогда она принесет смерть себе. Но из двух этих возможностей она предпочитала последнюю. Да и вообще какая разница? Все равно уже слишком поздно — они опоздали на автобус. Город оказался победителем. Как всегда.

Вход в комнату, где лежал убитый, казался мрачной черной ямой в слабых лучах его спички. Потом он зажег свет в комнате, и ее втолкнули туда. К мертвому человеку. В пустоту, где не было Куина, чтобы помочь ей.

Грифф сказал:

— Теперь быстро ищи счет, и смотаемся отсюда.

Бристоль посмотрела на пол и с угрожающим видом повернулась к Брикки.

— Ну, где он?

Она все еще держала револьвер в руке, хотя он теперь уже и не упирался в спину Брикки.

— Там, около него, как я и сказала, — ответила Брикки безжизненным голосом. И, помолчав, добавила: — И ты мне поверила.

— Так ты, значит, не... — взвизгнула женщина. Она повернулась к своему сообщнику. — Видишь, я тебе говорила!

Кулак мелькнул в воздухе.

— Где счет? У тебя? — проревел Грифф.

Брикки покачнулась от удара, потом мрачно улыбнулась.

— А уж эту проблему решать придется вам.

Его голос внезапно стал совершенно спокойным. Спокойный голос убийцы.

— Дай-ка его, — сказал он Бристоль, — я сам.

Револьвер перешел к нему.

— Отойди от нее.

И вот она оказалась одна — совсем одна, загнанная в угол.

Он подходил к ней все ближе. Он, наверное, хотел стрелять в упор, чтобы было похоже на самоубийство.

Ему потребовалось только одна или две секунды, чтобы подойти к ней, но ей они казались часами. Сейчас она умрет. Может быть, это к лучшему. Все равно теперь уже поздно. Автобус ушел. Автобус домой. На часах уже...

БЕЗ ЧЕТВЕРТИ ШЕСТЬ

Это последнее, что она видела. Она закрыла глаза и ждала, ждала.

Звук выстрела заставил ее раскрыть глаза. Ей казалось, что громче она никогда ничего не слышала. Непонятно, почему ей не больно. Всегда смерть бывает такой — каким-то онемением и ощущением глухоты?

Грифф странно покачивался перед ней. Это он покачивается или она? У него слишком много рук, слишком много ног. Его слишком много... Револьвер, все еще дымящийся, дрожал в его поднятой руке. А другая рука держала его руку. Еще какой-то рукой он был схвачен за горло. Его лицо! — искаженное, красное... А за ним — другое лицо, тоже искаженное, но не настолько, чтобы его нельзя было узнать.

Мальчишка из соседнего дома дрался за нее. Дрался за нее так, как и должен драться мальчишка из соседнего дома. Внезапно задрожал пол. Что-то рухнуло. Уже не было Гриффа. Не было рук и ног и голов перед ней. Ничего не было. Два тела извивались на полу.

Мимо нее пронеслась Джоан Бристоль с кочергой в руке, которую она схватила у камина и держала высоко над головой.

У Брикки были связаны руки. Но если мальчишка из соседнего дома мог броситься на револьвер с голыми руками, то она может броситься на кочергу вообще без рук.

Она вытянула ногу.

Джоан Бристоль упала вперед, а кочерга отлетела в сторону и ударилась где-то о стенку.

Она бросилась на Бристоль и прижала ее коленями к полу.

Она не могла разглядеть, что происходит с мужчинами. Она слышала звуки ударов. Один, второй, третий. Внезапно тела разделились. Один из них поднялся, а другой остался лежать. Тот, кто поднялся, держал в руке револьвер.

— Сейчас я тебе помогу, Брикки, — сказал он, задыхаясь.

Тогда она увидела: на полу лежит Грифф. Он немного вздрагивал. Поднял руку и прикоснулся к голове, но все еще лежал. Куин наблюдал за ним. Это у него был револьвер.

— Я могу ее удержать, — сказала Брикки.

Он подошел к письменному столу Грейвза, что-то там взял, потом подошел к ней и разрезал полоски, связывающие ее руки. Они оба еще так задыхались, что не могли разговаривать.

Затем он взял эти полоски, снова связал их и стянул руки Джоан Бристоль за спиной.

— И ему, — задыхаясь, сказала Брикки.

— Еще бы! — Он пошел в спальную, вернулся с простыней, которую сдернул с кровати Грейвза, разорвал ее и принялся за дело.

— Я увидел из окна, как они шли с тобой по улице. Ты шла так напряженно, что я понял: они угрожают тебе револьвером. Я спрятался в ванной...

— Это они, Куин. На этот раз мы поймали кого нужно.

— Я знаю, что Холмс ни при чем. Но я попал там в тяжелое положение... — Он поднялся и оглядел свою работу. — Ну,

это их удержит некоторое время. Нет смысла завязывать им рты. Пускай кричат сколько хотят. Да это, собственно говоря, нам и нужно. Мы даже им поможем в этом.

— Куин, какой теперь смысл? Вот они здесь. Но какая разница? Посмотри, уже две минуты седьмого...

— Давай попробуем, поедем туда. Может быть, если не этим автобусом, каким-нибудь другим...

— Бесполезно, Куин. Я тебе говорила. Видишь, город уже просыпается.

— Полиция тоже просыпается. Мы здесь попадемся, если будем терять время. Пошли, Брикки. Давай попробуем. — Он схватил ее за руку и потянул за собой вниз, по ступенькам.

— Возьми свой чемодан, открой дверь и стой там, в дверях. Я сейчас позвоню по телефону. Это займет не больше минуты. Он поднял трубку.

— Ты готова?

Она стояла в тамбуре, держа чемодан в руке, готовая броситься бежать.

— Приготовиться! Внимание! Начал!

Он сказал в трубку:

— Дайте полицию! — Потом он сказал ей: — Держи дверь широко открытой, чтобы и я успел. — Она оттолкнула дверь и подставила ногу.

— Алло, полиция? Произошло убийство. Дом номер... — Он назвал номер дома. — Ист-Сайд, семидесятая улица. Вы найдете Стивена Грейвза мертвым, на втором этаже. В той же самой комнате вы найдете двух людей, которые это сделали. Они связаны, и вы застанете их, если не будете мешкать. В письменном столе в той же комнате вы найдете письмо и из этого письма узнаете почему. Да, и еще одно! Револьвер, которым они это сделали, лежит в тамбуре, под ковриком. А? Нет, это не шутка. Хотел бы я, чтобы это было шуткой. Я? Нет. Я просто прохожий.

Он бросил трубку мимо рычага, крикнул ей: «Беги!» — и бросился вслед.

На миг он остановился, сунул револьвер под коврик и побежал за ней.

— Их машина! — крикнула она через плечо. — Он оставил в ней ключ!

Он прыгнул за ней, захлопнул дверцу, и машина рванулась. Не успели они завернуть за угол, как услышали звук приближающейся сирены.

— Быстро они работают, — сказал он. — Если бы мы не сели в машину, они бы нас снапали.

С бешеной скоростью они неслись вдоль Мэдиссон-авеню, еще пустынной. Дважды Куин проскакивал под красным огоньком светофора.

— Мы все равно не успеем, Куин, — сказала Брикки.

— Попытаемся по крайней мере!

Становилось все светлее. На востоке начинался еще один день. Еще один день в Нью-Йорке.

Ты выиграл. Ты рад? Тебе приятно знать, что ты нас поймал, что ты нас разбил? Парня и девушку из маленького города. У нас были равные шансы, не правда ли? Как всегда. Ты,

страшный, дробящий кости город!.. Равные шансы! Еще бы! Ты, гнилой город!.. Ты, ты, Нью-Йорк!

Слеза намочила ей висок, поползла почти до уха — на такой скорости был сильный ветер.

Его рука на миг оторвалась от руля и крепко стиснула ее руку.

— Не плачь, Брикки, — сказал он, смотря вперед, с трудом проглатывая комок в горле.

— Я не плачу, — сказала она. — Этого удовольствия я ему не доставлю. Пусть делает что хочет, а я ему не покажу, что мне плохо.

Здания впереди становились все выше. С каждым кварталом они, казалось, вырастают. От восьми-десятиэтажных до пятнадцатиэтажных, от пятнадцатиэтажных до двадцатиэтажных, от двадцатиэтажных до тридцатиэтажных — все выше и выше. Все время выше, захватывая небо, пока им не показалось, что они находятся в сточной яме с неприкрытой крышкой. Там, наверху, было ярко-голубое небо, а внизу — тусклая серость, вечная серость и лабиринты из бетона, лабиринты, из которых нет выхода...

Они мчались уже по 7-й авеню, по направлению к 30-й улице. Справа на них надвигался Бродвей. Потом внезапно, около 40-й улицы, Бродвей образовал двойной треугольник, который все называют Таймс-сквером.

Здание газеты «Нью-Йорк таймс» выросло перед ними. А справа — странный брус, неизвестно зачем поставленный на фоне светло-голубого утреннего неба.

Она схватила его за руку так внезапно, так резко, что руль повернулся, и они чуть не въехали на тротуар.

Она стояла на коленях и смотрела в заднее окно и трясла его за плечо.

— Куин, посмотри! О Куин, посмотри! Часы на башне «ПарамOUNT» показывают без пяти шесть! Сейчас только без пяти шесть! Часы в комнате, должно быть, спешили...

— А может быть, эти отстают? Ты сейчас вывалишься из машины!

Она посылала часам воздушные поцелуи. Она была в каком-то экстазе благодарности.

— Нет, эти часы правильные. Эти часы правильные! Это мой единственный друг в этом городе! Я знала, что он мне поможет! Значит, мы можем успеть. У нас еще есть шанс...

Она больше никогда не увидит небоскреба газеты «Нью-Йорк таймс»!.. Она больше никогда сюда не придет!

— Сядь, сейчас поворот!

Острый, как бритва, поворот поднял два колеса машины, и они уже на 34-й улице. А там, впереди, в двух кварталах от них, между 8-й и 9-й авеню, там, впереди, уже выехал большой междугородный автобус... Он только что выехал из ворот автобусной станции, развернулся и начал набирать скорость — на запад, к реке, к тоннелю, в сторону Джерси... К дому.

Такой близкий и такой далекий. На минуту раньше они бы успели. У нее вырвался какой-то крик, маленький и жалкий. Она его подавила. Она не спросила его, что им делать. И он ее не спросил. Он просто рванул машину вперед.

Он не хотел сдаваться. Усилием воли бросил он вперед легкий, маневренный автомобиль за автобусом. Они настигали его. Они поравнялись с ним. Автобус замедлил ход, чтобы свернуть в тоннель, и он остановил машину около автобуса. Им помог дружелюбный красный огонек светофора; он остановил и тяжелый автобус и легкий автомобиль.

Они выскочили из машины и стояли перед автобусом, умоляюще стуча в дверь.

— Откройте, пустите нас! Пожалуйста, пустите нас! Не оставляйте нас здесь... Куин, покажи ему деньги!

Шофер покачал головой и нахмурился. По выражению лица и жестам они поняли, что он ругается. А красный свет все держался и держался. И он не мог уехать. Он должен был сидеть и смотреть в их страдающие лица! Любимый человек, у которого есть сердце, должен был сдать. И у него, разумеется, было сердце. Он посмотрел на них в последний раз — хмуро оглянулся, не видит ли кто, а потом дернул за ручку, и дверь с шипением открылась.

— Почему вы не садитесь где полагается? — стал кричать он. — Вы что, думаете, это городской трамвай, который останавливается на каждом углу? — И прочие слова, которые люди обычно говорят, когда боятся, что их сочтут добрыми.

Она пошла, пошатываясь, по проходу и нашла два свободных места. Через мгновение Куин сел рядом с ней, а брошенная машина осталась стоять у тротуара. В руках у Куина были автобусные билетки; он крепко сжимал их в руке. Билетки до самого конца. Билеты домой.

Автобус тронулся.

Они ехали по полям Джерси. Позади был тоннель. Позади был Нью-Йорк. И только теперь она смогла говорить.

— Куин, — сказала она вполголоса, чтобы их никто не услышал, — интересно, посчитает их полиция виновными, не смогут ли они отговориться как-нибудь? Ведь в конце концов нас там не будет, чтобы рассказать, что произошло.

— Нам не надо там быть. Там будут другие, которые смогут это сделать так хорошо, что они никогда не выпутаются.

— Другие? Ты хочешь сказать — свидетели?

— Нет, свидетелей убийства нет. Никто этого не видел. Но есть один человек в семье Грейвзов, чьих показаний будет достаточно, чтобы осудить их.

— Откуда ты знаешь?

— Там, в письменном столе Грейвза, есть письмо от его младшего брата Роджера, который учится где-то в колледже. Помнишь, я тебе говорил? Грейвз, должно быть, получил это письмо вчера. Я нашел его, когда ждал тебя. Парень пишет Грейвзу, что если к нему обратится женщина по имени Бристоль и будет его шантажировать, чтобы он не поддавался.

— Откуда он знал?

— Он был женат на ней.

Мгновение она не могла закрыть рот.

— Теперь понятно, почему в ее записке написано: «Вы не знаете меня, но я **считаю** себя членом вашей семьи».

— Вот именно. Знаешь, бывают такие браки под винными парами. Только это даже был не настоящий брак, все было под-

строено. У нее где-то есть муж, и она боялась, что ее обвинят в двоемужестве. Поэтому она устроила фальшивое бракосочетание. Ничего подобного я в жизни своей не слышал!

— А как он вообще связался с такими подонками?

— Она выступала в небольшом кафе — неподалеку от его колледжа. И он там бывал в субботние вечера со своими товарищами. Там он с ней и познакомился. Он же мальчишка. Влюбился в нее и сделал ей предложение. Она и ее сообщник узнали, что он из видной семьи и что у Грейвза есть деньги. И вот они подстроили это бракосочетание, разыграли его.

— Такие вещи делались в прошлом веке!

— Именно такие старые штуки иногда проходят прекрасно. Вот ты послушай. Ее любовник раньше играл в водевиле, изображал сельского мирового судью. Ему пришлось только повторить роль. А парнишка поверил, что он в самом деле женился. Наверное, не на последнем месте было и виски.

— И ты хочешь сказать, что он не догадался...

— В своем письме он пишет, что он догадался месяца через два. Они держали свой брак в тайне. Парнишка продолжал учиться, а она продолжала выступать в кабаре.

— Какие гнусные люди есть на свете!

— Они виделись только по субботам и воскресеньям. Эти двое выжали его совершенно, как лимон.

— А потом, видно, повалился кувшин...

— Да, примерно так и произошло. Конечно, с самого начала все деньги шли от Стивена Грейвза. А об остальном можешь догадаться сама.

— Да, в общем могу.

— Мальчишка как-то случайно увидел около ее уборной этого типа, узнал его и, наконец, догадался обо всем. Но они немедленно удрали.

— Еще бы!

— Только они на этом не успокоились. У них уже закружилась голова, наверное. Они решили, что могут попытаться еще разок получить деньги, прежде чем Роджер сообщит своему старшему брату и предупредит его. И вот тут-то все и произошло. Письмо от парнишки обогнало их часа на два, и Грейвз был готов к встрече с ними.

— Остальное я понимаю, — сказала Брикки. — Я слышала, когда они разговаривали. Вместо того чтобы поддаться на шантаж, он им пригрозил. Женщина пришла туда первая, оставила мужчину ждать на улице. Грейвз послал ее к черту и сказал, что он обратится в полицию. Она потеряла голову, бросилась к двери и впустила своего сообщника. Он вытащил револьвер. Грейвз пытался отнять его. И заплатил жизнью.

— И я чуть было не заплатил своей жизнью, и ты чуть было не заплатилась своей.

— Ты имеешь в виду, когда дрался там с ним?

— Нет. До этого. Я имею в виду Холмза.

— Почему? Что случилось?

— Холмз!.. Он был ни при чем, конечно, но он так испугался из-за чека, что когда узнал о смерти Грейвза и понял, что его могут обвинить в убийстве, он чуть было сам не стал убийцей.

— Он пытался?..

— Больше, чем пытался. Он почти что прикончил меня. Что-то подсыпал в мой бокал и собрался бросить меня в реку. Кажется, он уже вытащил меня из машины, не знаю. Я уже почти потерял сознание к этому времени. Меня спасло твое имя. Я пробормотал, что ты знаешь про него и, хоть он меня и убьет, это не спасет его. Ну, все изменилось тогда. Конечно, его страх удвоился. Но вместо того чтобы толкнуть меня в реку, он четверть часа отливал мне голову холодной водой и заставлял ходить вокруг машины. Все ходить и ходить, чтобы снотворное перестало действовать. А потом он довез меня быстро — ко себе домой и там накачал меня черным кофе... Потом... Я не знаю... Мы вроде стали доверять друг другу. Не спрашивай меня почему. Наверное, мы оба слишком устали от подозрений. Я поверил, что не он убил Грейвза, а он поверил, что я не пытался шантажировать его. Он просто попал в тяжелое положение. У него не было денег, и, чтобы как-нибудь скрыть это, он дал Грейвзу негодный чек. Но вчера он уже достал денег и пошел к Грейвзу, чтобы вернуть их ему. А там узнал, что не может сделать этого, потому что Грейвз не может найти чек. Он перерыл весь стол, но не нашел. Грейвз, видно, очень нервничал — ждал прихода Бристоль. Он, наверное, хотел, чтобы Холмз как можно скорее ушел. С Холмзом-то все было ясно. А Холмз, конечно, беспокоился. Он очень беспокоился. Но он понял, что Грейвз — джентльмен и не заставит его заплатить лишнее за этот чек и не пойдет в полицию. Грейвз отнесся к нему очень холодно после того, что произошло, но они не ссорились, и он ушел от Грейвза, договорившись, что тот не будет его преследовать и что он придет еще раз, а Грейвз пощел чек. Грейвз в это время ждал Бристоль, а Холмз пришел незадолго до нее.

В общем я ему отдал чек. Иначе Холмза бы впутали в это дело. А я был твердо убежден, что Холмз в убийстве не виновен. Он при мне выписал новый чек, пометил его тем же числом, что и негодный, и отправил почтой Грейвзу.

Куин вытащил что-то из кармана и показал Брикки. Она побледнела, увидев столько денег. На мгновение она подумала...

— Нет, не пугайся, — сказал он. — На этот раз это честные деньги. Мне их дал Холмз. Он настаивал, чтобы я их взял, после того как узнал нашу историю, твою и мою. А он чувствовал такое облегчение, что выпутался из этой истории, что дал мне деньги. Двести долларов. Он сказал, что если я захочу, я могу понемногу возвращать эти деньги ему. Во всяком случае, их достаточно, чтобы начать. На двести долларов в нашем городке можно сделать кое-что. Мы могли бы внести первый взнос за...

Она не слышала его. Она больше не слышала его. Ее голова упала к нему на плечо и ритмично покачивалась в такт движению автобуса. Ее глаза были закрыты.

«Мы едем домой, — думала она сквозь сон, — я и мальчишка из соседнего дома. Наконец мы едем домой...»

Далеко, на башне «Парамоунт» часы пробили четверть седьмого.

Сокращенный перевод с английского
Э. МЕДНИКОВОЙ

В ДЖУНГЛЯХ НЬЮ-ЙОРКА

Порой Нью-Йорк выглядит красивым. Вспоминается красочная панорама города, которая развернулась перед нами в один из весенних дней. Мы смотрели со стороны Гудзона, и вдали из зеленой пены Центрального парка поднимались розовые от солнечного света здания Парк-авеню, за ними на фоне ультрамаринового неба дымчатыми колоннами маячили небоскребы Манхэттена, словно исполненные кристаллы, сверкали новые дома из стекла и стали.

Но чаще Нью-Йорк воспринимается иначе: кажется, что в нем беснуется слепая, вулканическая стихия. Она корезит здания, возводит новые, наворачивает горы земли и мусора, без конца дирижирует потоком автомобилей, вышвыривает на улицы толпы людей, гонит их в темные норы сабвея. Судорожный, истерический вихрь нью-йоркской жизни захватывает человека, как пушинку, несет его, крутит, бросает.

В этот гигантский водоворот судеб постоянно вовлекаются все новые и новые жертвы, сюда приезжают люди со всей страны, из-за рубежа, чтобы заработать на кусок хлеба, «войти» в жизнь. Они пополняют и без того до предела скученные кварталы Гарлема и Уэст-сайда, расселяются по случайным грязным клетушкам и начинают мучительное, скрытое от посторонних глаз единоборство с одиночеством, нищетой. Кончается оно по-разному. Одним удается найти какую-то работу, другие навсегда переселяются в трущобы и промышленляют случайными заработками, третьи живут за счет нищенских подачек так называемого «социального обеспечения» (таких в Нью-Йорке 360 тысяч) и т. д. Но бывает и так, что судьбу неудачника венчает пронзительный вой полицейской машины со слепящим «дьявольским глазом» на крыше. Ревущая и нагоняющая страх на прохожих полицейская машина должна утверждать в сознании горожан мысль о том, что правосудие не дремлет, что оно всегда начеку. Полицейскую сирену часто можно услышать на улицах: в 1961 году в Нью-Йорке было совершено около 120 тысяч серьезных преступлений.

Об этой стороне жизни города-гиганта рассказывает повесть Уильяма Айриша «Срок истекает на рассвете».

В современной Америке детективная литература занимает значительное место в потоке книг, рассчитанных на широкого читателя.

Сейчас в США большое распространение получили так называемые «rare book» («бумажные книжки») — дешевые издания в мягких кричащих обложках. Они стоят в пять-шесть раз дешевле обычных книг и расходятся огромными тиражами. Защитники «американского образа жизни» уверяют, будто они выпускаются для «просвещения народа». Знакомство с содержанием типичных образцов этой продукции приводит к иному выводу.

В кафе и магазинах, в аптеках и уличных киосках, на вокзалах и аэропортах — везде блестят яркие обложки таких

книжек. Все они на один лад. Это либо полуголая красотка в маниящей позе, либо демонического вида гангстер со всеми атрибутами своей недоброй профессии. На то, конечно, немаловажные причины. «Просвещение», «культурный уровень», «художественные качества» — для владельца издательства это все пустые слова. Он коммерсант. У него один «деловой» интерес: менять книжки на доллары. Поэтому он, не задумываясь, будет играть на самых низменных вкусах людей, стремиться увековечить их: когда речь идет о прибыли, то все средства хороши!

Расчет на то, что читатель не сможет справиться с соблазном узнать поподробней о жизни красотки или гангстера, он купит книжку и прочитает, не изведав глубоких переживаний. Ведь при чтении детектива переживания читателя заведомо условны. Как бы ни закручивался сюжет, в какие безвыходные ситуации ни попадал бы герой, опытный читатель знает — рано или поздно все станет на свои места, и преступник окажется в компании полицейских. Так что детектив — это пустячок, его всерьез никто не принимает. Главное, чтобы сюжет был составлен похитрее, и боже упаси, чтобы читатель догадался, как дело будет идти к развязке!

А между тем, как это ни парадоксально, именно этот жанр литературы касается одной из наиболее злободневных для Запада социальных проблем.

Как бы ни развивалось детективное повествование, его пружина — преступление, либо уже совершенное, либо еще предполагаемое. Когда же по следу пока неизвестного преступника крадется прославленный сыщик, он должен прежде всего раскрыть мотив преступления.

Истоки этих преступлений можно назвать естественными для капиталистического общества, где грань между преступлением и бизнесом часто становится неуловимой. Но «естественность» в данном случае — выражение типичных неотъемлемых черт буржуазного строя, и поэтому постановка вопроса об истоках преступлений сразу же вводит нас в круг острых социальных коллизий.

Для современной Америки это весьма тревожная проблема. Кривая преступлений здесь упрямо поднимается вверх. Лишь за 1951—1960 годы число преступлений почти удвоилось и растет в пять раз быстрее, чем численность американского населения. За океаном, разумеется, нет недостатка в теоретиках, которые причину подобных явлений видят в особенностях психики ряда людей. Но тогда закономерно встает вопрос — а каковы корни такой психики?

Наиболее модной в США является концепция, согласно которой преступления объясняются тем, что человек не видит для себя возможности «приспособиться» к жизни общества, не уверен в своих силах. Но все эти рассуждения остаются пустыми фразами, если не дан ответ на главный вопрос — чем вызывается эта неуверенность, почему у людей нет возможности трудиться, выбрать и получить работу.

Особое беспокойство американской общественности вызывает преступность среди подростков. Ведь 40 процентов крупных преступлений совершается людьми, не достигшими 18-летнего

возраста, и процент этот постоянно поднимается. Есть суровая истина американской жизни — молодежи труднее всего найти работу. Об этом с тревогой говорил президент Кеннеди в специальном послании о положении американской молодежи (февраль 1963 года). Уровень безработицы среди молодежи в два с половиной раза превышает общенациональный. Он еще выше среди подростков, бросивших школу, а таких в Америке около 35 процентов. Он особо высок среди малообеспеченных людей и негритянской молодежи. Проблема становится все острее. До 1970 года на рынок труда страны вступит свыше 26 миллионов молодых людей, и ни одному из них не гарантирована работа. Никто из них не застрахован от того, чтобы не стать завсегдаемым трущоб и ночлежек, парией «демократического» общества.

Факт роста преступности — наглядное осуждение самих принципов буржуазного общежития. Следует напомнить глубоко справедливые слова Маркса: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету и в которой преступность растет даже быстрее, нежели количество населения».

Таков тот невеселый общественный фон, на котором разворачиваются события «развлекательной» детективной литературы, таков социальный смысл каждого преступления в буржуазном обществе. Об одном из них мы и прочитали у Айриша.

Можно, конечно, по-разному оценивать занимательность повести как детективной истории. Думается, что с этой точки зрения в американской детективной литературе можно отыскать и кое-что «позанимательней».

Но повесть Айриша заметно выделяется среди потока стандартно-бездумных детективных историй своим сочувственным и правдивым рассказом о полной драматизма судьбе двух молодых людей, потерпевших крах в своей погоне за счастьем. Немало интересного читатель узнает о той жизни современной Америки, которая редко встречается на глянцевого страниц иллюстрированных рекламных журналов. А между тем она касается судеб миллионов людей.

В этом, на наш взгляд, ценность повести Уильяма Айриша.

Л. МИТРОХИН

О'ГЕНРИ

КОСА НА КАМЕНЬ

Рассказ О'Генри «Коса на камень» был опубликован в журнале «Всемирная иллюстрация» в 1925 году. Новый перевод сделан для «Искателя» Е. Толкачевым.

Рис. С. ПРУСОВА

Вилли Бистон стоял у стойки бара и млея: вертел в руках шляпу, глупо-счастливо улыбался и чувствовал, как поток величайшей нежности заполняет его сердце, грудь и, кажется, вот-вот вырвется наружу и затопит весь бар.

А по другую сторону стойки стояла Сибилла Вискерс, звонко смеялась и без умолку щебетала о тысяче вещей: о нарядах, о виски, о прическах и орлах, о весне и о нападении на поезд, с неумолимой женской логикой связывая весь этот винегрет в ту очаровательную болтовню, от которой и млея Вилли.

Вилли не повезло. Отправившись в поисках приключений в Техас, он скоро убедился в том, что времена героических эпопей миновали, и готов уже был повернуть оглобли в родной Массачусетс, когда, как-то войдя в бар старика Вискерса, увидел за стойкой Сибиллу и... остался.

«Любовь питается вздохами, трепетом и лунным светом». Это самая наглая ложь, какую только мне приходилось слышать от поэтов, которые, вообще говоря, никаким нравственным кредитом у деловых людей не пользуются. Несмотря на свои

двадцать три года, влюбленность и природную субтильность сложения, Вилли должен был поступить клерком к местному страховому агенту, чтобы поддержать свое восторженное существование у стойки бара старика Вискерса.

Старик не скрывал своего удовольствия, видя воркующую парочку: Вилли имел еще запас городских костюмов, а старик всегда мечтал иметь зятем городского человека.

А когда Вилли подарил старику шапо-кляк, завалившийся на дне чемодана, вопрос о свадьбе был решен и принципиально и практически. Старик гордо щелкал своим цилиндром и клялся, что бросит Кактус-сити и откроет в городе бар.

Обстоятельства как будто складывались благоприятно, но... неприятность началась именно с цилиндра старика Вискерса. Двое пьяных ковбоев стали задевать какого-то хмурого парня, одиноко тянувшего свое виски-сода. И когда один из них плес-

нул пивом на столик хмурого молодого человека, тот встал, спокойно надел шляпу, подошел к пьяному и, схватив его за шиворот, перебросил через весь бар. Пьяный шлепнулся на стойку, как раз на гордо сверкающий цилиндр старика. Цилиндр жалобно крикнул, и из блестящего бока вылезла пружинка.

Тут заревели сразу трое: старик Вискерс и оба пьяных. Еще

секунда, и дело дошло бы до пальбы, но незнакомец поднял руку и хладнокровно сказал:

— Минуту, джентльмены. Прежде чем пытаться пристрелить меня, подумайте об этом хорошенько.

Он вынул оба своих кольта и обратился к Сибилле:

— Стойте спокойно, мисс.

Потом поднял оба револьвера — бац, бац, бац, и над головой Сибиллы появилась надпись из пуль: «ИДАНО».

Наступила минута молчания. Затем восторженный шепот пробежал по бару:

— Вот так штука...

— Это настоящий стрелок...

— Я знал только одного человека, который мог делать такую штуку, — проворчал Вискерс. — Это Сова Фостер. Он еще выводил рамку из пуль вокруг надписи.

— Ну, этот был чином повыше меня, — весело сказал незнакомец и, подойдя к Сибилле, нежно спросил: — Вы не испугались, мисс?

— Нет, — ответила Сибилла.

С этого момента Идаго-Аткинс прилип к стойке, топтался около нее с утра до ночи и совершенно выгеснил Вилли от стойки и из... судя по веселому щебетанию Сибиллы, и из ее сердца.

Вилли не сдавался. Целыми вечерами он простаивал у стойки в надежде улучшить момент и объяснить Сибилле всю нелепость создавшегося положения. Но ни Сибилла, ни Аткинс не обращали на него ни малейшего внимания.

Она болтала о тысяче вещей: о нарядах, о виски, прическах, весне и нападении на поезд, а Аткинс сиял как именинник и глупо ухмылялся.

Наконец Вилли набрался храбрости и решился заговорить, но после первого его слова Аткинс сдвинул брови и сказал:

— Выйдем на минутку.

И когда они вышли, Аткинс произнес:

— Я никогда не убивал иначе как защищаясь, но на этот раз я готов сделать исключение для вас или для всякого, кто будет вторым по эту сторону стойки. Поняли? Прощайте.

Вилли провел бессонную ночь и наутро поделился своим отчаянием со стариком Вискерсом.

— Что же делать, сынок, — развел тот руками. — Женщину берут с бою... А разве кто-нибудь в этой округе выйдет на бой с Идаго-Аткинсом?..

— Значит, молчать?! — в отчаянии завопил Вилли. — А моя любовь? А ваш цилиндр?!

Старик помрачнел.

— Цилиндр...

И мигом вспомнил старую обиду, забытую в эти тревожные дни.

— Цилиндр... гмм... я подумаю...

Вискерс думал, Вилли предавался отчаянию и страховым

полисам, а Аткинс терроризировал всю округу: никто не смел подойти к стойке, когда он беседовал с Сибиллой.

И вот однажды Вискерс сказал:

— Потерпи немного, сынок, я, кажется, придумал. — Запряг свою тележку и уехал.

Вернулся он через два дня в сопровождении маленького старичка, у которого были унылые висячие усы и выпцветшие голубые глаза.

А вечером в самый разгар веселья, когда все столики были заняты, тихий старичок медленно пробрался через зал, облокотился на стойку, где Сибилла болтала с Аткинсом, и, взяв его бокал с виски-сода, стал невозмутимо тянуть напиток.

Все умолкли.

Аткинс побагровел, Сибилла побледнела, зрители разинули рты...

— Эй, вы... — закричал Аткинс.

Старичок уставился на него сонными выпцветшими глазками и полез в карман... Аткинс быстрее молнии выхватил револьвер... а старичок вынул красный платок и шумно высморкался.

— Эй, ребята, знаете, кто это такой?.. — развязно произнес старик Вискерс. — Кто из вас еще помнит Сову Фостера?

Все молчали. Старичок опять стал тянуть чужое виски, Аткинс опустил руку с револьвером. Потом они опять встретились глазами.

Минуты две продолжалась эта безмолвная дуэль, потом Аткинс хрипло сказал:

— Я... я не спустил бы этого никому... только вам, мистер Фостер... вы победили... Могу я уйти?

Старичок молчал и пристально смотрел ему в глаза.

Аткинс быстро повернулся и выбежал из бара. Через секунду на улице раздался топот лошади...

Два старых ковбоя встали и, подойдя к Фостеру, пожали ему руку.

— Поздравляем старого героя. Не угодно ли выпить с нами по стаканчику?

Старичок молчал.

Тогда старик Вискерс подошел и быстро завертел пальцами у него перед носом.

Старичок осклабился... и радостно закивал.

— Мистер Санди, хоть и глухонемой, но с удовольствием выпьет с вами, джентльмены, за здоровье покойного Совы Фостера, — объявил Вискерс.

В глубинах космоса. Фотокомпозиция А. ГУСЕВА ▶

На 4-й стр. обложки:
На строительстве Ново-Ярославского нефтеперерабатывающего завода.
Фото О. Иванова с выставки «Семилетка в действии»

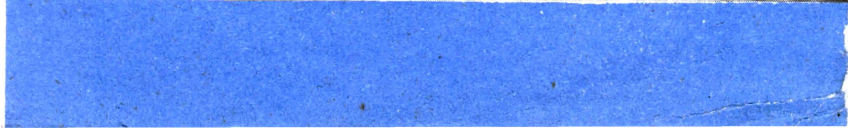
Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

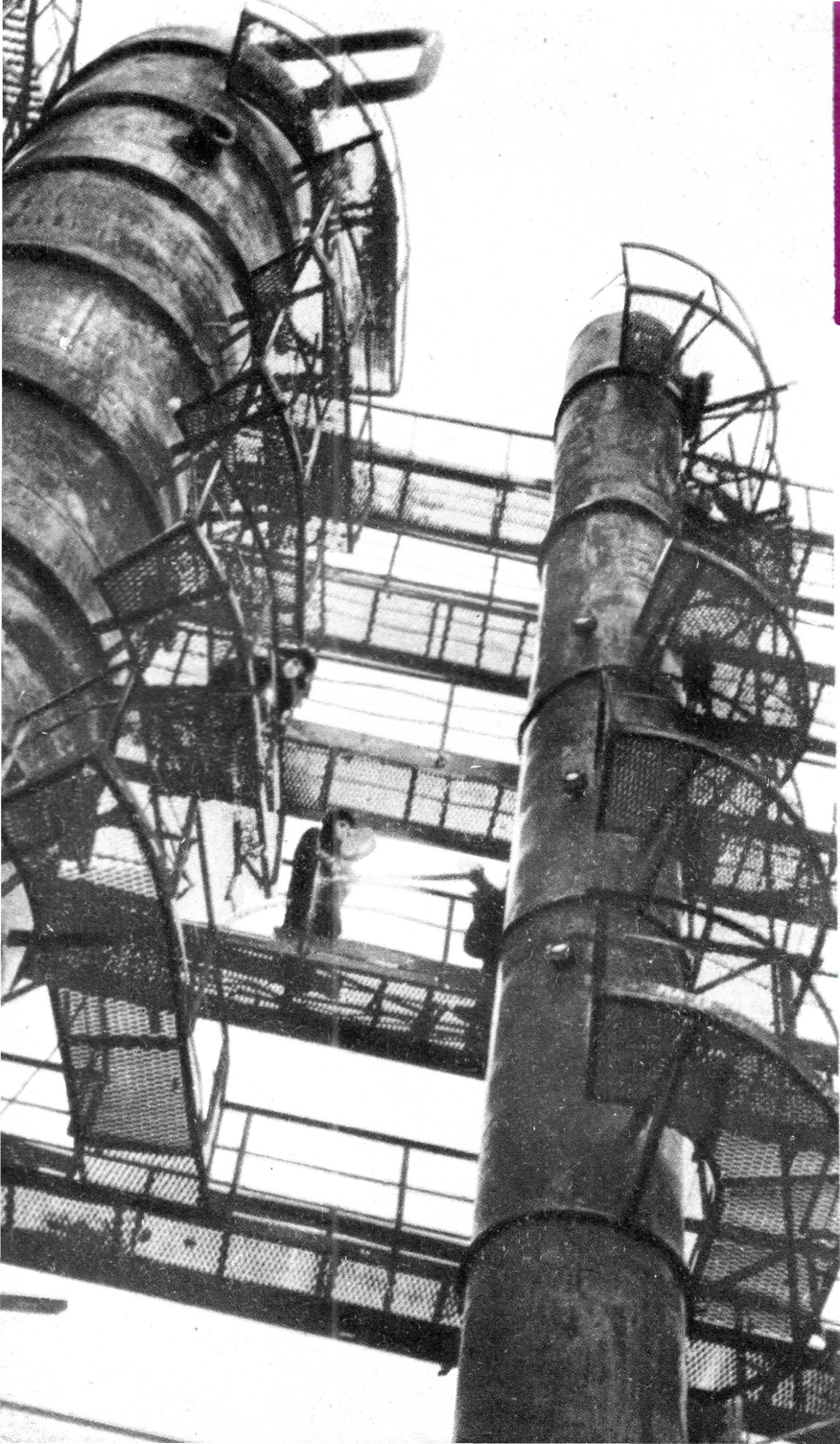
Художник-оформитель А. ГУСЕВ

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор Н. Михайловская
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Адрес редакции: Москва, А-30, Суцневская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 3-93

А07209. Подп. к печ. 16/Х 1963 г. Бум. 84×108^{1/2}. Печ. л. 5 (8.2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1626.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцневская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.